

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

1

2015

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/2015

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. 3

СТАТЬИ

А.В. Майоров — Монголы на Западе: тайная дипломатия императора Фридриха II 16

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Р.А. Бадиков — Генрих Христофорович Эйхе 45

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Ю.А. Пелевин — Казус Засулич 60

СООБЩЕНИЯ

Д.С. Дударев, С.Л. Дударев — Жизнь северокавказских горцев в мемуарах декабристов 79

Д.А. Ляпин — Причины восстания в Москве в 1648 г. 90

В.А. Субботин — Закат Тубинского княжества 99

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Е.Г. Муратова** — Князь Владимир Сергеевич Голицын «Центральный» 110

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А.П. Попп** — Мнения губернаторов о местном волостном суде в 1860—1880-х гг. 120
- С.В. Любичанковский** — Сенаторская ревизия Туркестанского края в 1908—1909 гг. 127
- Л.Д. Гусейнова** — Положение национальных меньшинств в Болгарии во второй половине XX в. 133
- В.М. Строгецкий** — Историография в античной школьной системе 140

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- А.Г. Поляков** — Гражданская война и православное общество 146
- А.Г. Мельник** — Почитание Сергия Радонежского в русских монастырях XVI в. 152

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.В. Чудинов** — Современные тенденции во французской историографии Революции XVIII в. 157
- В.Г. Буров** — История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII. Китайская Республика (1912—1949) 169

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г.

Заседание от 6 марта 1931 г.

Присутствуют гг. Климушкин, Новожилов, Лазарев, Сталинский, Марков, Ригана, Лозовой, Воронович, Минахорян, Архангельский, Калюжный.

Председательствует т. Минахорян.

Прения по докладу т. Климушкина.

Т. Н о в о ж и л о в. В связи с докладом т. Климушкина я бы хотел сказать несколько замечаний. Прежде всего, по моему мнению, мы должны иметь народно-хозяйственный подход к вопросу, т.е. нашу земельную политику мы должны строить на таких основаниях, которые могут обеспечить максимум благ для многомиллионного населения. С этой точки зрения наша социализация земли — роковая ошибка... Я не сомневаюсь, что карликовые хозяйства, обрабатываемые на общинном начале, не могут обеспечить хлебом нашу страну, не могут дать излишков хлеба для вывоза за границу. Вспомним, что наш крестьянский хлеб до 1910 г. в нашем заграничном экспорте занимал значительное место. Общинное землепользование не способствует подъему с.х., не развивает сильных индивидуальных «предпринимательских» качеств в крестьянине, столь необходимых для экономического прогресса. Я думаю, что это и побудило большевиков приступить к созданию «хлебных фабрик», которые превратились в Аракчеевские казармы, в Голгофу для нашего крестьянина. Колхозы большевиков, принудительный труд, возродили крепостное право в самых отвратительных его формах. В положении большевиков возвращение к крепостному праву, м.б. является вполне естественным... Ведь и крепостное право, павшее по манифесту 19 февраля 1861 г., было явлением, так сказать, закономерным, порожденным историческими условиями. В XVI и XVII ст. в России сложилась система, которая все население закрепостила: дворяне были «крепки»

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2014. № 8—12.

службой государевой, крестьяне были «крепки» земле. Все были прикреплены к государственному тяглу; все служили государству. Вся Россия была вооруженным лагерем. Манифест 18 февраля 1762 г. раскрепостил дворян, и только через сто лет стал лично свободен крестьянин. Манифест 19 февр. 1861 г., как известно, не разрешил в корне крестьянского вопроса. Это, м.б., и повело за собой ту цепь тягостных социальных и политических несчастий, которые привели к катастрофе 25 октября 1917 года. Я не являюсь принципиальным сторонником частной собственности на землю, но с полным убеждением заявляю здесь, что только в путях частновладельческого крестьянского хозяйства можно в России разрешить аграрную проблему. Несомненно, нужно подойти очень осторожно к этому кардинальному вопросу. Нужно выработать ряд переходных мер для защиты социально слабых слоев крестьянства, но в основном, по-моему, я прав: с социализацией земли с общинным землепользованием нужно покончить. Покончить мерами настоящей демократии, не путем приказа, не путем диктатуры.

Докладчик остановился на единонаследии земельных наделов. Здесь было уже сказано, что единонаследие не разрешает вопроса о перенаселении. Я скажу, что нельзя единонаследие связывать с майоратом. Нужно подчеркнуть, не может быть единого разрешения вопроса на протяжении всей России; этим следует и объяснить неопределенность докладчика в данном вопросе. Из сказанного мною должно с несомненностью вытекать, что я не являюсь поклонником общины. Я не согласен с теми, кто защищает взгляд, что община является исключительной особенностью России. Община существовала везде, а у нас удержалась так долго в силу нашей отсталости. Как в этом отношении, так и в отношении социализации, нашу программу не следует рассматривать как святыню, к которой нельзя прикасаться; вопрос об общине и социализации земли следует подвергнуть пересмотру. Я был бы вполне удовлетворен, если бы в результате пересмотра программы партии социолого-философское введение к ней было бы отброшено совершенно. Нам нужно учиться у европейских товарищей, которые центр тяжести своих программ полагают в детальной разработке практических требований программы.

Т. Л а з а р е в. Трудовое начало в землепользовании может быть руководящим и определяющим началом в нашей земельной политике, т.к. наиболее отвечает интересам страны.

Земельной политике большевиков, опирающейся на бедняка, нейтрального середняка и враждебной деревенскому «кулаку», мы должны противопоставит политику свободы и равноправия трудящихся и права каждого на полный продукт своего труда.

После большевицких колхозов и совхозов будущему правительству России придется принять на себя это наследство и сохранить этот порядок всюду, где он установился, переведя колхозы на производительную кооперацию свободных и полноправных членов ее.

Ввиду появления на смену трактора и усовершенствованных с.х. машин, ввиду повсемирной интенсивности с.х. хозяйства, экстенсивное хозяйство в России должно быть заменено более интенсивным, дабы оно могло конкурировать с с.х. других стран. Коллективизация с.х. как раз и отвечает этим требованиям. ПСР всегда стреми-

лась к созданию коллективного хозяйства, но лишь мирным и эволюционным путем.

Но рядом с колхозами должна быть предоставлена свобода тем силам, которые пожелают вести свое индивидуальное хозяйство.

Народники отрицали необходимость для воплощения социализма неизбежного прохождения человечества через все фазы капиталистического развития. По тем же основаниям марксисты враждебно и отрицательно относились к мелкому крестьянскому хозяйству и к мелким самостоятельным ремесленникам, считая их самой реакционной мелкой буржуазией — как вечных кандидатов в мелкие «хозяйки» для пользования наемным трудом.

Социализация земли означает передачу земли в собственность общества. Это выражение равносильно «национализации земли» или передаче земли народу. Этим решается вопрос собственности.

Но рядом с этим возникает самостоятельный вопрос: пользование общественной или народной землей. Большевики вначале, как правоверные марксисты, стояли за национализацию, т.е. за передачу земли государству — с тем, чтобы оно для производства сдавало землю крупным предпринимателям, капиталистам, дабы они, концентрируя землю в немногих руках, создавали вместе с тем и классовое национальное производство. Таким образом, общественная земля, сконцентрированная в руках одного национального капиталистического треста, при экспроприации у треста, станет сразу аортой социалистического хозяйства — производства и обмена. Этого требовала марксистская догма. К социализму, через капитализм. С этой точки зрения понятно, почему марксисты относятся враждебно к мелкой буржуазии и симпатизируют крупному капиталу, который превратит население в пролетариат — могильщика капитализма.

Т. К а л ю ж н ы й. Исходным пунктом нашего отношения к вопросу должно быть право личности. Те, которые ограничивают право каждого на землю, тем самым отрицают права личности и впадают в противоречие с основанием нашего мировоззрения. Говоря о праве на землю, мы тем самым говорим о праве труда. Противопоставлять эти два понятия не следует, т.к. мы отрицаем не трудовое владение землей, а собственность на землю.

В современном обществе существует несколько видов закрепощения личности. Одно из которых заключается в праве частной собственности на землю. Интересы раскрепощения личности требуют уничтожения частной собственности на землю, т.е. социализации земли. Конкретные и детальные формы нашей земельной политики нам сейчас определить и предопределить невозможно. Такая попытка была бы сейчас крайне нежизненна. Но общие основы земельной политики возможно и должно определить сейчас. И это направление заключается не в сохранении наследия большевиков, не в уничтожении частной собственности на землю в каких бы то ни было замаскированных формах, не в разрушении общины, а как раз в обратном. Мы никогда не должны забывать нашего понимания социализма: социализм — всестороннее раскрепощение личности. Этим мы должны руководствоваться всегда и при всяких условиях в земельной политике.

Т. К л и м у ш к и н. Товарищи, сначала я остановлюсь на некоторых частных вопросах, а потом перейду к общим возражениям

ям. Здесь говорилось о том, что я должен был остановиться не на нашей земельной политике, а на тактике в земельном вопросе. Полагаю, этот упрек не основателен, ибо здесь собрались не специалисты дела, и среда наша мало способствует разрешению практических вопросов для русской действительности. Нам нужно было выяснить нашу общую линию. На этом и был построен наш доклад.

То же самое я должен сказать и относительно другого упрека, будто я, говоря о том, что вопрос о наделении крестьян землей разрешен, и что теперь надо думать об усвоении приобретенной земли, отрицаю колонизацию. Я говорил только об общих тенденциях в земельном вопросе до и после революции, и утверждал, что если прежде стоял вопрос о захвате земли, то теперь стоит вопрос об интенсификации хозяйства на захваченной земле.

Этим разве отрицается необходимость увеличения земельного фонда? Работа по колонизации, конечно, будет продолжаться. В Сибири много еще земель необработанных, которые надо будет использовать в этих целях, но я это не считаю основной задачей.

Здесь был затронут также вопрос о праве на землю. Этот вопрос был поднят также и на заседании зем. комиссии. Говоря о том, что вся земля является собственностью народа, мы тем самым утверждаем право каждого гражданина на землю.

В своем докладе я говорил о потребностях данного времени, т.е. о вопросах нашей земельной политики ближайшего десятилетия. К сожалению, никто не обратил внимания на тот подход, который был мною подчеркнут. Я подошел к вопросу с точки зрения государственного строителя, а не агитатора. Этим и объясняется то обстоятельство, почему я подробно остановился на политике большевиков, чтобы определить наше отношение ко всему тому, что мы застанем в России после большевиков. Я уже говорил, что мы вынуждены будем принять это наследство, а это означает, что мы должны поддержать все те коллективные хозяйства, которые проявляют жизнеспособность. Этим я хочу определить только наше общее отношение к делу. Правда, это не выход и не разрешение всего сложного вопроса о коллективном хозяйстве. Но мы здесь не можем разрешить конкретные, порою чисто практические вопросы, и всякая такая попытка может только запутать вопрос; впрочем, я бы мог указать на некоторые способы таких разрешений вопросов; так, например, можно ограничить время выхода из коллектива определенным сроком, разрешить выход только тем, кто обладает необходимым инвентарем и т.д., но, повторяю, все подобные мероприятия носят местный характер и нуждаются в учете конкретной обстановки; вот почему приходится ограничиваться общим принципом, который я свел к раскрепощению личной инициативы с одной, и к содействию коллективным формам хозяйства — с другой стороны.

Другой момент, который, с моей точки зрения представляется важным, но со стороны моих оппонентов не заслужил должного внимания, это вопрос о самом народном хозяйстве, интересы которого могут сталкиваться с догмой социализма. Вот т. Новожилов говорил о собственности, о ее естественной необходимости в интересующей нас области. Ясно, что он говорил не из любви к ней, а имея в виду интересы народного хозяйства. То же самое заставило меня говорить о майорате, который вызвал много возражений, основанных на недоразумении.

Прежде всего, разрешите отказаться от слова «майорат» ввиду различного его толкования; я говорил о родовом пользовании землей. А это значит, что в случае выхода данного лица из общины, она не может отобрать у данного лица землю. Мне скажут: зачем, в сущности, регламентировать такой выход из общины? Это диктуется не только экономическими, но и политическими соображениями; не следует забывать, с одной стороны, тягу к собственности на землю, развитую большевицкой политикой среди крестьян, с другой — ту демагогию, которую могут развивать лица и группы вроде «Кр. России», чтобы завлечь за собой крестьян. Вот почему я думаю, что нам следовало бы поступиться чистотой наших идеалов, чтобы удержать за собою крестьянство. Это было здесь понято как замаскированная защита частной собственности. Я против нее, исходя из верховных прав народа на землю. Тем самым, я признаю и социализацию, а разногласия в деле проведения этой программы считаю несущественными. Признать одновременно социализацию и частную собственность на землю — невозможно. Я даже резко подчеркнул разницу между социализацией и национализацией, усматривая в последней частно-правовой момент в лице «собственника государства» и противопоставлял ей понятие народной «собственности» и прав народа на землю как единственно приемлемую формулу для нас; исходя из этого общего положения говорил о путях интенсификации с.х., о возможно более длительном праве пользования землей. Люди строят дома, сооружения на зем. участках не для 2—3-х летнего пользования. В связи с этим я и говорил об отрицательных сторонах общины, хотя и не отрицал ее преимуществ. Но эти мои суждения были восприняты т. Сталинским как удар по общине. Мой принцип: ко всем установленным хоз. формам относиться бережно. Поэтому я не могу быть противником общины. Я даже не предлагаю выход из общины, я только даю каждому право выхода из нее. На этом я и закончу свое заключительное слово. Но я не коснулся ни в своих тезисах, ни в докладе двух вопросов: наемный труд и аренда. Эти вопросы были поставлены в зем. комиссии Учр. Собрания; наемный труд допускался; это экономически необходимо и не в интересах с.х. его отрицание; что же касается аренды, то я бы ее не допускал, ибо такие земли могут быть переданы на известных условиях самой общине.

Выбрана комиссия для рассмотрения тезисов в составе тт. Нестерова, Архангельского, Сталинского и Климушкина.

Собрание закрыто в 8 час. вечера.

Заседание от 13 марта 1931 г.

Присутствуют тт. Новожилов, Калюжный, Якушев, Архангельский, Лазарев, Лозовой, Воронович, Милашевский, Сталинский, Постников, Марков, Минахорян, Ригана, Мальгин, Савинкова.

Председательствует т. Архангельский.

Доклад т. Сталинского о социально-экономической политике ПСР.

Т. С т а л и н с к и й. Прежде всего должен обратить внимание товарищей на следующее: в тезисах, перепечатанных на машинке согласно моей рукописи по недосмотру пропущена большая часть §24,

а точно также §§25 и 26 целиком. Полный текст имеется в № 3 «Эсера» (читает пропущенные §§ тезисов по «Эсеру»).

Я полагаю, что мы можем выработать только проекты, и тезисы мои следует рассматривать только лишь как материал к таким проектам. Но тезисы мои не относятся к экономической политике, а затрагивают вопросы всей нашей программы. Я думаю, что наша задача состоит не в выработке проекта-платформы, а программы. Думаю так потому, что мы ведем борьбу с большевизмом не на почве платформы, а по всем вопросам программы.

В этом отношении основным является вопрос: нужна ли в проекте теоретическая часть — предисловие? Об этом мы имели споры в Парижской группе. Тов. Вишняк считает излишней всю теоретическую часть, и выходит так, что любая социалистическая программа может быть приемлема для нас, если выкинуть из нее «теорию». Я не поддерживаю это мнение и думаю, что весь вопрос заключается в том, о каком предисловии или «теории» идет речь. Конечно, было бы нецелесообразно излагать в программе миросозерцание партии, которое нуждается в коррективах. Но существо с.р. программы, руководящие принципы должны быть оставлены.

Каковы эти принципы? Всякая программа есть результат приложения принципов партии к данному историческому положению. Говорят, что наша программа устарела. Да, это верно, но не потому, что она оказалась несостоятельной, а потому, что изменилась историческая ситуация. Наша программа утратила свое значение не в силу того, что в ней есть, а в силу того, чего в ней нет. Хочу сказать, что она отстала от жизни. Исходное начало, чем руководствовался я при составлении тезисов, это роль и значение личности, ее вмешательство в исторический ход вещей. С.р. не ожидали от капитализма тех организующих свойств, что марксисты, и не возлагали надежд на имманентные законы развития капитализма, механически подготавливающего наступление социализма; с.р. противопоставляли этой теории активное вмешательство в исторический процесс, применяя эту исходную точку зрения к особенностям России. С.р. пришли к выводу о возможности повернуть Россию на такой путь развития, при котором она не должна бы была пройти все фазы капитализма. И в дальнейшем, анализ движущих сил русской революции привел с.-р.-ство к взгляду, рассматривающему русскую революцию не как буржуазную, а трудовую. Должны ли мы отказаться теперь от этих принципов? Я полагаю, что нет. Против них спорили марксисты: «вот утопия», говорили они, «или социализм, или капитализм», третьего пути не дано. Отсюда теория катастрофического социализма, которая так долго владела умами теоретиков марксизма. Кто оказался прав в этом споре? Весь международный социализм встал на точку зрения эсерства и отказался от катастрофической теории социализма. Все программы теперь строятся с учетом формы переходного периода от капитализма к социализму, и в этом отношении наша программа одержала полную победу.

Эсерство в своих программных построениях исходило также из учета особенностей России. Как обстоит дело с этими особенностями? В соответствующих §§ тезисов я уже говорил об этом; вопреки усилиям большевиков «переделать Россию» в соответствии со своими

утопическими взглядами, внутреннее развитие страны совершилось по линиям, оправдывающим нашу с.-р.-овскую концепцию. Россия стала еще более сельской страной, чем при самодержавии, деревня стала еще более однородной и трудовой. В связи с этим сохранилась и земельная община. Но, кроме того, в результате революции создались еще новые особенности, огосударствление земли и наличие громадного количества мелких производителей крестьян — с одной, отсутствие буржуазии и наличие пролетариата, уже прочно свыкнувшегося с отсутствием социально-главенствующего над ним капиталистического класса, с другой стороны, еще больше усугубили те особенности, из которых мы исходили прежде. Что же теперь? Можем ли мы говорить о восстановлении капитализма в России, который бы противоречил нашей идеологии и нашим историческим задачам?

Я пришел к выводам, что нет! Принятие такой программы глубоко чуждо всему духу революционного народничества и не соответствует ни старым, ни тем более новым условиям российской действительности.

Подходя с нашими принципами к России, мы констатируем, с одной стороны, что собственность и производство коллективизированы там в громадных размерах. С другой стороны, применение самых крайних форм принуждения, насилия в экономической жизни. Мы должны сохранить из области коллективизации все то, что совместимо с интересами народного хозяйства и труда. Мы должны устранить политику насилия из области экономики. Вот два руководящих принципа, из чего мы должны исходить при составлении программы.

К чему приведет нас такой подход к вопросу? Возьмем землю. Восстановление частной собственности ни в какой степени не диктуется жизнью. И это настолько само очевидно, что доказывать не приходится. Разоренным крестьянским массам и не нужна собственность на землю; ее могут купить только иностранцы. За все время революции крестьянство никогда не выдвигало такого требования. Вот почему всякая попытка восстановления частной собственности на землю не только не может отвечать потребностям жизни, но является утопией. Что же делать с землей? Ответ на этот вопрос один: оставить нашу программу социализации. Конечно, в эту программу нужно внести коррективы: местами уменьшить применение принципа, местами усилить уравнение в соответствии с условиями действительности. Термин социализации земли у меня в тезисах я не употребляю. Я там говорю о огосударствлении и о сохранении общины, по существу речь идет о социализации земли. Однако первой и неотложной задачей является не вопрос о формах землепользования, а вопрос об устранении политики насилия в деревне. Политика партии должна будет ставить себе целью полное раскрепощение труда в деревне, обеспечение свободы хозяйствования крестьянству, упразднение системы чрезмерных налогов, устранение «ножниц», о чем я говорю в §16 тезисов.

Перехожу к промышленности. Что мы должны делать в этой области? В принципе, мы, с.р., не были противниками национализации промышленности; мы были не против принципа, а против немедленного и универсального осуществления его. Однако теперь, когда она

на слезах и крови народных масс уже проведена, было бы немислимо от нее отказаться. Да и говорить о денационализации излишне, ибо фактически она неосуществима. Вернуть заводы и фабрики бывшим хозяевам невозможно, ибо все переделано, изменено, вложено в него много народного капитала. Продать — невозможно, ибо, если бы даже и нашлась власть, способная на это, то можно было бы продать только иностранцам, что значило бы закабаление России иностранным капиталом. Следовательно, остается только один выход: сохранить за государством главные отрасли промышленности. Но как быть тогда с вопросом о частной инициативе? По-моему, для этого остается деревня, вся область сельского хозяйства. Но, помимо этого, раз отменяется монополия государственной промышленности, частный капитал может действовать наряду с государственным. В связи с этим стоит вопрос о рабочем классе. Мы не будем убаюкивать рабочих сказками, как это делают большевики. На нашей программе в этой области останавливаться не буду, ибо все указано в тезисах. Перехожу к вопросу о хозяйственной политике. Большевицкая индустриализация, ее темпы определяются не интересами страны, а доктриной и интересами коммунистической партии. Мы должны исходить из других руководящих принципов; темп в индустриализации должен соответствовать росту крестьянского хозяйства. Не следует забывать, что большевики являются наиболее последовательными представителями диктаториального марксизма, господствовавшего в международном социализме до войны. Они ведь в сущности осуществили ту диктатуру пролетариата, о чем говорили и писали марксисты. Наши пути в этом отношении расходились и прежде, они теперь расходятся резче. Вот почему центр хозяйственной политики надо будет перенести из города в деревню. В соответствии с этим и в социальной области основное значение получают меры к усовершенствованию земельной общины, к содействию ее перехода к более высшим формам в соответствии с требованиями земледельческого прогресса, равно как и создание наиболее благоприятных условий для свободного, основанного на принципе добровольности развития сельской кооперации, рост ее не только вглубь, а вширь, к такой эволюции ее, которая вела бы к постепенному кооперированию самих производительных процессов.

Что же в результате мы получаем? Промежуточный трудовой строй. Это не будет капитализмом, но и не будет социализмом. Это будет настоящая демократия политическая и хозяйственная. К этому, как к ближайшей цели, и стремится весь западноевропейский социализм, но только иными путями; у них вопрос о преодолении капитализма, у нас — большевизма. Таким образом, с разных концов мы идем к одной и той же цели. Но об этом уже сказано в тезисах, и останавливаться не буду.

В заключение я хотел бы сказать следующее: многим мои тезисы покажутся слишком левыми; если исходить из оценки российской действительности, существовавшей до войны, то такое заключение можно считать, пожалуй, и правильным; но если иметь в виду происшедшие изменения за этот период времени, то они являются очень умеренными.

Т. М и л а ш е в с к и й. Мне как-то на одном собрании сказали, что я не с.р., а просто-напросто либерал. Поскольку дело касается

имени, я не претендую на с.р.-ство, но поскольку это относится к моим взглядам и к моему отношению к вопросам, то нахожу, что такая квалификация несправедлива, ибо вижу, что мы с докладчиком прекрасно можем существовать и работать в одной и той же группе. По существу я во многом согласен с докладчиком, но я придаю большее значение государству и автономии личности и полагаю, что этим моментам при обсуждении интересующего нас вопроса должно быть уделено достаточное внимание. Экономическая политика нашей партии должна служить нуждам нашего народа, прежде всего для настоящего времени.

Признавая первенствующее значение автономии личности в государстве, мы должны ввести в круг неотъемлемых прав гражданина, наряду с правом на духовную и экономическую свободу, также и право на свободу хозяйственной деятельности. Ход развития мирового хозяйства приводит ныне государства к необходимости нормировки производства и выработки плана государственного хозяйства, каковой, однако, должен считаться с принципом свободы экономической деятельности граждан.

Народное хозяйство должно быть областью приложения свободной инициативы всех факторов, какие подготовила народная жизнь. В хозяйственной работе должны участвовать одинаково как предприятия государственные и муниципальные, так и кооперативы и другие культурные объединения, так и частные юридические и физические лица. Причем работа всех этих факторов должна быть поставлена в одинаковые юридические условия.

Необходимой предпосылкой нормального развития народного хозяйства является осуществление в государстве действительно правового строя, с надлежащей системой судостроительства и судопроизводства. В основу кодекса гражданского права должен быть положен институт частной собственности (кроме земельной), свободы договоров, а также институт наследования и завещания по примеру культурных народов.

В основе земельных отношений должно лежать начало социализации земли, проведенной основными законами. Земля отводится гражданам только в пользование и под условием общественного контроля. Права предпринимателя во внутренней жизни предприятия регулируются нормами «предпринимательской конституции».

Народное хозяйство в государстве, где осуществляются начала последовательного демократического строя, предполагает также и осуществление широкого социального законодательства, обеспечивающего положение труда.

Социализация экономической деятельности народа должна достигаться свободными и добровольными усилиями граждан. Принудительный социалистический строй мы относим к наихудшим видам тирании.

Т. П о с т н и к о в. Т. Сталинский говорил то, что у него имеется в тезисах. На ту же тему он в прошлом году выступил у нас на группе, и тогда с ним были согласны все. Невзирая на это, на одном из предыдущих собраний конференции бросили упрек по адресу докладчика в «трудократии», и мне пришлось доказывать, что дело идет только о трудовой нашей политике. По существу положения т. Ста-

линского являются повторением его прошлогоднего доклада, поэтому думаю, что существенных возражений теперь не встретят. Даже в Париже, насколько мне известно, с ним почти все соглашаются. Докладчик подслушал с.-р.-ую мысль и учел настроения, в этом надо ему отдать справедливость. Тезисы меня немного не удовлетворяют в том смысле, что они составлены два года тому назад. Если бы Е.А. писал бы их теперь, может быть, кое-что он бы изменил.

По существу в интересующем нас вопросе имеются два момента: это вопросы сегодняшнего дня и вопросы, связанные с падением большевизма. В первом отношении нам придется делать то, что диктуется насущной необходимостью дня: кормить, одевать, организовать и т.д. Во втором отношении, кроме предложений докладчика, других выходов не вижу.

С т. Милашевским мы расходимся в теории. Я верю, что на практике он такой социалист, как и мы все. А различие в теории не является основанием, чтобы нам не работать в одной партии. Теорию, которую он называет, я называю либерализмом, но из этого не следует, что я собираюсь его «исключать» из партии...

Т. Л а з а р е в (с места). Да, придется его временно в партии оставить.

Т. П о с т н и к о в. Основной вопрос в будущей экономической политике страны стоит в зависимости не от предопределения всей сути этой политики, а от того, кто будет ее осуществлять. Класс буржуазии у власти будет делать свою классовую политику, деклассированные элементы у власти будут стараться держаться возможно ближе нас, а все то, что говорит докладчик, может быть проведено в жизнь только нами. Т. Милашевский говорит о свободном соревновании, об автономии личности и т.д. Все это в жизни происходит железным законом капиталистического мира, и какой класс будет у власти, такая и будет политика.

Т. М а р к о в. Наша партия, как наследница славной «Народной воли», которая всегда отстаивала экономические интересы трудовых масс, крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции, должна продолжать политику народников и в дальнейшем. Она должна отстаивать социализацию земли с полным отрицанием частной собственности на землю и всю национализированную промышленность должна держать в руках государства. Если впоследствии ей эта задача будет не под силу, то она должна держать в руках государства по крайней мере главные отрасли промышленности. Она должна заинтересовать в этом деле служебный персонал, инженеров, техников, рабочих не только повышенной заработной платой, но и распределением некоторой части прибыли. Именно этим способом самодержавие субсидировало частную промышленность, чтобы этим связать с собою буржуазию, а большевики выматывают последнюю копейку от крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции в целях своей партийной политики.

Ни под каким видом не следует сдавать промышленные предприятия частным промышленникам, ни в аренду, ни в собственность; в случае нужды следует призвать на помощь кооперацию, трудовые артели.

Т. Л а з а р е в. Сталинский в докладе несколько упростил вопрос. В тезисах сказано больше. Но о них сейчас говорить не буду.

Необходимо выяснить наше отношение к капитализму и капиталистическим привилегиям, вытекающим из монопольного обладания средствами производства страны.

Теоретически все социалисты должны признать, что чем дальше, тем больше торговые и промышленные общества лишаются былых государственных привилегий и становятся такими же свободными ассоциациями как все рабочие и профессиональные организации; они столь же общественно полезны и необходимы, как и рабочие синдикаты. Прежде, при господстве сословных привилегий, и КЛАСС предпринимателей и крупных торговцев пользовался сверхштатными политическими правами и привилегиями; рабочие же, наоборот, были лишены избирательных прав и до последнего времени всюду оставались бесправными и принуждены были бороться за свое человеческое достоинство революционным путем. Но с восстановлением полной ДЕМОКРАТИИ капиталистическо-промышленные и торговые предприятия, даже картели и тресты, представляют собою свободные и добровольные организации, обслуживающие общество, все народы, все человечество, в неразрывном сотрудничестве с рабочими и другими профессиональными организациями. Несмотря на классовую борьбу со своими предпринимателями, рабочие общественно необходимо входят в сотрудничество со своими хозяевами на основе СВОБОДНОГО ДОГОВОРА. Между рабочими и хозяевами и происходит такой же торг, как и при купле-продаже на рынке; между покупателем и продавцом такая же противоположность интересов, как между хозяином и рабочим. Правда, могут сказать, что хозяин в торге с голодным рабочим имеет экономические преимущества перед продающим свой труд рабочим.

Но когда социалисты часто говорят, что нужно уничтожить капитализм во всех формах, т.е. уничтожить частную собственность на все средства производства, включая сюда и инструменты ремесленника и крестьянина, которых до последнего времени марксисты считали реакционной мелкой буржуазией, — то спрашивается: кому же передать эти экспроприированные средства производства? Обществу!... Но «общество» — юридическое лицо, ничего оно принимать не может без участия живых физических лиц. Кто же будет распоряжаться общественными средствами производства? Ослепленные демагогией, рабочие думают: кому же распоряжаться всем производством, как не РАБОЧИМ. Пролетариату! Так создается «революционный синдикализм», который до последнего времени отдавал запахом анархизма и враждебно относился к марксизму.

Марксисты, со своей стороны, были склонны передать средства производства в руки естественного представителя всего Общества или Народа — в руки ГОСУДАРСТВА. Но большевики проделали все эти опыты, они скоро отобрали власть рабочих от производства и передали производство в руки спецов и партийных чиновников. И теперь, перепробовав всякие НЭПЫ, пошли напролом к Коммунистическому военному КАПИТАЛИЗМУ. Но к капитализму самого злостного типа, который не допускает свободного договора с предпринимателем, СССР. А кто этот предприниматель? Класс ПРОЛЕТАРИАТ? Нет! Коммунистическая партия? Но теперь и это неверно. Правые и левые коммунисты рассажены по тюрьмам и значным местам. Остается только «Генеральная линия» со Сталиным во главе.

Несомненно, государство, предназначенное заботиться о благополучии целого общества или народа, должно взять на себя обязанность обслуживать общество и в области народного хозяйства. Но т.к. оно может вести государственные предприятия только чиновным путем, то оно должно взять на себя только такие предприятия, которые могут вестись без личной заинтересованности в предприятиях, наиболее характерным предприятием этого рода может служить почтовое ведомство. Раньше и почта была частным капиталистическим предприятием. Государство постепенно может брать в свои руки многочисленные предприятия, но нелепо думать, что государство может удовлетворять самым капризным требованиям своего народа и потребностям народов других стран. Ибо даже нелепо думать, что можно в наше время установить социализм в одной стране. Жизнь человечества уже давно интернационализировалась. Все теперь интернационально, начиная с таблиц умножения.

Кто же может теперь взять на себя обязанность удовлетворять все самые причудливые потребности всего общества? Кто должен иметь в своем распоряжении средства производства страны? Отнюдь не государство, за исключением вышеуказанных случаев; ни в каком случае не рабочие, не производители, а **ПОТРЕБИТЕЛИ**. Только они целиком составляют **ОБЩЕСТВО** или народ. Пора с негодованием отбросить ходячее среди радикальных социалистов выражение «кто не работает, тот не ест»! Будущее принадлежит потребителю, **ПОТРЕБИТЕЛЬНЫМ КООПЕРАТИВАМ**. Ибо все члены общества — потребители, но не все члены его могут быть производителями.

Общество состоит из трех поколений: 1. Подрастающее поколение, дети, которые не могут работать и не должны работать, но тем не менее имеют даже преимущественное право потребления общественных благ. 2. Отживающее поколение, старики и старухи, больные и неспособные к труду, которые тоже могут не работать, но имеют равное со всеми другими членами общества право на потребление общественных благ. Отживающее поколение само раньше активно работало на общество, воспитывая на смену себе молодое поколение, и теперь имеет полное право на отдых.

3. Наконец, взрослое трудоспособное население, для которых труд есть не только **ПРАВО**, но и обязанность работать на все общество, чтобы подготовить себе на смену подрастающее поколение и обеспечить, застраховав свою старость. Поэтому **ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ КООПЕРАЦИЯ** должна стать при социализме истинным хозяином производства. Рабочие в кооперативных предприятиях и теперь входят в столкновение с кооперативами, которые являются такими же хозяевами, как и капиталисты. Таково отдаленное будущее социализма. А пока рабочее поколение должно постараться своей организацией обеспечить себе справедливое вознаграждение за свой труд, в каком бы предприятии оно не работало. Но рабочий должен понять, «рабочим-производителем» он состоит только 8 часов в сутки, когда работает на фабрике или в своем предприятии, но, выйдя на улицу, он остальное время превращается в **ПОТРЕБИТЕЛЯ**. И вот ему предстоит разрешить экономическое противоречие и противоположность интересов производителя и потребителя на своей собственной шкуре.

Т. А р х а н г е л ь с к и й. Т. Сталинский был прав, когда говорил о том, что общие руководящие принципы в программе нужны, но подымать снова споры о признании и роли личности теперь, конечно, не следует, ибо это признают и марксисты. Ведь вся политика самих большевиков исходит в сущности из ставки на личное воздействие масс. Основной вопрос, по-моему, в данном случае заключается в следующем: весь западно-европейский социализм в настоящее время превращается в эволюционный социализм; к тому должны придти и мы. Это мы должны подчеркнуть и в нашей программе. Т. Вишняк в своих рассуждениях о характере программы отчасти прав. Программа не катехизис. Но не прав он в том, что нужна только платформа. Вместе с тем необходимо признать, что некоторые из руководящих принципов теперь утратили для нас бы-
лое значение.

Собрание закрывается в 8 1/2 часов вечера.

(Продолжение следует)

Монголы на Западе: тайная дипломатия императора Фридриха II

А.В. Майоров

Первым неоспоримым свидетельством завоевательных планов монголов в отношении Западной Европы, по-видимому, стало доставленное в начале 1238 г. венгерским миссионером монахом-доминиканцем Юлианом, дважды побывавшим на Волге в поисках прародины венгров, послание монгольского хана к венгерскому королю.

О результатах своего первого путешествия на Волгу Юлиан лично докладывал в Риме весной 1237 года. Его доклад был записан впоследствии неким братом Рихардом (*Relatio fratris Ricardi*). Во время второго путешествия, совершенного летом-осенью 1237 г., Юлиан видел в Суздале послов, отправленных монгольским ханом непосредственно к венгерскому королю Беле IV. Этих послов по каким-то причинам владими́ро-суздальский князь Юрий Всеволодович задержал у себя, а бывшее при них письмо хана к королю Венгрии передал Юлиану ¹.

Оба путешествия Юлиана описаны в подлинных документах XIII—XIV вв., сохранившихся в Ватиканской Апостольской библиотеке ². Особый интерес для нас представляет отчет о путешествии, адресованный папскому легату в Венгрии, архиепископу Перуджи Сальвио де Сальви, известный как «Письмо бр. Юлиана о Монгольской войне» (*Epistola fr. Iuliani de bello Mongolorum*). Документ был составлен сразу после возвращения Юлиана из второго путешествия на Волгу и дошел до нас в двух списках XIII в. (*MS BAV. Pal. Lat., 443; MS Vat. Lat. 4161*) ³.

В отчете приводится текст полученного через владими́ро-суздальского князя ханского ультиматума, писанного, вероятно, по-монгольски арабскими буквами и затем переведенного с помощью «некоего язычника» из «Кумании». Под угрозой неминуемого нападения монгольский хан грубо требовал добровольного признания своей верховной власти от венгерского короля ⁴.

Майоров Александр Вячеславович — доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Со слов владими́ро-суздальского князя и других информаторов Юлиан узнал, что конечной целью монгольских завоеваний был Рим, путь к которому лежал через Венгрию: «Многие передают за верное, и князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего»⁵.

О надвигающейся угрозе римскую курию незамедлительно известил и сам Бела IV. Отчет о путешествии монаха Юлиана, включавший текст монгольского ультиматума, был отослан дяде венгерского короля Бертольдусу Андексскому, патриарху Аквилеи, для дальнейшей переправки папе⁶.

В первоначальные планы монголов, очевидно, входило также завоевание германских земель, через которые должен был пролегать их путь в Рим. Одновременно с папой некое послание от монгольского хана получил германский император Фридрих II. Текст документа не сохранился. Единственным свидетельством о нем служит сообщение Хроники цистерцианского монаха Альбрика из аббатства Трех Источников в Шампани. Под 1238 г. в Хронике читаем: «Король Татарский написал императору Фридриху, повелевая ему, что, если он подчинится татарскому королю, то сможет выбрать для себя любое занятие при его дворе и получит от него земли. На это император ответил, что неплохо разбирается в птицах и мог бы стать ему (хану. — А.М.) хорошим сокольничим»⁷. Достоверность этого сообщения иногда ставится под сомнение⁸. Однако сомнения вызывает не сам факт ханского ультиматума или его содержание, а чересчур экстравагантный ответ на него императора.

Так или иначе, к ханскому ультиматуму с угрозами в адрес императора французский хронист отнесся столь же серьезно, как и к сведениям о готовящемся нападении татар на Венгрию. Годом ранее в своей хронике Альбрик поместил сообщение о появлении слухов, будто татары намерены в ближайшем будущем захватить Венгерское королевство⁹.

После разгрома монголами войск венгерского короля в битве на Шайо (11 апреля 1241 г.) вновь зазвучали тревожные голоса о том, что в дальнейшие планы захватчиков входит подчинение Германии и всего христианского мира.

Из письма папы Григория IX аббату монастыря Хайлигенкройц, расположенного под Веной, от 19 июня 1241 г. следует, что понтифик получил множество сигналов на этот счет: «мы узнаем из писем знатных мужей герцогов... Австрии и... Каринтии, что татары, после уже подвергшегося нападению и в значительной степени завоеванного ими Венгерского королевства, не разбирая пола и возраста, опьяняя свои мечи кровью всех, кого могут схватить, желают напасть на Чешское и Германское королевства, обратить в пустыню всю христианскую землю и погубить нашу веру»¹⁰.

Эти намерения завоевателей подтверждает император Фридрих II в своей энциклике против татар, датированной 20 июня 1241 г., сохранившейся во множестве списков: «Как мы твердо уверены, мать нашей религии и веры, святую римскую церковь, татары желают осквернить, а столицу и главный город нашей империи по праву господства или лучше [сказать] насилия — захватить»¹¹.

В июле 1241 г., когда венгерские земли к северу от Дуная уже были под властью захватчиков, об их дальнейших планах венгерский король Бела IV информировал германского короля Конрада IV: «...как мы точно знаем, они (татары. — *А.М.*) планируют с приходом зимы врасплох захватить Германию и как только там будет подавлено всякое сопротивление, завоевать все прочие королевства и провинции». Этот документ также сохранился в нескольких копиях ¹², что позволяет говорить о важном значении, придаваемом содержащимся в нем сведениям.

Несмотря на многочисленные известия об ужасах монгольских завоеваний на Востоке, их победах над половцами, захвате Киева и других русских городов, в Европе, по-видимому, недооценили истинную силу и решимость захватчиков идти дальше на Запад. Вплоть до разгрома монголами войск Бела IV в битве на Шайо и выхода врагов к берегам Дуная император и папа, очевидно, полагали, что с агрессорами венгры смогут справиться самостоятельно, или монголам понадобится затратить слишком много времени и сил на завоевание Венгерского королевства — крупнейшего и сильнейшего из государств Центральной Европы.

Отзвук подобных настроений отчетливо слышен в словах императора Фридриха II, объяснявшего свое долгое бездействие в отношении агрессоров упованиями на «большое число отважных государей и их людей, которые тогда противились оружию и ярости пришедших татар». В этом же документе — энциклике против татар — император признается, что «из-за большого расстояния у нас была уверенность, и мы были убеждены, что татары не смогут застичь нас врасплох» ¹³.

Судя по всему, только спустя месяц после поражения в битве на Шайо венгерский король непосредственно обратился к императору с призывом о военной помощи. 18 мая 1241 г. из Загреба Бела IV направил в Италию своего посла, вацкого епископа Стефана, с письмами к императору и папе. Вероятно, тогда же Бела обратился за помощью и к французскому королю Людовику IX, о чем можно заключить из позднейшей дипломатической переписки ¹⁴. В письме к папе венгерский король писал: «Просим мы и умоляем, пусть прозорливость Вашего Святейшества ради помощи христианскому народу даст нам и Венгерскому королевству совет и явит спасительную помощь» ¹⁵.

Оригинал послания Бела IV к Фридриху II не сохранился, но его содержание коротко изложено в Хронике Риккардо из Сан-Джермано, придворного нотариуса Фридриха II: «В этом же месяце (июнь 1241 г. — *А.М.*) до императора дошел слух о татарах, что они, разбив венгерского короля, стоят уже у ворот Германии, о чем императору рассказал сам венгерский король через своего посланника, вацкого епископа, и в своих письмах, в которых он обещал подчиниться власти императора сам и подчинить Венгерское королевство, если только император оградит его от тех татар щитом своего покровительства» ¹⁶. Эти сведения подтверждаются сообщением *Анналов кельнского монастыря Св. Пантелеймона* (известны также как *Большие Кельнские анналы* или *Кельнская королевская хроника*): венгерский король «через вацкого епископа испросил у императора помощи, обещая вечное подданство, если тот сможет вернуть ему королевство» ¹⁷.

Призыв венгерского короля совпал с подготовкой Крестового похода против татар в немецких землях, который возглавил сын Фридриха II, германский король Конрад IV. В мае 1241 г. он призвал своих подданных «принять крест» против татар и к 1 июля собраться в Нюрнберге. Тогда же в королевской курии были составлены так называемые «Военные наставления» (*Præcepta bellica*) против татар, известные по рукописи XIII века¹⁸. 16 июня последовала серия папских булл с призывами о помощи венгерскому королю, в том числе, обращение в адрес всех церковных прелатов и клириков¹⁹.

Свою энциклику против татар император Фридрих II издал только 20 июня 1241 года²⁰. Примерно второй половиной июня датируется ответное послание Фридриха королю Беле IV, сохранившееся в поздней копии, не имеющей даты. Ссылаясь на свою занятость неотложными делами в Италии, император призывал венгерского короля подождать, пока он вместе со своим сыном Конрадом не придет на помощь венграм с большим имперским войском²¹.

Не вызывает сомнения, что, по первоначальному замыслу императора, Венгрия должна была остановить татар исключительно собственными силами без какой-либо военной помощи Запада. В приведенном в Великой хронике английского монаха-бенедиктинца Матвея Парижского письме к английскому королю Генриху III и другим христианским государям от 3 июля 1241 г. Фридрих всю вину за поражение венгров возлагал на короля Бела: «Их король, ленивый и чрезвычайно беспечный... не подал примера ни своим, ни чужим в том, чтобы со своими подданными начать тщательнейшим образом готовиться к обороне и защите от набегов [татар]»²².

Из этого же письма следует, что императору заранее было известно о многочисленных угрозах монголов в адрес Бела: «...тартары требовали через вестников и послов, чтобы он (венгерский король. — *А.М.*), если жаждет жизни для себя и своих [подданных], поспешил снискать их расположение передачей [в их руки] себя и своего королевства»²³. Следовательно, венгерский король неоднократно обращался к верховному сюзерену Европы с известиями о монгольских военных планах и, несомненно, с просьбами о помощи.

О реакции на подобные обращения Фридриха можно судить по свидетельству Альбрика из Трех Источников. Император долгое время не воспринимал монгольскую угрозу всерьез и уже в разгар вражеского нашествия на Европу признавался, что, несмотря на многочисленные и частые предупреждения, он до последнего не верил в реальность монгольского вторжения²⁴. В энциклике против татар Фридрих прямо писал: «Хотя уже давно мы слышали о них (татарах. — *А.М.*), но, несмотря ни на что, боялись верить услышанному и предпочитали не верить»²⁵.

По-видимому, негативную оценку роли венгерского короля и венгров вообще, оказавшихся беспомощными перед татарами, разделяла Римская церковь. Во всяком случае, выразившие ее точку зрения магистр Рогерий Апулийский и архидиакон Фома Сплитский — современники разгрома Венгрии войсками Батыя — едва ли не главную причину случившегося видели в плохой подготовке к отражению татар ввиду того, что венгры были ослаблены слишком длительным периодом мирной жизни, предшествовавшим приходу врагов.

По словам Рогерия, когда о приближении татар «было объявлено по всему королевству, венгры из-за своей чрезмерной изнеженности этому не поверили, заявляя, что о татарах ходило много разных слухов, и всегда оказывалось, что эти слухи обращались в ничто»²⁶. Рогерию вторит Фома Сплитский: «...когда весть о пагубном нашествии татарского народа дошла до венгров, она была принята ими за шутку или бессмысленный вздор — то ли потому, что такие разговоры они часто слышали беспричинно, то ли оттого, что полагались на силу войска своего королевства»²⁷.

Сколь не велика была личная ответственность короля за постигшую венгров катастрофу, высказанные в его адрес упреки, на наш взгляд, нельзя признать вполне справедливыми.

Помимо общей недооценки масштабов монгольской опасности существовала и другая причина, по которой венгерский король не мог рассчитывать на получение реальной военной помощи против татар ни от императора, ни от папы.

В конце 1230 — начале 1240-х гг. Григорий IX и Фридрих II были заняты борьбой друг с другом за политическую гегемонию в Северной Италии, стремясь использовать в этой борьбе монгольский фактор. Условием объявления Крестового похода в защиту Венгрии от татар папа ставил безусловный переход короля в лагерь своих сторонников и разрыв отношений с императором²⁸.

20 марта 1239 г. Григорий IX в очередной раз отлучил Фридриха II от церкви, и это отлучение сохранялось уже до самой смерти последнего. 1 июля 1239 г. была издана папская энциклика, написанная, вероятно, кардиналом Райнером де Витербо, заклятым врагом Фридриха, в которой император назывался еретиком и «последним предтечей Антихриста». В ответ император и его сторонники начали контрпропаганду в Северной Италии, возвеличивая Фридриха как нового миссию.

9 августа 1240 г. Григорий IX объявил о созыве на Пасху 1241 г. нового Вселенского собора Римской церкви, который должен был осудить императора. Оставляя без ответа тревожные известия о приближении татар, папа настойчиво призывал венгерского короля явиться на собор и обеспечить прибытие венгерских прелатов. В послании от 15 октября 1240 г. понтифик требовал от Белы игнорировать угрозы императора и лично присутствовать на соборе²⁹. Чтобы проинструктировать Белу и венгерских епископов, как им обойти преграды, устроенные императором на пути в Рим, в Венгрию прибыл папский капеллан Иоанна Чивиелло³⁰. За месяц до нападения татар Апостольский престол по-прежнему призывал Белу выступить против императора. В посланиях к венгерскому королю и эстергомскому архиепископу, отправленных 26 февраля 1241 г., Григорий IX вновь потребовал явиться в Рим на церковный собор, не допуская возражений или отсрочек³¹.

Прибывавшие со всей Европы участники церковного собора собирались у северных границ Италии, не имея возможности идти далее из-за противодействия императора. Доставить их из Ниццы в Рим морским путем в обход территорий, подконтрольных Фридриху, согласилась Генуя. Однако с помощью Пизы, соперника Генуи, императору удалось организовать морскую блокаду. В пятницу 3 мая 1241 г.

между островами Монте-Кристо и Джильо Тосканского архипелага генуэзский флот потерпел сокрушительное поражение от флота союзников императора, возглавляемого его сыном Энцо, королем Сардинии, и адмиралом Ансальдо де Мари. Из двадцати семи генуэзских кораблей только два смогли спастись бегством. В плен к Фридриху попали более ста римских прелатов³². Проведение церковного собора, таким образом, было сорвано.

Во второй половине июня 1241 г., получив известия о разгроме татарами венгерского короля, император Фридрих выступил с войсками к Риму под предлогом переговоров с папой об организации крестового похода против напавших на Европу варваров. Рим фактически был взят в осаду. В этой обстановке 22 августа 1241 г. папа умер.

Обещанная императором Фридрихом и его сыном, германским королем Конрадом, военная помощь Венгрии, по-видимому, так и не поступила. Из дипломатической переписки и других имперских документов можно заключить, что к активным действиям против татар Фридрих II планировал приступить после урегулирования отношений с папой. Но и со смертью Григория IX дальше деклараций дело не пошло³³.

Правда, симпатизировавший императору Матвей Парижский под 1241 г. сообщает, что сыновья Фридриха, Конрад и Энцо, «с собранным со всех концов империи бесчисленным войском» разбили татар и куманов в жесточайшей битве где-то недалеко от Дуная³⁴. Под 1244 г. Матвей и вовсе утверждает, что Венгерское королевство было освобождено от татар войсками Фридриха: «Отправив бесчисленное войско, император не без великих расходов и опасностей освободил это королевство от бесчеловечных татар, а их самих решительно и благоразумно прогнал далеко от границ Венгрии»³⁵.

Исследователи, однако, оценивают эти известия как недостоверные или слишком преувеличенные. Такая же тенденция характерна и для свидетельств некоторых источников о победах над монголами баварского и австрийского герцогов³⁶. Из письма к венгерскому королю нового папы Иннокентия IV, датированного 21 августа 1245 г., следует, что никакой военной помощи против татар со стороны императора Бела не получил, и на этом основании папа освобождал его от принесенной ранее клятвы верности Фридриху³⁷.

Против версии об имперской военной помощи в освобождении Венгрии от татар свидетельствуют известные нам факты личных отношений Белы IV с Фридрихом II. Сразу после вступления на престол (осень 1235 г.) Бела отказался выплачивать императору ежегодный налог (трибут) в пять тысяч марок серебром, на который был согласен прежний венгерский король Андрей II. Прибывшие за деньгами послы императора стали свидетелями грандиозного скандала в королевском семействе: мачеха Белы, вдовствующая королева Беатрис, переодевшись мальчиком-конюхом, бежала из дворца со своим любовником, но была опознана встретившими ее послами императора, после чего о случившемся стало известно всей Европе³⁸.

По свидетельству Рогерия Апулийского, примерно в это же время сторонники Белы перехватили письма венгерских баронов к австрийскому герцогу Фридриху Воинственному и императору Фридриху II с предложением принять под свою власть Венгерское королевство³⁹.

В противостоянии с императором Бела IV опирался на поддержку Рима. В конце 1230-х гг. усилиями Апостольского престола была образована антиштауфеновская коалиция европейских государей, чему активно способствовал специальный посланник папы Григория IX архидиакон Альберт фон Бехайм.

Уроженец Богемии (по одной из версий), Бехайм был каноником в Пассау и архидиаконом в Лорше, затем несколько десятилетий провел при лапском дворе, а в 1246—1260 гг. занимал должность декана соборного капитула в Пассау (Бавария). Авторству Бехайма приписывается большое число исторических, богословских и публицистических произведений. Согласно Иоганну Энгльбергеру, дошедшие до нас многочисленные разрозненные фрагменты ранее составляли единый законченный труд — «Описание народов и различных стран Европы» (*Descriptio gentium et diversarum nationum Europe*)⁴⁰.

Благодаря решительным действиям Бехайма, на сторону папы перешли баварский герцог Оттон II и чешский король Вацлав I. Вскоре к ним присоединились также Бела IV и польский князь Генрих II Благочестивый⁴¹.

Чтобы ослабить позиции Штауфенов в Германии, Рим отказался признать законным правителем германского короля Конрада IV (13-летнего сына Фридриха II) и потребовал проведения новых выборов. Несогласные с этим подверглись суровым гонениям: по инициативе Бехайма в 1240 г. были отлучены от церкви зальцбургский архиепископ Эберхард II, епископ Пассау Рюдигер фон Бергхейм и ряд других сторонников императора из числа немецкого духовенства. От Фридриха II фон Парсберга, князя-епископа Айхштета, ревностный папский эмиссар потребовал наложить интердикт (запрет на отправление всех церковных служб) на жителей Нюрнберга, Вайсенбурга и Грединга за то, что они предоставили вспомогательные войска императору для ведения военных действий в Северной Италии⁴².

К исходу 1240 г. на сторону папы стали склоняться наиболее могущественные князья церкви в Германии, обладавшие правами курфюрстов, — кельнский архиепископ Конрад I фон Гохштаден, которого в 1238 г. Фридрих II, рассчитывая на его лояльность, сделал имперским князем со светскими правами, и майнцкий архиепископ Зигфрид III фон Эпштейн, назначенный императором регентом малолетнего короля Конрада. Только надвигающаяся опасность татарского нашествия сдерживала этих прелатов⁴³.

Добиваясь расположения Бела IV, Бехайм предлагал учитывать его голос при новых выборах короля в Германии, хотя венгерский король не обладал правами курфюрста. Когда подготовительная работа была закончена, Бехайм в марте 1241 г. просил папу прислать нового легата морским путем в Венгрию, где его должны были встретить Оттон Баварский и Генрих Благочестивый, чтобы проводить затем в Германию для проведения выборов⁴⁴.

В этой сложной обстановке император Фридрих II, по-видимому, установил какие-то контакты с монголами и сделал попытку прибегнуть к их помощи в борьбе с папой и его сторонниками.

Подобные подозрения в адрес императора были высказаны многими современниками монгольского нашествия на Европу. Главным разоблачителем выступал Альберт фон Бехайм, прямо обвинивший

Фридриха в сговоре с монголами и в подстрекательстве их напасть на Европу на том основании, что императорских послов видели во вражеском лагере накануне вторжения.

Часть бумаг Бехайма известна ныне по выпискам баварского придворного историографа Иоганна Георга Турмайра, известного также как Иоанн Авентинский (Aventinus) (1477—1534), хранящимся в Баварской государственной библиотеке. Среди них — копия послания к феррарскому епископу и другим прелатам, оригинал которого был датирован 27 марта 1241 года. В этом документе мы, в частности, читаем: «Из некоторых частей Германии сообщили, что послы Фридриха были замечены в армии тех варваров (татар. — А.М.), которые уже готовы к вторжению»⁴⁵.

Впрочем, сведения приведенного источника могут быть поставлены под сомнение ввиду его крайней политической ангажированности. Однако упорные слухи о сговоре Фридриха с монголами неоднократно отмечают и более лояльные императору свидетели.

Это, прежде всего, касается известий Матвея Парижского, монаха Сент-Олбанского аббатства в Хартфордшире (Англия), чьи политические симпатии были целиком на стороне императора. Как отмечают практически все исследователи творчества этого хрониста, в своем стремлении прославить Фридриха и принизить его врагов, главными из которых были папы, Матвей не останавливался даже перед искажением фактов и часто пользовался недостоверными сведениями, в том числе, когда описывал события, связанные с нашествием монголов⁴⁶.

Тем не менее, хронист не смог обойти вниманием дошедшие до него сведения о тайном сговоре императора с монголами, и представленные им свидетельства донныне остаются главным источником по данному вопросу.

Под 1241 г. в своей Великой хронике Матвей поместил специальную главу о «недобрых подозрениях» насчет Фридриха, которая является своеобразным откликом хрониста на приведенное им выше «Послание императора о нашествии татар» к английскому королю и другим христианским государям Европы, датированное 3 июля 1241 года. Из слов хрониста следует, что наводнившие всю Европу слухи о сговоре императора с татарами подогревались явными несуразностями, содержащимися в упомянутом послании: «По всей Европе и даже в сарацинских землях распространились странные слухи, по поводу которых не было единого мнения. Появились люди, которые утверждали, что сам император намеренно использовал татар, этот бич народов, и что его многословное лукавое письмо служило не более, чем прикрытием самых зловещих и дерзких замыслов, в которых Фридрих мечтал о власти над всем миром и об уничтожении христианской веры, словно Люцифер или Антихрист»⁴⁷.

Наибольшее негодование Матвея вызывали неверные сведения о происхождении татар, содержащиеся в письме Фридриха: «Ему ставили в вину, — продолжает Матвей, — одно место из письма, в котором была заключена ложь. Там было сказано, что татары, неизвестные до того никому, вышли из южных стран, находящихся в жарком поясе; но это, очевидно, вымысел, ибо мы никогда не слышали, чтобы татары проходили по южным или восточным странам». Эта «ложь» Фридриха и невозможность получения достоверных сведений порож-

дали новые сомнения: «Некоторые подозревали даже более страшные вещи, будто тайные действия татар не обходились без их договора с императором. Никто не мог понять их замыслов, так как они умеют держать в тайне свой язык и научились переменять вооружение. Если кто-нибудь из них (татар. — *А.М.*) попадет в плен, то даже жесточайшими пытками нельзя добиться у него сведений об их планах и намерениях»⁴⁸.

Далее Матвей делает попытку самостоятельно разобраться в вопросе о происхождении татар, опираясь на собственные знания географии и климатологии: «Известно, что мир делится на семь климатов, а именно: индийский, эфиопский или мавританский, иерусалимский, греческий, римский и франкский, и что на всей поверхности обитаемой земли нет такого места, даже самого отдаленного, куда не проникали бы купцы, как об этом сказал поэт Гораций: “неутомимый купец доходит до края Индии”...»⁴⁹

Анализируя последствия нашествия татар на Венгрию и другие страны Европы, Матвей находит новые доказательства сговора Фридриха со степняками: «...именно эти татары в союзе с куманами, приглашенные императором, напали на короля венгров и других правителей в империи с целью истощить их силы и заставить искать спасения у императора и присягнуть ему на верность, за что он окажет им помощь. И вправду, когда сказанное случилось, татары ушли». И все же хронист, по-доброму расположенный к Фридриху, завершает свое расследование подозрений о его преступном сговоре с татарами сомнением: «Но я далек от мысли, чтобы это злодейство могло зародиться лишь в сердце одного человека»⁵⁰.

Спустя несколько лет, описывая конфликт императора с новым папой, Иннокентием IV (под 1244 г.), Матвей Парижский вновь обращается к обвинениям в адрес Фридриха и уже более решительно отвергает их как надуманные. Вспоминая о недавнем нашествии татар на Венгрию, хронист пишет: «Были те, кто говорил, что эти отверженные татары пришли из-за императорских козней; заботясь о власти императора и связанные с ним, все это делая, чтобы император того короля (Белу IV. — *А.М.*) и королевство подчинил своему могуществу. Но это был лепет недоброжелателей, и верить этому не следует»⁵¹.

Свою уверенность в невинности Фридриха Матвей, как уже отмечалось, подкрепляет сведениями о том, что император будто бы с самого начала нашествия показал себя решительным противником татар и с помощью своих сыновей уже в 1241 г. освободил от них Венгрию⁵². Однако такие сведения не только не подтверждаются другими источниками, но и прямо им противоречат.

По сообщению современника нашествия Фомы Сплитского, император, получив известие о разорении Венгрии, вовсе не был настроен сражаться с монголами, а, скорее, наоборот, собирался бежать от них: «Когда, в конце концов, над венгерским народом была одержана победа, и слух о величайшем несчастье быстро разнесся повсюду, почти весь мир содрогнулся, и все провинции охватил такой страх, что, казалось, ни одна из них не сможет избежать нечестивых рук. Говорят, сам римский император Фридрих думал не о сопротивлении, а о том, как бы ему укрыться»⁵³.

Под 1247 г. Матвей Парижский в третий раз обращается к теме отношений Фридриха II с татарами и сообщает о новых причинах заподозрить императора в сговоре с варварами. По словам хрониста, после низложения Фридриха Лионским собором (летом 1245 г.) «многие благоразумные мужи» всерьез опасались, как бы «огорченный и чрезмерно разгневанный император не отрекся от истинной веры, либо не призвал часом на помощь татар из Руси, или султана Вавилонии, с которым жил в дружбе»⁵⁴.

Многочратно описанные Матвеем слухи о сговоре с татарами императора, пытавшегося с их помощью подчинить своей власти строптивного венгерского короля, находят подтверждения в других источниках середины XIII века. В частности, об этом свидетельствует Рихер из Сенона — монах бенедиктинского аббатства Св. Петра в Сеноне. Много путешествовавший по Франции и Южной Германии, он посещал двор императора Фридриха II и был хорошо осведомлен о событиях политической жизни своего времени.

В своих «Деяниях Сенонской церкви» (*Gesta Senoniensis Ecclesiae*), в главе, посвященной нашествию татар на Венгрию, Рихер отмечает: «Некоторые говорили, что император Фридрих побуждал их (татар. — *А.М.*) напасть на Венгрию, потому что король Венгерского королевства, которое он получил от императора, не желал ему повиноваться; это впоследствии подтвердилось. Король Венгрии должен был подчиниться власти господина императора и получил [от него] Венгерское королевство»⁵⁵.

Разумеется, известия о сговоре императора Фридриха с татарами требуют осторожного отношения в виду их возможной связи с массивной антиштауфеновской пропагандой Рима. Но, вместе с тем, как справедливо отмечает Питер Джексон, эти обвинения и в особенности сведения о том, что император направлял к монголам своих послов, — не столь уж нелепы, как может показаться на первый взгляд. Достаточно вспомнить, что в предшествующее время христианские правители Европы неоднократно прибегали к услугам кочевников в достижении своих политических целей⁵⁶.

Недостаток прямых свидетельств о тайных сношениях императора Фридриха II с монголами в известной мере может быть компенсирован косвенными данными, на наш взгляд, весьма красноречивыми.

Анализируя ход событий монголо-татарского нашествия на страны Центральной Европы, Томаш Ясиньский отметил важную закономерность: «Не может быть случайностью, что весной 1241 г. главный удар монголов пришелся на сторонников папы, за исключением Баварии, которая только в виду своего географического расположения избежала судьбы Венгрии, Чехии (Моравии) и Польши». Даже если исключить мысль о тайном сговоре монголов с Фридрихом, не может быть сомнений в том, что захватчики отлично ориентировались в расстановке политических сил в Европе и, так или иначе, приняли одну из сторон конфликта, атаковав только приверженцев папы Григория IX. Ввиду грандиозных масштабов военной операции в Центральной Европе трудно допустить, чтобы монголы полагались бы только на удачу и не установили контактов со своим потенциальным союзником Фридрихом. Последнее тем более вероятно, что военным предводителем похода был Субедей, постоянно прибегавший к помощи дипломатии⁵⁷.

Действительно, если вспомнить о созданном усилиями Альберта фон Бехайма на рубеже 1230—1240-х гг. антиштауфенском альянсе, состоявшем из правителей Баварии, Чехии, Венгрии и Польши, и сопоставить с этим фактом результаты монгольского нападения на Европу в 1241 г., то можно констатировать, что удар захватчиков был нанесен исключительно по владениям противников императора Фридриха.

В Польше монгольский удар пришелся на владения силезского, великопольского и краковского князя Генриха II Благочестивого, а также бывшего под его опекой сандомирского князя Болеслава V Стыдливового. В январе 1241 г. монголы захватили Люблин и Завихост, 13 февраля пал Сандомир, 18 марта в битве у Хмельника (под Краковом) были разбиты войска краковского и сандомирского воевод, 28 марта был занят Краков. Князь Болеслав Стыдливый бежал в Венгрию, а затем в Моравию⁵⁸.

9 апреля 1241 г. близ города Легницы (Нижняя Силезия) войско Генриха Благочестивого, состоявшее из силезских, а также мало- и великопольских отрядов, к которым присоединились немецкие и моравские рыцари, было наголову разбито и почти полностью уничтожено примерно равным по численности монгольским корпусом под командованием хана Орды, при этом сам князь Генрих попал в плен и был предан унижительной казни.

Войска чешского короля Вацлава I, шедшие на помощь Генриху Благочестивому, лишь на один день опоздали к началу битвы под Легницей. Во второй половине апреля 1241 г. монгольские войска обрушились на земли Моравии и в течение нескольких дней подвергли их жестокому опустошению. Уцелели только заранее укрепленные по королевскому приказу города и замки. Поспешность в действиях монголов на территории Моравии вероятнее всего объясняется приказом Батгя срочно перебросить корпус Орды на соединение с основными силами монголов в Венгрии.

Главный удар монгольских армий весной 1241 г. был нанесен по территории Венгерского королевства. Основное наступление началось, вероятно, накануне Пасхи (31 марта), хотя первые столкновения на восточных границах королевства произошли еще в конце 1240 года. В решающей битве на реке Шайо (11 апреля) монголы разбили и уничтожили войска Белы IV и его брата Коломана, после чего оккупировали всю территорию страны к северу от Дуная.

Дальнейшие действия монголов на территории Венгерского королевства напоминают специальную операцию по поимке Белы: переправившись через Дунай зимой 1241—1242 гг., они в начале марта уже достигли Адриатики, где методично разыскивали беглого короля по всему побережью, подступая то к одному городу, то к другому. Получив сведения, что Бела укрылся в крепости Клис (недалеко от Сплита), монголы предприняли несколько попыток штурма, но, убедившись, что короля там нет, сняли осаду и направились к островной крепости Трогир. Только непреодолимая для монгольской конницы водная преграда спасла Белу от плена⁵⁹.

По некоторым, впрочем, весьма ненадежным сведениям, не удалось избежать столкновения с монголами и баварскому герцогу Оттону II. В Анналах Тьюксберийского монастыря (Глостершир, Ан-

глия) (рукопись XIII в.) под 1240 г. помещено сообщение: «Явился некий народ, называемый тартарами, сыны Измаиловы, вышедшие из пещер [числом] до 30 миллионов и более. Они опустошили все провинции, через которые пролегал их путь. Но герцог баварский многих убил и сбросил в реку»⁶⁰.

Исследователи оценивают это сообщение как недостоверное⁶¹. Вместе с тем, о какой-то победе над монголами баварского герцога как будто говорит еще одно известие, читающееся в Рифмованной хронике Филиппа Муске (середина XIII в.): «С другой стороны герцог Баварский, он, его путь и его штандарт легко смутили их [татар]»⁶².

Узнав о связях Фридриха с монголами, бывшие сторонники папы поспешили нормализовать отношения с императором любой ценой. Уже в мае 1241 г. Бела IV согласился признать суверенитет императора, а чешский король Вацлав I установил контакты с сыном Фридриха Конрадом IV, сообщив о своей решимости бороться с татарами⁶³. Следом и старший сын погибшего под Легницей польского князя Генриха Благочестивого Болеслав Лысый Рогатка выслал посольство к императору⁶⁴.

В германских землях Крестовый поход против монголов начался еще до официального призыва папы Григория IX и санкции императора Фридриха II.

В апреле 1241 г. немецкие прелаты на местных церковных соборах приняли несколько декретов о подготовке похода, объявили внеурочные церковные посты и организовали публичные покаяния. Бежавшие от монголов из Венгрии и Польши монахи нищенствующих орденов активно включились в пропаганду похода и развернули массовый сбор пожертвований на его нужды.

В Анналах кельнского монастыря Св. Пантелеймона читаем: «После этой битвы (битвы на реке Шайо. — *А.М.*), а также после поражений в Польше и в Венгрии, бежали многие братья-проповедники и минориты, которые подняли со знаком креста против этих варваров почти всех германских священников и мирян... Животворящим крестом облачили себя также король, сын императора, архиепископ Кельнский и очень многие дворяне Германии. Немалый страх перед этим варварским народом охватил также отдаленные земли, не только Галлию, но и Бургундию с Испанией, где до этих событий даже имя татар никому не было известно»⁶⁵.

Помимо кельнского архиепископа Конрада I фон Гохштадена важную роль в подготовке похода играл майнцский архиепископ Зигфрид III фон Эппштейн, архи-канцлер Священной империи и регент германского короля Конрада IV.

О массовой мобилизации добровольцев и сборе средств, развернувшихся по всей Германии и в особенности в Майнцском архиепископстве, сообщает Хроника епископов Вормских XIII в. (Вормские анналы): «Услышав это (известия о нападении татар. — *А.М.*), господин Зигфрид, архиепископ Майнцкий, повелел христианам повсеместно соблюдать церковные посты, устраивать во всей Майнцской провинции публичные покаяния и процессии с выносом реликвий и молитвами против татар... Он также приказал и определил проповедовать по всей провинции вышеупомянутый Крестовый поход. И с наибольшим усердием повсеместно было объявлено, что высту-

пившие против татар получают отпущение всех своих грехов; а если кто-то пойти не сможет или не захочет, то пусть из своего имущества отдаст то, на что его вдохновит Господь, и это будет поделено между неимущими участниками похода. Почти все вызвались идти на татар, и отовсюду было собрано бесчисленное множество денег»⁶⁶.

26 апреля 1241 г. о подготовке Крестового похода против татар и сборе пожертвований на его нужды объявил констанцский епископ Генрих, подчинявшийся власти майнцского архиепископа. Тогда же король Конрад IV провозгласил в Германии «земский мир» (Landfrieden) — законодательный запрет использовать военную силу для решения частных конфликтов⁶⁷. Важную роль в мобилизации сил для похода против татар играли ландграф Тюрингии Генрих IV Распе⁶⁸ и чешский король Вацлав I⁶⁹.

В так называемом Указе короля Конрада IV (известном ныне только по первой публикации 1723 г.), адресованном имперским подданным, «находящимся в низовских землях» (вероятно, в нижнем течении Рейна), сообщается, что на совете в Эслингене, состоявшемся «в прошедший праздник Пятидесятницы» (19 мая 1241 г.) «мы приняли всепобеждающий знак креста» против татар, вне зависимости от воли римского папы, и «будем нести этот крест вплоть до праздника Блаженного Мартина» (11 ноября), а, если понадобится, — и далее. Участники совета выразили решимость «в октаву близящегося праздника Иоанна Крестителя (1 июля) благополучно собрать наши войска возле Нюрнберга, чтобы затем с ними и всеми верными Христу доблестно выступить против татарских псов»⁷⁰.

Император Фридрих II, узнав о готовящемся походе, выразил свою полную поддержку этому начинанию. Как сообщают *Анналы кельнского монастыря св. Пантелеймона*, «Император написал магнатам Германии, что они должны оказать поддержку (Крестовому походу. — *А.М.*), так как и он сам собирается оказать помощь христианскому народу против кровожадных варваров»⁷¹.

В ответ на просьбу о помощи венгерского короля Белы IV император велел ему присоединиться к войскам короля Конрада, обещая лично возглавить объединенные силы и одержать скорую победу над врагом: «...с небес нам будет дарована победа, которую мы привыкли одерживать над всеми своими врагами, и мы победим татарские полчища». Ко времени написания этих строк (вторая половина июня 1241 г.) венгерский король, вероятно, уже вел какие-то переговоры с немецкими государями и успел поделиться с ними горьким опытом своих неудач. Обращаясь к Беле IV, Фридрих II писал: «...мы поощряем твое и твоих людей стремление ради противодействия нападению и вторжению наших общих врагов обратиться к избранному королем Римским возлюбленному сыну нашему Конраду, чтобы не позволить ему учинить с ними сражение на открытой местности до тех пор, пока мы не явимся с большим войском для полной победы над ними»⁷².

Предупреждение венгерского короля насчет опасности сражения с татарами на открытой местности было учтено в так называемых «Военных предписаниях» (*Praecepta bellica*), составленных в курии германского короля, вероятно, вскоре после военного совета в Эслингене (известны по рукописи XIII в.). В первом пункте предписа-

ний значилось: «Пусть государи сами не ищут татар в поле, но защищают свои границы; ведь если им Божиим попущением случится потерпеть поражение, они уже не смогут своих воинов собрать воедино»⁷³.

Возможно, предостережение Белы IV также стало причиной отсрочки начала похода и переноса намеченного в Эслингене дня выступления на более позднее время — с 1 на 25 июля. Об этом можно заключить из письма доминиканского и францисканского монахов (чьи имена обозначены инициалами *R* и *J*), которое приводит в своей Великой хронике Матвей Парижский. Здесь говорится, что император Фридрих и его сын — король Конрад — наметили общее выступление против татар «в приближающийся праздник святого Якова» (25 июля 1241 г.), собрав войска в Мерзбурге (Марбурге?). В это время Бела IV с большим войском уже готов был выступить им навстречу, о чем он уведомил также чешского короля Вацлава I, своего недавнего союзника по антиштауфеновской коалиции: «...король Венгрии написал королю Богемии, что он желает выступить навстречу, собрав людей и снарядив огромное войско»⁷⁴.

Одновременно шла подготовка к отражению возможной атаки монголов в других частях Священной империи, прежде всего, на венгерско-австрийской границе.

Сохранявший лояльность императору Фридриху II и его сыну, королю Конраду IV, австрийский герцог Фридрих II Бабенберг в отношении венгерского короля Белы IV и его борьбы с монголами занимал весьма противоречивую позицию.

Как следует из письма королю Конраду, датированного 13 июня 1241 г., первоначально австрийский герцог принял решение оказать помощь венграм в борьбе с татарами: силу татар «мы извели на личном опыте, когда сошлись с ними в Венгрии и вступили в сражение, а когда, потерпев поражение, мы оттуда ушли, это же изведаль король и все Венгерское королевство»⁷⁵.

Очевидно, упомянутое в документе поражение войска австрийского герцога от татар произошло в самом начале завоевания ими Венгрии. Во всяком случае, это должно было случиться до решившей судьбу королевства битвы на Шайо, поскольку в известных ныне источниках нет свидетельств об участии в ней австрийских войск.

Боевое столкновение австрийского герцога с татарами в Венгрии описывает Рогерий Апулийский. Однако из представленного им описания следует, что в планы Фридриха Бабенберга как будто вовсе и не входило воевать с татарами: «Точно неизвестно, но рассказывают, что австрийский герцог по просьбе короля пришел в Венгрию, но с небольшим количеством людей и, словно не зная о происходящем, невооруженный». Где-то в окрестностях Пешта, согласно Рогерию, Фридрих даже обратил в бегство небольшой татарский отряд и в личном поединке одержал верх над двумя татарами. После этого австрийские войска, судя по всему, в боевых действиях не участвовали⁷⁶.

Трудно сказать, какие цели преследовал австрийский герцог, согласившись оказать помощь королю Беле IV, и сколь велико было поражение австрийцев от татар, о котором герцог Фридрих впоследствии сообщал германскому королю. Но, как бы то ни было, ясно, что в результате похода в Венгрию и имевших место там контактов с татарами изменилась позиция австрийского герцога в отношении вен-

герского короля: недавние союзники стали врагами. И когда потерпевший поражение в битве на Шайо Бела IV согласился воспользоваться предложенным Фридрихом Бабенбергом убежищем в Австрии, последний вероломно захватил его в плен и освободил лишь после получения значительного выкупа, частью которого стала уступка трех приграничных венгерских комитатов ⁷⁷.

Участие австрийского герцога в боевых действиях против татар и гибель от его руки некоего татарского правителя — канезия (canezii — вероятно, от князь), о которой рассказывает Рогерий, остались без серьезных последствий. Меры возмездия, если и были приняты со стороны татар, то вопреки обыкновению носили какой-то паллиативный характер. Во всяком случае, ничто не говорит о намерении татар подвергнуть разорению австрийские земли, сопоставимому с опустошением Венгрии, или преследовать герцога Фридриха, как они преследовали короля Белу.

Такой вывод можно сделать, прежде всего, исходя из известий австрийских и штирийских анналов, почти ничего не сообщающих о нападении татар на австрийские земли, ограничиваясь сведениями о жестоком разорении Венгрии. Лишь иногда в источниках отмечаются случаи появления татар на австрийском берегу Дуная.

Наиболее подробную информацию находим в *Анналах Гарстенского монастыря* (Верхняя Австрия, епископство Пассау): «Неведомый народ татарский учинил побоище в Венгерском королевстве, а также в прочих христианских странах, в Польше и в Нижней Славонии; другая его часть, неожиданно напав на Австрию, предала мечу многих христиан на берегу Дуная возле Нойбурга, без потерь и урона вернувшись к своим». Еще более краток автор так называемого *Второго продолжения анналов монастыря Хайлигенкройц*: «часть их (татар. — *А.М.*) войска, войдя в пределы Чехии и Австрии и многих там истребив, вернулась восвояси» ⁷⁸.

Австрийский герцог Фридрих II также упоминает о каком-то столкновении с татарами, произошедшем на австро-венгерской границе. В цитированном выше письме к королю Конраду он информирует о своих блестящих успехах в сражении с захватчиками: «мы пишем обо всем, что свирепость вышеупомянутых татар внезапно и коварно учинила у границ нашей земли, у которых они медлили некоторое время, опасаясь нашего соседства; ибо при этом погибло несколько сотен человек, из которых триста или более были перебиты нашими людьми» ⁷⁹.

В приведенном Матвеем Парижском послании некоего Ивона из Нарбонны архиепископу Бордо Гиральду описан один из эпизодов противостояния с монголами, очевидцем которого был автор письма. Впрочем, до боевых действий дело тогда не дошло, так как захватчики не решились вступать в бой с объединенными силами европейских государей, собравшимися на австрийском берегу Дуная недалеко от Вены: «И когда лазутчики (татары. — *А.М.*) увидели с вершины одного горного отрога герцога австрийского с королем Богемии, патриархом Аквилейским, герцогом Каринтии и, как говорят, маркграфом Баденским и с огромными силами соседних держав и уже построенными в боевой порядок, все это нечестивое войско тут же исчезло, и все эти всадники вернулись в несчастную Венгрию» ⁸⁰.

Одни исследователи принимают сведения о совместном выступлении против монголов австрийского герцога Фридриха II, чешского короля Вацлава I, патриарха Бертольда Аквилейского, каринтийского герцога Бернгарда II и баденского маркграфа Германа V как достоверные ⁸¹, другие ставят их под сомнение ⁸². Но, как бы то ни было, можно констатировать, что до крупных боевых столкновений с монголами в Австрии дело не дошло, по каким-то причинам захватчики отказались от переправы через Дунай своих основных сил летом 1241 года.

Несмотря на масштабные военные приготовления и общий религиозный подъем участников Крестового похода против татар, армия крестоносцев так и не вступила в бой с захватчиками. Неожиданно она была распущена, по-видимому, даже не переступив пределов Священной империи.

В попытках объяснить причины столь странного поворота событий уже их современники, высказывая свое недоумение, строили самые разные предположения. Для составителя анналов Гарстенского монастыря провал похода стал большим разочарованием. Такие же чувства должно было испытывать и большинство его рядовых участников, для которых, по мнению хрониста, не нашлось достойных вождей: «Также многие христианские князья и другие, исповедующие имя Иисуса Христа, были призваны проповедниками креста выступить против татар, причем дети и женщины не составляли исключения. Все единодушно обозначили себя крестом, однако у армии не нашлось вождей, поэтому она осталась дома; а татары, объединенные общей властью, двинулись в поход» ⁸³.

Впрочем, у немецких хронистов находим другое объяснение. В монастырских хрониках, происходящих из Констанцкого епископства, одного из важных центров подготовки похода, выражено мнение, что татары, узнав о готовящемся выступлении крестоносцев, обратились в бегство, и необходимость похода против них отпала сама собой. Так, в *Анналах бенедиктинского монастыря св. Трудперта в Шварцвальде* (вторая половина XIII в.) читаем: «Называемые татарами различные народы опустошили земли Паннонии, Семиградья и Моравии. По этой причине люди по всей Германии приняли крест. Узнав об этом, татары обратились в бегство». Это известие почти дословно повторяется в *Больших анналах Цвизельского монастыря* (начало XVI в.) ⁸⁴.

Ходили также слухи о том, будто войска Фридриха II все же выступили против татар и даже нанесли им тяжелое поражение, тем самым, отбросив их от пределов империи.

Наиболее подробно эту версию представляет Матвей Парижский. Английский хронист приводит историю победы над татарами объединенного войска королей Конрада и Энцо, сыновей Фридриха, одержанной на какой-то реке Дельфеос (Delpheos): «Господин император, исполняя свою волю и желание Господа, отправил своего сына Генриха (Энцо, король Сардинии. — *А.М.*), который, как уже было сказано, победил прелатов и их князей, к его брату Конраду, с бесчисленным войском, собранным со всех концов империи, готовому доблестно отразить нападение татар и команов, чтобы братья взаимно укрепили и утешили друг друга, обильнее напитавшись рыцарством.

По повелению отца он (Энцо. — *А.М.*) привел с собой четыре тысячи всадников и не меньший отряд пеших, которые, соединившись с теми, к кому они пришли на помощь, составили неисчислимое войско. И тогда смолкло бахвальство врагов и укротилось их высокомерие. Ибо после жесточайшей битвы на берегу реки Дельфеос, находящейся поблизости от Дуная, в которой многие пали с обеих сторон, вражеское войско, едва ли поддающееся какому-либо исчислению, в конце концов, самим Богом было отброшено»⁸⁵.

В другом английском источнике — *Анналах Тьюксберийского монастыря* — под 1241 г. приведены сведения о некоей битве с татарами, имевшей более трагические последствия: «Генрих, сын императора Фридриха, был убит татарами, и великое избиение людей было в канун [дня] святых Космы и Дамиана (25 сентября)»⁸⁶. Очевидно, в этом известии сардинский король Генрих (Энцо) спутан с польским князем Генрихом Благочестивым, погибшим в битве с татарами 9 апреля 1241 года.

Примечательно, что слухи о победе над татарами войск императора получили распространение лишь на окраинах христианского мира, вдали от тех мест, где могли происходить реальные контакты с ними Фридриха или его сыновей. Отсюда — обилие неправдоподобных деталей и искажений действительности.

Смутные слухи о военных неудачах, которые татары потерпели в германских землях, достигли также Ближнего Востока и Армении. Сведения такого рода находим в одном из продолжений коптской *Истории патриархов Александрийских* — *Истории патриархов Египетской церкви* (XIII в.), известном по рукописи Парижской Национальной библиотеки⁸⁷. В *Истории Армении Мхитара Айриванеци* (вторая половина XIII в.) читаем: «Северный отряд (татар. — *А.М.*) отправляется верхними частями Каспийского моря, попирая многие страны, и переходит за реку Дунай. Против него выступает император алеманский и заставляет его отступить»⁸⁸. Такие же сведения встречаются и у других армянских авторов⁸⁹.

Со временем из сведений подобного рода выросла история о гибели верховного предводителя монголов хана Батыея во время переправы через Дунай на венгерско-австрийской границе, получившая известность не только в Западной Европе, но и на Руси.

Весьма вероятно, что слухи о мнимой победе над монголами войск императора, его сыновей или союзников распространял сам Фридрих II, чтобы тем самым прикрыть истинные причины своего уклонения от сопротивления агрессорам и отказа последних атаковать пределы Священной империи. Неправдоподобные истории военных побед над татарами со ссылками на несуществующие географические объекты (река Дельфеос), могли получить распространение только на далеких от места событий землях, где подобные сведения трудно было проверить. Этим, по-видимому, объясняется отсутствие известий такого рода в немецких, австрийских и венгерских источниках.

В одной из австрийских хроник середины XIII в. — *Анналах цистерцианского монастыря Хайлигенкройц* (Святой Крест, Neiligenkreuz) (Нижняя Австрия, епископство Пассау) — находим еще одну версию отмены Крестового похода против татар. Поход был пре-

крашен по приказу императора Фридриха II по причине отказа от участия в нем венгерского короля Бела IV: «Но господин император запретил это сделать (начать поход. — А.М.), так как король Венгрии не поддержал его и не прислал послов для переговоров»⁹⁰.

На наш взгляд, известие о прекращении похода по приказу императора можно признать вполне вероятным. Однако приведенное хронистом объяснение причин принятого Фридрихом решения вызывает сомнения. Ему противоречат данные других источников о переговорах венгерского короля с императором и другими участниками похода о совместном выступлении против монголов. Верный своим обязательствам Бела IV собрал уцелевшие венгерские войска и оставался в боевой готовности еще несколько месяцев после того, как подготовка к походу в Германии была прекращена. Убедившись в ненадежности обещаний императора, венгерский король вновь обратился за помощью к римскому папе.

По свидетельству Рогерия Апулийского, Бела IV, «не имея ниоткуда помощи, мешкал, оставаясь в Славонии (Хорватии)», и только когда татары перешли скованный льдом Дунай, «король обратился в бегство и затем, не желая оставаться в приморских замках, перебрался на острова»⁹¹. Фома Сплитский уточняет, что венгерский король собирал силы против татар, находясь в Загребе: «В это время прибыл со всей своей семьей и задержался у Загреба вернувшийся из Австрии король Бела. И вокруг него собрались все те, кто смог избежать татарского меча, и они оставались там все лето в ожидании исхода событий»⁹².

В приведенном Матвеем Парижским послании ко всем христианам аббата бенедиктинского монастыря Святой Марии в Русции (Венгрия) сообщается, что главные силы монголов форсировали Дунай в канун Рождества: «когда на Рождество Господне Дунай сковался льдом, с великой силой они переправились на другой берег реки»⁹³. Послание датировано 4 января 1242 г., следовательно, переправа должна была произойти ок. 25 декабря 1241 года. Фома Сплитский датирует переход монголов через скованный льдом Дунай временем «по прошествии января», то есть началом февраля 1242 года⁹⁴.

Эта дата подтверждается данными другого источника, согласно которому вплоть до конца января 1242 г. Бела IV все еще находился в Хорватии и по-прежнему готов был оказывать сопротивление захватчикам, рассчитывая на обещанную помощь христианских государей. В письме к римскому папе, отправленном из Чазмы (в 60 км к юго-востоку от Загреба) 19 января 1242 г., венгерский король в очередной раз просил не названного по имени понтифика (к тому времени еще не избранного) способствовать тому, чтобы «уже принявшие крест государи католических королевств» встали на защиту переправ через Дунай в виду готовящегося вражеского наступления⁹⁵.

Подобно средневековым хронистам, новейшие исследователи также остаются в недоумении относительно отмены Крестового похода против татар в Германии. «Почему поход не получил продолжения, не ясно, — пишет Питер Джексон. — Но самое вероятное объяснение — пришли новости, что монголы отступили из Богемии и от немецких границ и теперь концентрируются в Венгрии»⁹⁶. Монголы не пошли через Дунай, и поэтому Крестовый поход германского короля

Конрада не состоялся, — считает Кристоф Майер⁹⁷. Подобного взгляда придерживался в свое время и Балинт Хоман, полагая, что германский король Конрад IV распустил свои отряды после того, как в июле 1241 г. ему доложили, что монголы остановили наступление на Дунае⁹⁸.

Но разве приостановка дальнейшего наступления на Дунае и отход монгольских войск от немецких границ летом 1241 г. могли быть свидетельством отказа завоевателей от продолжения похода на Запад? Монгольские войска не были выведены из Подунавья, и их новые завоевания в Европе вскоре были продолжены. Пауза в военных действиях, вероятнее всего, объясняется тем, что монгольской армии нужна была летняя передышка для пополнения сил и подготовки переправы через многоводный Дунай, осуществить которую удобнее было по льду, дождавшись заморозков.

Между тем, участники несостоявшегося Крестового похода против татар в Германии вели себя так, как будто ими были получены твердые гарантии полного прекращения монгольского наступления. Такой вывод можно сделать из сообщений немецких источников о том, что предводители похода не только распустили свои войска, но и разделили между собой собранные на войну деньги: «Тем временем, — читаем в Вормских анналах, — пришли известия, что татары удалились в другие края. Тогда епископы и господа поделили между собой собранные деньги»⁹⁹.

Этот поступок, как будто, вызывает неодобрение хрониста, но не по причине беспечности предводителей похода, недооценивавших возможность возобновления монгольской угрозы, а в виду их алчности, — только один из епископов поступил по справедливости, распорядившись вернуть деньги жертвователям: «Но вормский епископ господин Ландольф собранные в Вормсе и в этом епископстве деньги повелел вернуть»¹⁰⁰.

Главная причина неудачи подготовленного в Германии Крестового похода против татар, как нам представляется, кроется в отношении к нему императора Фридриха II.

К середине июня 1241 г. у императора, судя по всему, уже полностью сформировался свой план действий в отношении татарской угрозы, который не предусматривал военного выступления против агрессора. Такой вывод можно сделать, прежде всего, исходя из содержания самого известного документа Фридриха — энциклики против татар от 20 июня 1241 г., — сохранившейся во множестве различающихся между собой редакций и списков. Подлинность документа подтверждается наличием его в собрании писем Петра из Винеа (Пьетро делла Винья, Petrus de Vineis) (ок. 1190—1249), канцлера и секретаря (логофета) императора Фридриха, умершего в заточении по ложному обвинению. Начиная с 1270-х гг., во многих списках распространилось собрание его писем на латинском языке, в основном написанных от имени императора, впервые опубликованных Й.Р. Иселином в 1740 году¹⁰¹.

Заботы о «спокойствии империи», — писал Фридрих II в энциклике против татар, — побуждают «с большим опасением относиться не столько к явным, сколько к возможным угрозам». Поэтому, несмотря на очевидную опасность татарского нашествия, «ради всеоб-

шего блага» римский август вынужден предпочесть «будущим и предполагаемым убыткам» от неведомых варваров «уже существующие и известные угрозы». К таковым Фридрих относит свой конфликт с папой Григорием IX и поддерживаемый понтификом «мятеж миланцев»¹⁰².

По сообщению Риккардо из Сан-Джермано, письма подобного содержания император отправил также французскому королю Людовику IX и другим государям: «...тогда же по этому поводу посылает ко всем государям Запада соответствующие письма следующего содержания: “Сиятельному королю Франции, как своему брату, Фридрих и проч. Ревность совершенных нами забот, ибо мы, как отец империи, обязаны любить и защищать ее положение, побуждает нас скорее остерегаться не столько явных опасностей, сколько неизвестных, и проч.”»¹⁰³

В послании к английскому королю Генриху III и другим христианским правителям от 3 июля 1241 г., приведенном Матвеем Парижским, император Фридрих в еще более резком тоне всю вину за свое вынужденное бездействие в отношении татар возлагает на римского папу: «...поскольку собственная его воля была для него законом, и он не сдерживал безудержный поток [своей] речи и не считал нужным воздержаться от бесчисленных попыток к раздорам, то он к радости мятежников, тяжко злоумышляющих против чести и славы нашей через своих легатов и нунциев приказал возгласить против меня, правой руки и защитника церкви, крестовый поход, который следовало бы начать против тирании татар... А так как наше самое неотложное дело — освободиться от внутренних врагов, то как отразить нам и варваров?»¹⁰⁴

Сообщив всем своим адресатам о призыве венгерского короля прийти на защиту Венгрии, Фридрих принял решение повернуть войска в противоположную сторону и идти на Рим: «Делая частые переходы и постоянно думая о средствах достижения нашей победы, мы направились напрямиком к Городу, где, если [в лице] верховного понтифика сын обретет отца, и у апостольского престола ради своей веры он получит совет, то он, как римский август, католический император и прославленный победитель мятежников не усомнится и нисколько не замедлит ради защиты христианской веры лично прийти и явить всю мощь своих войск»¹⁰⁵.

Свое выступление против татар в защиту христиан Европы император обуславливает подчинением ему не только всех «мятежников», но и самого римского папы. «По этой причине, — сообщал Риккардо из Сан Джермано, — император, и сам боясь гибели христианства, поспешно направляется к Городу, чтобы договориться с Папой Григорием, и тогда же по этому поводу посылает ко всем государям Запада соответствующие письма..., и в этих письмах воодушевляет и побуждает этих государей к защите христианской веры и помощи святой церкви»¹⁰⁶.

Как видим, именно урегулирование отношений с понтификом на условиях императора, по замыслу последнего, должно было стать обязательной предпосылкой для его выступления в защиту веры и церкви во главе воинства, состоящего не только из подданных империи, но и всех христианских государей Европы, признавших в императоре главного своего защитника.

Подлинная суть намерений Фридриха была ясна уже его современникам. Даже симпатизировавший императору Матвей Парижский, как мы видели, должен был признать, что его письмо служило не более, чем прикрытием подлинных замыслов, в которых Фридрих мечтал не только о власти над всем миром, но и «об уничтожении христианской веры, словно Люцифер или Антихрист»¹⁰⁷.

Призыв ко всем суверенным христианским правителям выступить против татар под предводительством императора Фридрих мотивирует тем, что по его повелению в империи уже начат Крестовый поход против завоевателей: «Мы решительно повелели возлюбленному сыну нашему Конраду и другим знатым людям нашей империи всеми силами препятствовать мощному вторжению врагов-варваров. Также и Вашу светлость во имя общего дела творцом веры нашей христианской, господом нашим Иисусом Христом от всей души умоляем как можно скорее подготовить действенную помощь»¹⁰⁸.

В то же самое время, обращаясь к своим подданным в Германии — «верным комитам, свободным, министериялам и всем прочим находящимся в Швабии людям» — Фридрих дает указание отложить выступление против татар до тех пор, пока он не преодолеет сопротивление папы и не добьется перехода на свою сторону всех прочих государей: «И когда римский понтифик перестанет противиться всеобщему благополучию и не будет равнодушен к христианской вере, но вместе с нами и прочими государями, которых к этому мы побуждаем посредством своих писем и послов, ревностно присоединится к Божьему делу, тогда и вы, обдумав все средства и способы, которыми вместе с нами, если позволит Господь, сколь быстро, столь и успешно вы сможете противостоять этим опасностям, доблестно придете на помощь всем христианам и нам»¹⁰⁹.

Подлинность этого документа также не вызывает сомнений. Текст императорской энциклики, адресованной жителям Швабии, в виде приписки обнаружен в составе пергаменного кодекса имперского аббатства Оттобойрен (Бавария), содержащего «*Distinctiones ditorum theologiarum sive summa Quot modis*» французского богослова и поэта Алана Лилльского (Alain de Lille, Alanus ab Insulis); кодекс датируется 1241 годом¹¹⁰.

Таким образом, санкционировав подготовку Крестового похода против татар и всячески призывая суверенных христианских правителей Европы встать под его знамена, император в итоге дал указание своим верным подданным в Германии, уже готовым к выступлению, отложить его до тех пор, пока он сам, добившись подчинения папы и других правителей, не будет в состоянии возглавить объединенные силы. В действительности такой демарш императора мог означать только одно — срыв всей антитатарской кампании и дискредитацию немецких прелатов как ее главных организаторов.

Историками уже было замечено, что неудача Крестового похода против татар странным образом совпадает с началом выступления против императора наиболее влиятельных немецких князей церкви — кельнского и майнцкого архиепископов — прежде бывших союзниками Фридриха II и руководивших подготовкой антитатарской кампании. По мнению Питера Джексона, именно начавшееся в сентябре 1241 г. восстание против императора и его сына — короля Конрада IV

— повергшее Германию в многолетнюю гражданскую войну, сделало невозможным объединение сил против татар, а собранные на борьбу с ними огромные денежные средства фактически были истрачены на финансирование оппозиции Штауфенам¹¹¹. Принимая эту точку зрения, другой новейший исследователь констатирует, что крах Крестового похода 1241 г. был вызван выступлением против императора кельнского и майнцкого архиепископов, что не позволило Конраду IV двинуть собранные против татар войска за пределы Германии¹¹².

Инициатором нового антиштауфеновского выступления, по-видимому, стал майнцкий архиепископ Зигфрид III фон Эппштейн (1230—1249). Ставший преемником своего дяди, архиепископа Зигфрида II, и будучи племянником (по матери) трирского архиепископа Теодориха II фон Вида (1212—1242), Зигфрид III много лет пользовался особым расположением императора и был важнейшей опорой его политики в Германии. Он выступил на стороне Фридриха II в конфликте с его сыном, германским королем Генрихом VII и участвовал в свержении последнего на Майнцском рейхстаге 1235 года. После коронации в Вене в 1237 г. малолетнего Конрада IV майнцкий архиепископ был назначен при нем имперским регентом (Reichsverweser)¹¹³.

Таким образом, Зигфрид III стал главным представителем императора к северу от Альп и располагал его безграничным доверием. И даже после отлучения Фридриха II от церкви папой Григорием IX (1239 г.) Зигфрид III оставался верен императору, так и не поддерживав созданную Римом антиштауфеновскую коалицию, несмотря на все усилия папского эмиссара Альберта фон Бехайма. Вместо этого, как мы видели, майнцкий архиепископ принял самое активное участие в подготовке Крестового похода против татар, объявленного Конрадом IV и поддержанного императором.

После нашествия монголов, когда перевес сил полностью оказался на стороне Штауфенов, и все их недавние противники во главе с чешским королем Вацлавом I и баварским герцогом Оттоном II перешли на сторону императора, а осажденный им в Риме папа Григорий IX скончался, внезапно возникла новая оппозиция, во главе которой встали, казалось бы, самые надежные сторонники Фридриха II в Германии.

В архиве кельнских архиепископов сохранилась грамота майнцкого архиепископа, датированная 10 сентября 1241 года. Из документа следует, что между кельнским и майнцким архиепископами был заключен договор, скрепленный присягой, согласно которому стороны взаимно обязались выступить против императора в защиту папы и апостольского престола¹¹⁴. Очевидно, существовала и аналогичная по содержанию присяжная грамота кельнского архиепископа, не сохранившаяся до нашего времени.

В документе сказано: «Мы, Зигфрид, божией милостью архиепископ Майнцкий, архи-канцлер Священной Германской империи, настоящим письменно подтверждаем, что с достопочтенным господином Конрадом, министром Кельнской церкви, нашим возлюбленным кузеном, в деле, которое в настоящее время происходит между святейшим отцом и господином верховным понтификом Григорием, и апостольским престолом, с одной стороны, и господином импера-

тором Фридрихом, с другой стороны, будем твердо поддерживать друг друга советом, словом и делом, никогда не оставим друг друга в случае любой опасности, наше дело мы начнем вместе и так же будем его продолжать, и прекратить это дело можно будет только вместе, по решению общего совета»¹¹⁵.

Выступление майнцкого и кельнского архиепископов против императора современные исследователи оценивают как важнейший и даже поворотный пункт в истории Германии середины XIII в., существенно изменивший расстановку политических сил и ослабивший позиции Штауфенов¹¹⁶.

Из текста присяжной грамоты 10 сентября 1241 г. невозможно узнать о причинах, побудивших немецких прелатов выступить против императора. Некоторые дополнительные сведения сообщают *Анналы кельнского монастыря Св. Пантелеймона*: «В этом же году (1241. — *А.М.*) кельнский и майнцкий архиепископы, утвердившись в своих убеждениях, встали на путь открытого сопротивления императору и его сторонникам и ввели войско в одну из прирейнских областей, называемую Ведераве (в районе реки Веттер, севернее Франкфурта-на-Майне. — *А.М.*) на реке Могус (Майн. — *А.М.*), где разорили и предали огню очень много зажиточных поселений. Они также обвинили императора в тяжком умышлено совершенном преступлении и объявили, что за него он должен быть предан анафеме. Они даже привели для этого основания. Некоторые же не придавали им такого большого значения, какое они имели на самом деле, поскольку в то время, когда римский престол остался вакантным, а император чинил препятствия для избрания Папы, они, как верные и сильные сыны, были полны сострадания к своей матери — несчастной римской церкви. Поэтому они по праву обязаны были выступить и, несмотря на опасность схватки с императором, отомстить за нанесенный церкви ущерб»¹¹⁷.

Новейшие исследователи полагают, что официально названная причина выступления против Фридриха II — защита церкви от его преступных посягательств — не может считаться достаточно основательной. За ней должны были скрываться другие причины. Это, прежде всего, — стремление майнцкого и кельнского архиепископов увеличить подвластную территорию за счет имперских владений, а также осуществить территориальные претензии к баварскому герцогу Оттону II и ландграфу Тюрингии Генриху IV Распе, принявшим сторону императора и получившим его поддержку, — в 1242 году. Генрих Распе был назначен новым имперским регентом германского короля вместо мятежного майнцкого архиепископа. Для последнего смерть папы стала удобным поводом перейти в другой политический лагерь, так как освобождала от всех прежних обязательств¹¹⁸.

Мы, разумеется, не исключаем того, что в действиях немецких прелатов мог быть собственный политический расчет и стремление к материальным выгодам. Однако из текста присяжной грамоты от 10 сентября 1241 г. явствует, что свой договор против императора майнцкий и кельнский архиепископы заключили еще при жизни папы Григория IX, сознавая возможную опасность, которой они себя подвергают, бросая вызов императору.

Смерть папы, напротив, существенно ослабила положение заговорщиков. В 1242 г. сторонники Фридриха II перешли в наступление: кель-

нский архиепископ Конрад I был взят в плен графом Вильгельмом фон Юлихом, боевые действия развернулись на территории Майнцского архиепископства; на сторону императора и германского короля перешли прирейнские города, прежде всего Вормс, в обмен на новые привилегии предоставивший императору значительные военные силы ¹¹⁹.

Как нам представляется, причину антиштауфеновского выступления кельнского и майнцкого архиепископов следует искать, прежде всего, там, где ее указывают средневековые источники. Возможно сам папа, осажденный в Риме войсками императора, незадолго перед смертью успел обратиться к немецким прелатам с просьбой о военной помощи, обвинив Фридриха II в каком-то «тяжком умышлено совершенном преступлении».

Об этих обвинениях, надо думать, было известно не только в Германии. Обвинения в тяжком преступлении против церкви и всего христианского мира, совершенного императором в период нашествия татар, звучат в словах еще одного современника событий — французского историка и поэта из города Турнэ Филиппа Мускэ. В своей Рифмованной хронике, доведенной до 1242 г., рассказывая о приходе татар, он пишет: «И весь мир обратился вспять после того, как сам император Фредерик с помощью их (татар. — А.М.) совершил то, что обесчестило христианский мир» ¹²⁰.

Важно заметить, что вооруженное выступление против Фридриха II для немецких прелатов стало более актуальным делом, чем предотвращение нападения татар и осуществление Крестового похода, в подготовке которого они играли самую активную роль. Это обстоятельство наводит на мысль, что возникновение новой антиштауфеновской коалиции было обусловлено изменением политической ситуации, связанной с угрозой монгольского нападения на Германию.

Действительно, вопреки первоначальному намерению монголы прекратили попытки атаковать границы Священной империи, сосредоточившись на завоевании Хорватии и других частей Венгерского королевства.

В новейшей литературе по-прежнему остается открытым вопрос, почему захватчики не воспользовались столь выгодной для себя ситуацией, сложившейся в немецких землях осенью 1241 г., когда вспыхнул антиштауфеновский мятеж немецких прелатов и были распущены собранные для Крестового похода войска, в то время как войска самого императора были выведены в Италию.

Нам представляется, что сведения о прямых контактах императора с монголами накануне нападения последних на Европу, упорные слухи о его тайном сговоре с захватчиками, удар которых пришелся, главным образом, по врагам Фридриха, участникам созданной Римом антиштауфеновской коалиции, уклонение самого императора от вооруженного столкновения с татарами, отказ от участия в подготовленном немецкими прелатами Крестовом походе против татар, а вместо этого — вывод имперских войск в Италию и осада Рима с целью принудить папу признать верховенство императора, неожиданное отступление самих татар от немецких границ и отказ от первоначальных планов завоевания Германии, наконец, неожиданное выступление против Фридриха лояльных ему немецких прелатов, обвинивших императора в тяжком преступлении против церкви и всего христианства, — все это,

несомненно, связанные между собой события. Объяснить их стечение, как нам кажется, можно только допустив, что император Фридрих и предводители Западного похода монголов были связаны какими-то взаимными обязательствами.

Еще одним доказательством такой связи может служить тот факт, что монголы обошли стороной границы Священной империи, выводя свои войска из Далмации и Хорватии, хотя в этот период их завоевания продолжались.

По сообщению австрийских хроник XIII—XIV вв., возвращавшиеся из Венгрии монгольские войска нанесли удар по территории Латинской империи. И хотя в византийских источниках мы не находим никаких подтверждений этим известиям, у нас нет оснований не доверять им.

Под 1243 г. в так называемой Австрийской хронике (вторая половина XIII в.) читаем: «Татары и куманы, не встречая никого, кто бы мог противостоять им, вышли из Венгрии с большой добычей, состоявшей из золота и серебра, одежд, животных, множества пленных обоего пола, в укор христианам. Придя в Грецию, они (татары. — *А.М.*) ту землю, за исключением сильно укрепленных замков и городов полностью разорили. Константинопольский король по имени Балдуин сразился с ними; в первый раз они были побеждены им, во втором же сражении он сам был разбит ими»¹²¹. Это же известие находим в Леобенской хронике¹²² и во Втором продолжении Анналов монастыря Хайлигенкройц¹²³.

И вновь атаке монголов подверглись противники Фридриха II. Как единственный законный император на Западе он не признавал созданную крестоносцами после захвата Константинополя в 1204 г. еще одну империю — Латинскую — всячески поддерживаемую римскими папами. Германский император стремился ликвидировать это государство как незаконное орудие папского влияния на Востоке¹²⁴.

После нашествия Батыя на Европу папская курия приложила немалые усилия, чтобы установить прямые контакты с монголами, как бы стремясь тем самым перехватить инициативу у императора. Новый папа Иннокентий IV, продолжая борьбу с Фридрихом II, в марте 1245 г. из своей новой резиденции в Лионе отправил к монгольским правителям сразу четырех эмиссаров — доминиканцев Андре из Лонжюмо и Ансельма (Асцелина) из Кремоны, а также францисканцев Лоренцо Португальского и Джованни дель Плано Карпини. Путешествия этих посланцев заняли несколько лет, и только двое из них — Ансельм Кремонский и Плано Карпини — достигли цели¹²⁵.

В ответ на миссию Ансельма летом 1248 г. в Лион прибыло монгольское посольство, доставившее папе две грамоты — от хана Батыя и нойона Байджу (Бачу-хурчи), великоханского наместника в Иране, Закавказье и Малой Азии¹²⁶.

Дополнительные сведения об этом посольстве сообщает Матвей Парижский, указывая, что послы «короля татар» привезли предложение начать совместные военные действия против никейского императора Иоанна III Ватаца. Однако такая перспектива не отвечала главной цели папы — использовать военную силу монголов против Фридриха II.

В ответ Иннокентий IV просил передать «королю татар», чтобы тот после принятия христианства прислал свои войска, чтобы вместе

с войсками папы выступил не только против «схизматика» Ватаца, но и против германского императора. С помощью татар сначала планировалось «подчинить Ватаца Греческого, зятя Фридриха, раскольника христианской веры, взбунтовавшегося против господина папы и императора Балдуина, а после того и Фридриха, отбившегося от Римской курии». Однако условия папы смутили татарских послов, предупредивших, что их король будет разгневан, услышав о них ¹²⁷.

Примечания

1. Подробнее см.: BENDEFY L. Az ismeretlen Julianusz. A legelső magyar azsiakutato eletrajza es kritikai meltatasa. Budapest. 1936; SINOR D. Un Voyageur du treizieme siecle: le Dominicain Julien de Hongrie. Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1952. vol. XIV, p. 589—602; Julianus barat es napkelet felfedezese. Budapest. 1986.
2. Документы неоднократно издавались, лучшим на сегодня остается издание Ласло Бендефи. См.: Fontes autentici itinera (1235—1238) fratres Juliani illustrantes. Archivum Europae Centro-Orientalis. Budapest. Т. III. 1937, p. 1—52.
3. Описания рукописей см.: Fontes autentici itinera..., p. 5, 8. Текст документов см.: Ibid., p. 39sq., 44sq.
4. Русский перевод документа см.: Письмо бр. Юлиана о монгольской войне. Исторический архив. Т. 3. М.—Л. 1940, с. 88—89.
5. Письмо бр. Юлиана о монгольской войне, с. 88.
6. SINOR D. Op. cit., p. 600—601.
7. Albrici Monachi Trium Fontium Chronica. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannoverae. Т. XXIII. 1874, p. 943.
8. JACKSON P. The Mongols and the West, 1221—1410. Harlow etc. 2005, p. 61.
9. Albrici Monachi Trium Fontium Chronica, p. 942.
10. Epistolae saeculi XIII e regestis Pontificum Romanorum selectee per G.H. Pertz. Berlin. 1883 (Monumenta Germaniae Historica. Epistolae saeculi XIII, t. I). p. 722—723. Русский перевод см.: Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб. 2012, прил. 13, с. 154.
11. Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones et Acta. Publica Imperatorum et Regum. Т. II. Hannoverae. 1896, p. 322—325.
12. Das Baumgartenberger Formelbuch: Eine Quelle zur Geschichte des XIII. Jahrhunderts, vornehmlich der Zeiten Rudolfs von Habsburg. Wien. 1866 (Fontes rerum Austriacarum. Abt. II: Diplomataria et Acta. Bd. XXV), p. 347—348.
13. Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones et Acta. Publica Imperatorum et Regum, t. II, p. 323.
14. Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Т. IV. Bedae. 1829, vol. 2, p. 220sq.
15. Vetera Monumenta Historica Hungariam sacram illustrantia. Т. I. Romae. 1859, p. 182, Nr. 335.
16. Rycardi de Sancto Germano notarii chronica a. 1189—1243. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannoverae. Т. XIX. 1866, p. 380.
17. Annales Sancta Pantaleonis Coloniensis. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Т. XXII. Hannoverae. 1872, p. 535.
18. Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones..., t. II, p. 445—446.
19. Vetera Monumenta Historica Hungariam..., t. I, Nr. 339, p. 184.
20. Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones..., t. II, p. 322—325.
21. Historia diplomatica Frederici secondi. Т. V. Paris. 1861, pars 2, p. 1143—1146.
22. Matthaei Parisiensis Chronica Majora. Т. IV. L. 1877 (Rerum Britannicarum medii aevi scriptores. Т. 57), p. 113. Русский перевод см.: МАТУЗОВА В.И. Английские средневековые источники IX—XIII вв.: тексты, перевод, комментарий. М. 1979, с. 142.
23. Там же.
24. Albrici Monachi Trium Fontium Chronica, p. 943; Historia diplomatica Frederici secondi, t. V, pars 2, p. 1139—1140.
25. Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones..., t. II, p. 322—325.

26. Rogerii Carmen Miserabile. *Scriptores Rerum Hungaricarum*. T. II. Budapest. 1938, p. 560.
27. Thomae archidiaconi Spalatensis *Historia Salonitanorum pontificum atque Spalatensium*. Zagreb. 1894, p. 140—143. Русский перевод см.: ФОМА СПЛИТСКИЙ. История архиепископов Салоны и Сплита. М. 1997, с. 104.
28. KOSZTOLNYIK Z. Hungary in the thirteenth century. N.Y. 1996, p. 127.
29. *Vetera Monumenta Hungarum...*, t. I, Nr. 329—332.
30. *Ibid.*, Nr. 327.
31. *Ibid.*, Nr. 333; *Epistolae saeculi XIII...*, t. I, p. 709.
32. Об этих событиях известно из многочисленных документов имперской канцелярии. См.: *Historia diplomatica Frederici secundi*, t. V, pars 2, p. 1108, 1120, 1124sq., 1127, 1146. О них сообщают также европейские хронисты середины XIII века. См.: *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*. T. III. L. 1876, p. 325; *Ryccardi de Sancto Germano notarii chronica*, p. 380; *Annales Ianuae*. *Monumenta Germaniae Historica*. Scriptorum. T. XVIII. Hannoverae. 1863, p. 194—196; *Annales Senenses*. T. XIX. Hannoverae. 1866, p. 229sq.
33. *Historia diplomatica Frederici secundi*, t. V, pars 2, p. 1141—1142, 1144—1146, 1152, 1166; t. VI, part 1, p. 5; *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*, t. IV, p. 116—117.
34. *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*, t. IV, p. 131.
35. *Ibid.*, p. 298.
36. RUDOLF K. Die Tartaren 1241—1242. Nachrichten und Wiedergabe: Korrespondenz und Historiographie. *Römische Historische Mitteilungen*. Wien. 1977, Bd. 19, S. 100—105; HILPERT H.-E. Kaiser- und Papstbriefe in den *Chronica Majora* des Matthaeus. Paris-Stuttgart. 1981 (Veröffentlichungen des Deutschen Historischen Instituts. L. Bd. 9), S. 153—164.
37. *Vetera Monumenta Hungarum...*, t. I, Nr. 369, p. 199—200.
38. Albrici monachi *Triumfontium Chronikon*, p. 939.
39. Rogerii Carmen Miserabile, p. 547.
40. ENGLBERGER J. Albert Behaim — Passauer Domdekan, Kämpfer gegen Friedrich II., Vater der Passauer Bistumsgeschichtsschreibung. — *Ostbairische Lebensbilder*. Passau. 2005, Bd. II. S. 26—49; EJUSD. Albert Behaim und die Lorcher Tradition in der Passauer Geschichtsschreibung. *Die Descriptio diversarum nationum Europe*. Hannover. 2007 (MGH. Schriften. Bd. 57).
41. *Regesta Imperii*. Die Regesten des Kaiserreichs. Bd. V: Unter Philipp, Otto IV, Friedrich II, Heinrich (VII), Conrad IV: Heinrich Raspe, Wilhelm und Richard, 1198—1272. Abt. 2.4: Staufer, Papste und Reichssachen. Hildesheim. 1971, Nr. 11322—11323.
42. См.: BAUERREISS R. *Kirchengeschichte Bayerns*. Bd. IV: Das XIII. und XIV Jahrhundert. St. Ottilien. 1974, S. 108sq.
43. GERLICH A. Siegfried III., Erzbischof von Mainz. *Lexikon des Mittelalters*. München. 1995, Bd. 7, Sp. 1867.
44. Albert von Beham und Regesten Pabst Innocenz IV. Stuttgart. 1847. *Bibliothek des Litterarischen Vereins Stuttgart*, Bd. 16, T. 2, S. 27—28.
45. Albert von Beham..., S. 28.
46. SAUNDERS J.J. *Matthew of Paris and the Mongols*. *Essays in Medieval History Presented to B. Wilkinson*. Toronto. 1969, p. 116—132; RUDOLF K. *Op. cit.*, S. 92—96; HILPERT H.-E. *Op. cit.*
47. *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*, t. IV, p. 112—119.
48. *Ibid.*, p. 119—120.
49. *Ibid.*, p. 120.
50. *Ibidem*.
51. *Ibid.*, p. 298.
52. *Ibid.*, p. 131, 298.
53. Thomae archidiaconi Spalatensis *Historia...*, p. 171.
54. *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*, t. IV, p. 635.
55. Richeri *Gesta Senoniensis Ecclesiae*. *Monumenta Germaniae Historica*. Scriptorum. T. XXV. Hannoverae. 1880, p. 310.
56. JACKSON P. *Op. cit.*, p. 68.
57. JASIŃSKI T. Henryk II Pobożny wobec podziąków politycznych w Europie Środkowowschodniej. *Europa Środkowa i Wschodnia w polityce Piastów*. Toruń. 1997, S. 58—59.

58. Реконструкцию и хронологию событий см.: LABUDA G. *Wojna z Tatarami w roku 1241*. *Przegląd historyczny*. T. 50. Warszawa. 1959, Nr. 2, S. 189—224; KORTA W. *Najazd Mongołów na Polskę i jego legnicki epilog*. Katowice. 1983; JASIŃSKI T. *Przerwany Hejnał*. Kraków. 1988; CHRZANOWSKI W. *Wojna tatarska. Najazd mongolski na Polskę 1241 r.* Kraków. 2006.
59. *Thomae archidiaconi Spalatensis Historia...*, p. 142—143.
60. *Annales monasterii de Theokesberia. Rerum britannicarum medii aevi scriptores*. T. 36. L. 1864, vol. 1, p. 118.
61. STRAKOSCH-GRASSMANN G. *Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241—1242*. Innsbruck. 1893, S. 135, 147; SINOR D. *Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Arghoun et de Béla IV.* — *Journal of World History*, vol. 3, Nr. 1 (Neuchâtel, 1956), p. 45; JACKSON P. *Op. cit.*, p. 67.
62. *Chronique rimée de Philippe Mouskes*. T. II. Bruxelles. 1838, p. 681, v. 30963—30965.
63. *Codex diplomaticus Arpadianus continuatus*. T. II. Pest. 1861, p. 134—135, Nr. 79.
64. JASIŃSKI T. *Op. cit.*, S. 60.
65. *Annales Sancta Pantaleonis Coloniensis*, p. 535.
66. *Annales Wormatienses a. 873—1366. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannoverae*, 1861, t. XVII, p. 46—47.
67. *Historia diplomatica Frederici secundi*, t. V, pars 2, p. 1207—1213.
68. *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*, t. IV, p. 110; T. VI. L. 1882, p. 78.
69. BÖHMER J.Fr. *Briefe über den Anmarsch der Mongolen gegen Deutschland im Jahre 1241. Neue Mitteilungen aus dem Gebiet historisch-antiquarischer Forschungen*. T. 2. Halle. 1840, Bd. IV, S. 105—117.
70. *Monumenta Germaniae Historica. Constituciones et Acta publica Imperatorum et Regum*, t. II, p. 445—446.
71. *Annales Sancta Pantaleonis Coloniensis*, p. 535.
72. *Historia diplomatica Frederici secundi*. T. V. P. 1861, pars 2, p. 1143—1146.
73. *Monumenta Germaniae Historica. Constituciones et Acta publica Imperatorum et Regum*, t. II, p. 445.
74. *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*, t. VI, p. 81—83.
75. *Historia diplomatica Frederici secundi*, t. V, pars 2, p. 1216—1218.
76. *Rogerii Carmen Miserabile*, p. 566.
77. *Ibid.*, p. 574—575.
78. *Continuatio Garstensis a. 1182—1257. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. IX. Hannoverae*. 1851, p. 597, 640.
79. *Historia diplomatica Frederici secundi*, t. V, pars 2, p. 1217.
80. *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*, t. IV, p. 272—273.
81. STRAKOSCH-GRASSMANN G. *Op. cit.*, S. 146, 190—191.
82. JACKSON P. *Op. cit.*, p. 67.
83. *Continuatio Garstensis...*, p. 597.
84. *Annales Sancti Trudperti. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*, t. XVII, p. 294; *Annales Zwifaltenses. Annales maiores*. T. X. Hannoverae. 1852, p. 59.
85. *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*, t. IV, p. 131.
86. *Annales monasterii de Theokesberia*, p. 118—119.
87. *History of the Patriarchs of the Egyptian Church, Known as the History of the Holy Church According to MS. Arabe 30Z* *Bibliothèque Nationale*. Paris. *Textes et Documents*. T. IV. Cairo. 1974, pars 2, p. 144—145 (text), 294 (transl.).
88. *Хронографическая история, составленная отцом Мехитаром, вардапетом Айриванкским*. СПб. 1869, с. 414.
89. *Армянские источники о монголах*. М. 1962, с. 90.
90. *Continuatio Sancrusensis*. II, p. 640—641.
91. *Rogerii Carmen Miserabile*, p. 583—584.
92. *Thomae archidiaconi Spalatensis Historia...*, p. 168.
93. *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*, t. VI, p. 79.
94. *Thomae archidiaconi Spalatensis Historia...*, p. 172.
95. *Historia diplomatica Frederici secundi*, t. V, pars 2, p. 902—904.
96. JACKSON P. *Op. cit.*, p. 66.

97. MAIER CH.T. *Preaching the crusades: mendicant friars and the cross in the thirteenth century*. Cambridge. 1994, p. 59—60.
98. HOMAN B. *Geschichte des Ungarischen Mittelalters*. Bd. II. Berlin. 1943, S. 149.
99. *Annales Wormatienses*, p. 47.
100. *Ibidem*.
101. Текст документа см.: Petri de Vineis iudicis aulici et cancellarii Friderici II, imperatoris, epistolarum quibus res gestae ejusdem imperatoris aliaque multa ad historiam ac jurisprudentiam spectantia continentur libri VI. T. I. Basileae. 1740, cap. 30, p. 193—197.
102. *Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones et Acta. Publica Imperatorum et Regum*, t. II, p. 322—323.
103. *Ryccardi de Sancto Germano notarii chronica*, p. 381.
104. *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*, t. IV, p. 117—118.
105. *Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones et Acta. Publica Imperatorum et Regum*, t. II, p. 323—324.
106. *Ryccardi de Sancto Germano notarii chronica*, p. 380—381.
107. *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*, t. IV, p. 119.
108. *Ibid.*, p. 118.
109. *Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones et Acta. Publica Imperatorum et Regum*, t. II, p. 325.
110. *Ibid.*, t. II, p. 322—323.
111. JACKSON P. *Op. cit.*, p. 66.
112. GŁADYSZ M. *The forgotten crusaders: Poland and the crusader movement in the twelfth and thirteenth centuries*. Leiden-Boston. 2012, p. 262.
113. SCHIRRMACHER FR.W. *Siegfried III. von Eppstein. Allgemeine Deutsche Biographie*. 1892, Bd. 34, S. 260—262.
114. *Regesta Imperii. Die Regesten des Kaiserreichs*, Bd. V, Abt. 2.4, Nr. 11367, S. 1681.
115. *Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins*. Dusseldorf. 1846, Bd. II, Nr. 257, S. 131—132.
116. HOROLDT U. *Studien zur politischen Stellung des Kölner Domkapitels zwischen Erzbischof, Stadt Köln und Territorialgewalten 1198—1332: Untersuchungen und Personallisten*. Siegburg. 1994, S. 118; LOSERTH J. *Geschichte des späteren Mittelalters von 1197 bis 1492*. Bremen. 2013, S. 113.
117. *Annales Sancta Pantaleonis Coloniensis*, p. 536.
118. STÜRNER W. *Friedrich II. T. II. Darmstadt*. 2000, S. 513—514; WERTNER M. *Reichsfürst zwischen Mainz und Meissen. Heinrich Raspe als Landgraf von Thüringen und Herr von Hessen (1227—1247). Heinrich Raspe — Landgraf von Thüringen und römischer König (1227—1247). Fürsten, König und Reich in spätaufischer Zeit. Frankfurt am Main etc.* 2003, S. 194—195.
119. KEILMANN B. *Der Kampf um die Stadtherrschaft in Worms während des 13. Jahrhunderts*. Darmstadt. 1985 (*Quellen und Forschungen zur hessischen Geschichte*. Bd. 50), S. 97—104.
120. *Chronique rimée de Philippe Mouskes*, t. II, p. 681, v. 30967—30970.
121. *Rerum Austriacarum scriptores*. T. II. Vienna. 1793, p. 245.
122. *Anonymi Leobicensis Chronicon*. Graz. 1865, p. 8.
123. *Continuatio Sancrusensis II*, p. 641.
124. KANTOROWICZ E.H. *Keiser Friedrich II und das Königsbild des Hellenismus. Varia variorum. Festgabe für Karl Reinhardt*. Münster-Köln. 1952, S. 169—193.
125. KLOPPROGGE A. *Ursprung und Ausprägung des abendlandischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert. Ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters*. Wiesbaden. 1993, S. 195—198; JACKSON P. *Op. cit.*, p. 87—89.
126. SIMON de SAINT-QUENTIN. *Histoire des Tartares*. P. 1965, p. 115, Nr. 1.
127. *Matthaei Parisiensis Historia Anglorum, sive, ut vulgo dicitur, Historia Minor*. T. III. L. 1869 (*Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores*, t. 44), p. 39; Cp.: *Matthaei Parisiensis Cronica Majora*. T. V. L. 1880, p. 37—38.

Генрих Христофорович Эйхе

Р.А. Бадиков

В ряду деятелей Красной Армии периода Гражданской войны в России значительный интерес представляет личность Генриха Христофоровича Эйхе. Он известен, с одной стороны, как крупный военачальник, руководивший в разное время 5-й армией и вооруженными силами Дальневосточной республики, с другой, — как выдающийся военный историк, автор капитальных трудов по истории гражданского противостояния на Востоке России.

Многогранный жизненный путь этого незаурядного и одаренного талантами человека практически неизвестен в отличие от судеб его близких боевых соратников — М.Н. Тухачевского и В.К. Блюхера. Отдельные эпизоды биографии Эйхе нашли отражение лишь в нескольких небольших публицистических работах 1970—1980-х гг.¹, а также в ряде справочных изданий². Полузабытой фигура Эйхе остается не только в России, но и в родной для него Латвии, где он появился на свет и провел последние месяцы жизни. Характерный для современной латвийской историографии интерес к «красным латышам», вошедшим в большевистскую политическую и военную элиту, пока так и не затронул перипетии драматической судьбы Эйхе.

Генрих Христофорович Эйхе родился 12 октября 1893 г. в Риге в семье латыша, рабочего торгового порта. Образование (2-го разряда) он получил в Рижской городской торговой школе, которую закончил 5 января 1912 года. Ее профиль предусматривал подготовку работников низовых должностей для торгово-промышленных учреждений. В этом отношении род занятий Эйхе был очевиден на многие годы вперед. После получения аттестата (за № 303) он переехал в заштатный город Шлок Рижского уезда, где до конца 1914 г. состоял конторщиком одного из местных судоходных акционерных обществ. Работа в конторе, в целом однообразная, отличалась сравнительно высоким для мещанина того времени уровнем оклада. Но Эйхе был

Бадиков Роман Андреевич — аспирант Южно-Уральского государственного университета. Челябинск.

достаточно честолюбив, и положение ординарного мелкого служащего, очевидно, не могло принести ему морального удовлетворения.

Выходец из небогатой семьи городских обывателей, он стремился достичь более высокого социального положения. Притязания эти, отметим, были небезосновательны. Масштаб личности будущего красного командарма, его незаурядность и определенная амбициозность проявились уже в юности. К неполным двадцати годам Эйхе овладел шестью европейскими языками. Явное равнодушие он демонстрировал и к изящным искусствам, что может показаться удивительным, учитывая его «рабочее» происхождение. По некоторым данным, к лету 1914 г. Эйхе заочно окончил первый курс одной из консерваторий Берлина по классу композиции³.

Таким образом, до 1914 г. перспектива военной карьеры была для Эйхе практически нереалистичной. Переломным моментом в этом смысле стали события первой мировой войны. Буквально со студенческой скамьи Эйхе был мобилизован в армию, и 25 декабря 1914 г. зачислен в 91-й запасной пехотный батальон, расквартированный в Саратове⁴.

Офицерский корпус Русской армии переживал в это время известные потрясения. Создание экстраординарных военно-учебных заведений для подготовки офицеров военного времени (школ прапорщиков) деформировало его социальную основу, дав шанс широким слоям городских и сельских обывателей, а также инородцев, занять командные должности в армейских частях. Подобная возможность представилась и Эйхе, уровень образованности которого отвечал критериям набора.

1 июня 1915 г. Эйхе был командирован в 3-ю Петергофскую школу ускоренной подготовки офицеров, в расположение которой он прибыл и был зачислен 10 июня. Обучение его основам офицерской службы продолжалось в течение 80 дней. Менее чем через три месяца младший унтер-офицер Эйхе Высочайшим приказом был утвержден в чине прапорщика по приказу 6-й армии Петроградского военного округа № 328 от 28 августа 1915 года⁵.

Получив назначение на Западный фронт, в 245-й Бердянский пехотный полк 62-й пехотной дивизии (10-я армия), Эйхе за два года мировой войны прошел путь от прапорщика, начальника пулеметной команды, до штабс-капитана, командира стрелковой роты. На территории Гродненской губернии он участвовал в затяжных позиционных боях под Сморгонью, ставших ныне символом героизма солдат Русской армии.

К началу 1917 г. 24-летний штабс-капитан Эйхе фактически достиг предела возможного служебного продвижения в армии. Перспективы производства в штаб-офицерские чины он, как выпускник школы прапорщиков, не имел, и должность ротного командира представляла для него, в сущности, верх офицерской карьеры. Неудивительно, что революционный подъем 1917 г., ликвидировавший имперскую сословно-иерархическую систему, был с одобрением воспринят Эйхе. Для него революционные события, как и в случае, например, с М.Н. Тухачевским, бесспорно, обладали потенциальной ценностью своеобразного «социального лифта». Подобное представление всецело оправдалось. Октябрьский переворот и последовав-

шая за ним Гражданская война позволили Эйхе занять место в военной элите новой большевистской власти, предоставив беспрецедентные возможности для раскрытия его организаторских и полководческих способностей.

Вместе с тем, было бы ошибочно относить Эйхе к типу офицера, примкнувшего к большевикам волею случая или из соображений извлечения какой-либо личной выгоды. По своему происхождению, политическим и идейным ориентирам он в 1917 г. действительно был близок к активно-революционной повестке дня, заявленной сторонниками В.И. Ленина. В этом отношении Эйхе существенно отличался как от большинства кадровых офицеров Русской армии, так и от значительной части «военспецов» в том их понимании, которое имело место в ранний период строительства Красной Армии.

После Февральской революции Эйхе был избран членом полкового Комитета 245-го Бердянского полка. Доверие солдатской массы и, очевидно, успехи в большевистской агитации, позволили ему в октябре 1917 г. занять выборный пост председателя полкового Военно-революционного комитета. Служебно-революционное продвижение Эйхе, однако, не остановилось на этом уровне. В ходе состоявшегося в Молодечно 7—10 ноября III армейского Съезда 10-й армии был избран подконтрольный большевикам ВРК, который принял «руководство всей политической, активно-боевой и хозяйственной частью 10-й армии»⁶. Решением делегатов Съезда в состав армейского ВРК на правах единственного офицера делегировался и штабс-капитан Эйхе. Столь стремительное возвышение бывшего имперского службиста на волне революции не в последнюю очередь могло быть обусловлено известным расположением большевистских элит к офицерам из числа латышей, а также родственными связями. После Октябрьского переворота двоюродный брат Эйхе, революционер Р.И. Эйхе, обрел значительное влияние как член ЦК Латвийской социал-демократической рабочей партии.

К исходу 1917 г. Русская армия достигла, по выражению М.Д. Бонч-Бруевича, состояния «деморализованной и разбегающейся по домам армии»⁷. В подобных условиях роль ВРК 10-й армии, членом которого был Эйхе, ограничивалась в основном проведением лишь демобилизационных и ликвидационных мероприятий в пораженных разложением армейских частях.

Более созидательный характер деятельности Эйхе стала приобретать с выходом в январе 1918 г. Декрета о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Войдя в состав Бюро по формированию красноармейских отрядов (с 10 февраля 1918 г. — Полевого штаба) при армейском Совете депутатов 10-й армии, Эйхе впервые проявил себя в качестве военного организатора⁸. Так, во многом при его содействии было создано несколько ранних большевистских вооруженных

формирований, направленных в январе-феврале на подавление мятежа 1-го Польского корпуса генерала И.Р. Довбор-Мусницкого.

Непосредственно на руководящую работу в войска Республики Эйхе перешел весной 1918 г., после ликвидации управления 10-й армии. В марте он был направлен в западный участок отрядов Завесы на вакантную должность военного руководителя 11-го запасного пехотного полка, квартировавшего в Гжатске. На его базе Эйхе к маю 1918 г. осуществил формирование 1-го революционного имени Областного исполнительного комитета Западной области и фронта (Облскомзапа) пехотного полка. Преобразованный впоследствии в 232-й стрелковый, данный полк стал одной из первых частей РККА, созданных в Смоленской губернии.

С развертыванием военных действий на Среднем Поволжье возглавляемый Эйхе пехотный полк был переброшен на укрепление Восточного фронта. При поддержке командующего фронтом И.И. Вацетиса Эйхе уже в августе 1918 г. был назначен командиром Шихранского отряда — крупной группировки войск фронтового резерва. Этот момент можно считать началом становления Эйхе как боевого военачальника. В осенних операциях Восточного фронта отряд Эйхе принял деятельное участие. Надежно обеспечивая в сентябре стык наступавших 1-й и 5-й армий, он продвинулся с боями от Свяжска до Симбирска. Преследуя отходившие от Симбирска силы Народной армии КОМУЧа, отряд совершил 325-километровый марш-маневр, способствовавший взятию 5-й армией 13 октября Бугульмы.

Последовавшая оперативная пауза позволила Реввоенсовету фронта реорганизовать силы 5-й армии и развернуть на базе ее Правобережной группы 26-ю стрелковую дивизию трехбригадного состава⁹. Эйхе с 7 ноября 1918 г. занял должность командира 3-й бригады.

Успех сопутствовал Генриху Христофоровичу в первом крупном бою на посту комбрига. 1 декабря в процессе марша на д. Нарышево Белебеевского уезда (Уфимская губерния) бригада приняла встречный бой и нанесла крупное поражение частям белых, обратив в бегство, по свидетельству Эйхе, силы 12-го Бугульминского пехотного полка¹⁰ и «офицерского ударного батальона»¹¹.

Профессионализм и компетентность молодого комбрига отчетливо проявились в ходе весеннего наступления армий адмирала А.В. Колчака в марте-апреле 1919 года. После глубокого прорыва стратегического фронта 5-й армии под Уфой Эйхе вопреки приказу начальника 26-й стрелковой дивизии, инициировавшего 12 марта отход на юго-запад, принял решение закрепить вверенную ему 3-ю бригаду на промежуточном оборонительном рубеже в 45 км южнее Уфы. Целесообразность данной меры в целом следует признать очевидной. Отход бригады Эйхе, действовавшей на стыке 1-й и 5-й армий, грозил оголить выдвинувшийся вперед левый фланг 1-й армии на участке 1-й Пензенской пехотной дивизии. Это, в свою очередь, создавало условия для перспективного выхода сил белых в глубокий тыл 1-й армии, на Стерлитамак. Одобрив принятое Эйхе боевое решение, РВС Восточного фронта 14 марта отменил приказ начдива 26-й дивизии. Выгодный оборонительный рубеж, занятый по инициативе Эйхе красными частями, в течение двух дней был усилен вышедшими из окружения основными силами 5-й армии, образовав новую 70-километ-

ровую линию ее фронта. Сложившаяся, таким образом, группировка сил 5-й армии в трехнедельных (с 14 марта по 2 апреля) отступательных боях связала часть Западной армии белых, наносившей удар из района Уфы на Самару. Это позволило 5-й армии к началу апреля закрепиться на восточном берегу р. Волги, избежать окончательного разгрома и отхода за барьерный рубеж реки.

5 апреля 5-ю армию возглавил М.Н. Тухачевский. Сторонник идеи продвижения на ответственные посты молодого революционного комсостава для замещения командиров из числа кадровых «военспецов»¹², командарм отметил инициативные действия Эйхе в ходе оборонительных боев в марте-апреле, уже 16 апреля 1919 г. он был назначен начальником 26-й стрелковой дивизии вместо неудачно проявившего себя «военспеца» М.С. Матиясевича. К этому времени дивизия насчитывала около 4 тыс. штыков и 100 сабель¹³.

Знаковым событием в военной карьере Эйхе явилось контрнаступление Южной группы Восточного фронта, в ходе которого руководимая им 26-я дивизия совместно с 25-й дивизией В.И. Чапаева совершила глубокий прорыв на оперативном стыке 3-го Уральского и 6-го Уральского корпусов Западной армии белых и 4 мая взяла Бугуруслан.

К началу июня дивизия Эйхе первой из соединений 5-й армии вышла на барьерный рубеж р. Белой, создав крупный плацдарм южнее Бирска. В условиях огневого боя части дивизии 4—7 июня осуществили успешное форсирование реки и 8 июня с ходу захватили Бирск, достигнув, таким образом, предгорий Уральского хребта.

За успешное руководство в период контрнаступления Южной группы Эйхе приказом РВС РСФСР № 175 от 18 августа 1919 г. был награжден орденом Красного Знамени¹⁴. В приказе особо подчеркивалась личная роль начдива: «Он, приняв энергичные меры к организации переправы на р. Белой, перебросил через нее, почти без всяких потерь, части 1 и 2 бригад и, перейдя затем в решительное наступление, овладел гор. Бирском»¹⁵. Эйхе был вручен знак ордена за № 96 и он, таким образом, вошел в почетную первую сотню краснознаменцев.

Наибольшую известность в бытность начдивом Эйхе получил благодаря смелому рейду 1-й и 2-й бригад 26-й дивизии в тыл 2-го Уфимского армейского корпуса Западной армии, предпринятому в июне-июле 1919 года¹⁶. Реализуя замысел Тухачевского, бригады во главе с Эйхе скрытным форсированным маршем по ущелью горной р. Юрюзань преодолели в течение трех суток (27 июня—1 июля) 120 км. Неожиданно появившись в расположении 12-й Уральской стрелковой дивизии белых, выведенной на переформирование, силы Эйхе нанесли поражение ее 45-му Сибирскому стрелковому полку у д. Ахуново и д. Мунаево Златоустовского уезда (Уфимская губерния). В последующие несколько дней бригады 26-й дивизии вдоль границы Уфимского уезда, в треугольнике д. Ахуново — д. Насибаш — ст. Кропачево, активной обороной сдерживали наступление отдельных частей 4-й Уфимской и 12-й Уральской стрелковых дивизий. Переломный момент наступил с принятием Эйхе решения о нанесении удара в направлении разъезда Яхино. В результате его реализации силы 1-го Волжского армейского корпуса Западной армии к 6 июля

начали отход с укрепленных Аша-Балашовских высот, прикрывавших промышленную зону Урала.

Рейд сил 26-й стрелковой дивизии, таким образом, сыграл решающее значение в деле успешной ликвидации оборонительного рубежа Западной армии на Южном Урале летом 1919 года. В ряде современных исследований он рассматривается как поучительный образец «военной хитрости»¹⁷.

К исходу 1919 г. 5-я армия на пространстве Ишимской равнины нанесла решающее поражение войскам адмирала А.В. Колчака. С падением 14 ноября Омска стратегический антибольшевистский фронт на Востоке прекратил существование.

26-я стрелковая дивизия, прошедшая под началом Эйхе много-трудный боевой путь от Заволжья до Западной Сибири, внесла весомый вклад в достижение успеха РККА на Восточном фронте. Не без основания к числу «лучших коммунистических дивизий» относил ее Главнокомандующий Восточным фронтом белых генерал К.В. Сахаров, уважительно именуя ее начдива «большевик-генерал Эйхе»¹⁸. Примечательно и мнение В.В. Клавинга, который ставит командовавшего дивизией Эйхе в один ряд с Чапаевым, считая, что в 1919 г. они «наиболее лучшие и ... известные красные начдивы»¹⁹.

Получив опыт командования на полковом, бригадном и дивизионном уровнях, Эйхе в течение двух лет Гражданской войны вырос в крупного полководца и военного организатора, приобрел известность и уважение в войсках, а также личное расположение командарма Тухачевского. В этой связи назначение Эйхе 19 ноября 1919 г. командующим 5-й армией выглядит достаточно закономерным явлением. Непосредственно в должность командарма Эйхе вступил 25 ноября²⁰, после передачи ему командования Тухачевским, то есть в ходе проведения Новониколаевской операции. Таким образом, в 26 лет Эйхе стал во главе внушительной группы войск в 48 тыс. штыков и 2,4 тыс. сабель, объединенной управлениями шести стрелковых и одной кавалерийской дивизий²¹.

Служебное продвижение порождало качественно иной уровень ответственности. Вверенной Эйхе 5-й армии предстояло одной, без поддержки каких-либо иных частей РККА, ликвидировать режим адмирала Колчака и окончательно разгромить его деморализованные, но по-прежнему многочисленные войска, отступавшие вглубь Западной Сибири.

Продолжив начатую Тухачевским Новониколаевскую операцию, Эйхе развернул в течение декабря параллельное преследование частей 2-й и 3-й армий белых вдоль линии Транссибирской магистрали. Это привело к катастрофическим потерям в рядах последних. Одной из причин послужило внедрение командармом в масштабе армии оригинальной тактики преследования «ездящей пехотой», которую он, будучи начальником 26-й стрелковой дивизии, успешно апробировал в ходе Челябинского сражения в августе 1919 года. Суть тактики состояла в выделении каждой дивизией, участвовавшей в преследовании, маневренного передового отряда. Ежедневно, после остановки основных сил на ночлег, маневренный отряд, используя взятые у населения подводы и сани, продолжал преследовать белых на расстояние до 10—15 км. Это мешало, как отмечал Эйхе, «отступающим

частям противника использовать ночь для отдыха, вынуждая их увеличивать дневной переход до 40—50 км»²². Таким образом, тактика «ездящей пехоты» обеспечила 5-й армии практически непрерывное наседание на отступающие части белых, лишив их возможности произвести перегруппировку и организовать новую линию обороны.

Неприятие тактических приемов Эйхе среди белых офицеров было значительным. Так, командир Ижевского конного полка полковник А.Г. Ефимов с неудовольствием отмечал: «красные... рассвирепели и стремятся уничтожить нас неотступным преследованием и окружением на стоянках. В командование преследующей нас 5-й красной армии вместо Тухачевского вступил бывший начальник 26-й красной дивизии Эйхе и, видимо, старается выслужиться»²³. Аналогичную оценку командарму Эйхе дает и генерал П.П. Петров, начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии²⁴.

Под ударами 5-й армии и активизировавшихся пробольшевистских партизанских формирований политический и боевой потенциал режима адмирала Колчака стремительно падал. К середине декабря силы красных под руководством Эйхе овладели Семипалатинском, Барнаулом, Новониколаевском (Новосибирском) и вышли на рубеж р. Обь. Продвинувшись далее на северо-восток, они вступили 20 декабря в Томск, принудив сложить оружие основные силы 1-й армии белых.

Остатки двух других, 2-й и 3-й армий, за исключением отряда каппелевцев, были пленены в результате успешно проведенной Эйхе Красноярской операции (2—7 января 1920 г.).

Таким образом, за 50 дней пребывания Эйхе на посту командующего, возглавляемая им 5-я армия в ходе наступления от Омска до Красноярска, от р. Иртыш до р. Енисей, завершила полное освобождение Западной Сибири от регулярных формирований белых²⁵. Ликвидация вооруженных сил адмирала Колчака стала, таким образом, свершившимся фактом.

Несмотря на очевидные достижения Эйхе, он остался в тени Тухачевского, за которым закрепилась слава «победителя Колчака и завоевателя Сибири»²⁶. Однако, эту честь с Тухачевским по праву должен разделить и Эйхе, его старый соратник и боевой товарищ.

19 января 1920 г. Эйхе как заболевший тифом был освобожден от должности командующего 5-й армией и направлен на лечение. Его выздоровление, как отмечает Е.П. Тарасов, совпало с принятием РСФСР курса на строительство Дальневосточной республики²⁷. 17 марта 1920 г. по рекомендации Сибирского бюро ЦК РКП(б) Эйхе был назначен главнокомандующим Народно-революционной армией Прибайкалья. Провозглашение 6 апреля Дальневосточной республики привело к передаче войск НРА Прибайкалья под ее номинальное управление в качестве республиканских вооруженных сил. В результате дальнейшей реорганизации властной структуры вновь образованного «буферного» государства Эйхе вошел в его руководящий центр как главнокомандующий Народно-революционной армией ДВР (с 12 мая 1920 г.), в дальнейшем — как главнокомандующий всеми вооруженными силами ДВР (с 1 ноября 1920 г.).

Создание «буржуазно-демократической» ДВР, как известно, было политическим маневром, призванным, по мысли Ленина, отдалить

войну РСФСР с Японией, «но, если можно, обойтись без нее»²⁸. Миссия республики состояла в мирном (декларативном) завершении японской интервенции, ликвидации антибольшевистских формирований, действовавших под прикрытием Японии и при ее покровительстве в Забайкалье и на Дальнем Востоке, а также в объединении этой территории для последующего включения в состав РСФСР. Подобные ориентиры закономерно выводили на первый план необходимость организации боеспособной республиканской армии, придавая личности Эйхе ключевое значение в контексте определения будущего ДВР. Став во главе НРА он, определенно, обрел качества государственного деятеля, выступив своеобразным гарантом политической устойчивости дальневосточного «красного буфера» и реализации им своей исторической миссии.

В.Е. Шамбаров, утверждая, что «во всех важнейших вопросах политику (ДВР. — Р.Б.) определяло командование НРА»²⁹, конечно, сильно преувеличивал. Вместе с тем, характер полномочий Эйхе действительно придавал ему особое положение в ДВР, в какой-то степени близкое по своему влиянию статусу А.М. Краснощекова, председателя Правительства ДВР. Наряду с последним Эйхе пользовался существенной автономией в своих действиях, был словно «приподнят» над республиканскими элитами. Добавим, что Приказом РВС РСФСР № 597/102 от 20 апреля 1920 г. было установлено подчинение НРА и ее руководства помощнику Главкома всеми вооруженными силами РСФСР по Сибири³⁰, что сводило к минимуму ответственность Эйхе перед властью «буфера». Руководимая им НРА, таким образом, представляла собой составляющую регулярной РККА и образовывала, в сущности, Дальневосточный «фронт» РСФСР.

Власть ДВР была провозглашена на обширной территории от Байкала до Тихого океана, однако восточная ее часть (Приамурье, Приморье) в течение семи первых месяцев не имела сообщения с Забайкальем. Запад и восток республики были разделены «Читинской пробкой», образованной в Восточном Забайкалье Дальневосточной армией белых (части атамана Г.М. Семёнова и каппелевцы) и японскими оккупационными силами. Ликвидация «Читинской пробки», угрожавшей существованию ДВР, явилась в 1920 г. основной боевой задачей республиканской армии Эйхе.

Первая (10—13 апреля) и Вторая (25 апреля—5 мая) Читинские операции не увенчались военным успехом ДВР³¹, но создали политические предпосылки завершения японской интервенции в Забайкалье. Обеспокоенные ростом активности НРА весной 1920 г., японские правящие круги были вынуждены одобрить подписание 17 июля Гонготского соглашения с ДВР, в соответствии с которым войска Японии покидали пределы «Читинской пробки», оставляя белых один на один с частями НРА. Лишившись союзнической поддержки, Дальневосточная армия в ходе Третьей Читинской операции (1—31 октября), разработанной Эйхе и его штабом, потерпела поражение от сил ДВР и отступила в Маньчжурию.

Результатом успешных действий НРА явилось изгнание белых из Забайкалья и оформление реального территориального единства запада и востока ДВР. Освобожденная 22 октября Чита на последующие два года приобретала статус административного центра «красного буфера».

Содержание деятельности Эйхе на посту Главкома республиканской армии нередко ограничивается упоминанием ликвидации «Читинской пробки». При этом совершенно недооцененной остается основная роль Эйхе — организатора, стоявшего у истоков вооруженных сил ДВР. Следует отметить, что он принял НРА в составе одной стрелковой дивизии — полупартизанской, слабо вооруженной, не располагавшей органами управления и подготовленными кадрами. При финансовой, кадровой и военно-технической поддержке РСФСР Эйхе развернул целенаправленное строительство армии республики. Результатом явилось организационное оформление в ее структуре к 8 ноября 1920 г. управлений 1-й Забайкальской и 2-й Амурской армий, включавших четыре стрелковые и кавалерийскую дивизии, две отдельные кавалерийские бригады и два укрепленных района ³².

Однако усилия Эйхе по строительству вооруженных сил ДВР, обеспечившие боевой успех в Забайкалье, были в определенной мере сведены на «нет» Блюхером, одним из его преемников на посту Главкома. Приняв командование армией ДВР спустя два месяца после отставки Эйхе, В.К. Блюхер предпринял ряд недостаточно продуманных реорганизаций, которые привели к резкому снижению ее боеспособности. В результате масштабного сокращения численности войск и увольнения массы квалифицированных «военспецов» (под предлогом их контрреволюционности) из созданных при Эйхе 36 стрелковых и 15 кавалерийских полков вооруженные силы ДВР к исходу 1921 г. были свернуты в 6 стрелковых и 2 кавалерийских полка. Обозначившаяся, таким образом, военная уязвимость республики позволила Белоповстанческой армии генерала В.М. Молчанова осенью и зимой 1921 г. нанести силам республики ряд крупных поражений и уже в 1922 г. привела к кровопролитному Волочаевскому сражению, которого, как отмечал Эйхе, «могло и не быть» ³³.

Таким образом, деятельность Эйхе по строительству армии ДВР в целом представляется успешной. Организационные мероприятия, инициированные Эйхе, особенно в свете действий его преемников, отличались взвешенностью, последовательностью и планомерностью. В этой связи освобождение Эйхе от командования вооруженными силами ДВР, состоявшееся 29 апреля 1921 г., выглядит трудно объяснимым.

На первый взгляд, отставка Эйхе, как не имевшая очевидных причин военного характера, вписывается в русло общих политических изменений на Дальнем Востоке весной 1921 года. 27 апреля завершило работу Учредительное собрание ДВР, принявшее республиканскую Конституцию. За день до этого собрание избрало постоянное Правительство ДВР под председательством Краснощёкова ³⁴. В данном ключе смену Главкома, формально встроеного в систему государственного аппарата ДВР, можно было бы представить проявлением кадровой ротации, как ее и восприняли, вероятно, в Японии.

Однако уход Эйхе имел не столь мирную подоплеку, явившись скорее следствием внутренних интриг, которыми было насыщено крайне конфликтное политическое поле ДВР. Представляется очевидной тесная связь отставки Эйхе с эскалацией конфликта между главой Правительства ДВР А.М. Краснощёковым и некоторыми деятелями Дальневосточного бюро ЦК РКП(б). Природа данного конф-

ликта характеризовалась острым неприятием П.М. Никифоровым, М.И. Губельманом, Я.Д. Янсоном и др. политики Краснощёкова, что выразилось в выдвижении против него обвинений в сепаратистском стремлении превратить «буферную» ДВР «в самостоятельное буржуазно-демократическое государство». Инициатива отставки Эйхе, поддерживавшего Краснощёкова, принадлежит, по мнению Б.И. Мухачева, именно Губельману и Никифорову³⁵. Удаление лояльного руководителя республиканской армии, бесспорно, должно было существенно ослабить политическое влияние Краснощёкова на Дальнем Востоке.

Отставка Главкома вооруженных сил ДВР, как удалось установить, была сопряжена с его последующим арестом, что впоследствии косвенно подтвердил Краснощёков. Так, обращаясь к своим оппонентам на заседании Дальбюро 4 июля 1921 г. он заявил: «Вы приехали для того, чтобы добиться ареста Краснощёкова как тов. Эйхе»³⁶.

Следует отметить, что председатель Сибирского бюро ЦК РКП(б) И.Н. Смирнов, рекомендовавший Эйхе на пост Главкома годом ранее, выразил протест против его смещения, апеллировав к Ленину и Л.Д. Троцкому. Смирнов, в частности, обратил внимание Москвы на заслуги Эйхе и имевший место факт отступления от установленной процедуры увольнения Главкома вооруженных сил ДВР, которая предполагала согласование данного акта с помощником Главкома всеми вооруженными силами РСФСР по Сибири и председателем Сиббюро³⁷. Применительно к Эйхе решение не было согласовано ни с упомянутыми лицами, ни с главой Правительства ДВР Краснощёковым. Однако военное и политическое руководство РСФСР, очевидно, оставило в силе решение Дальбюро об отставке Эйхе. Выдворенный в дальнейшем в РСФСР и исключенный из РКП(б) Эйхе избежал репрессий, но тяжесть дальневосточного «инцидента», бесспорно, осталась с ним на многие годы.

Продолжив службу в РККА, Эйхе подобно многим красным военачальникам перешел на заключительном этапе Гражданской войны в качестве «военного администратора» неустойчивых территорий, обеспокоенных повстанческим движением и бандитизмом.

18 октября 1921 г. он вступил в должность командующего войсками и члена РВС Минского района. Формально подчиненный управлению Западного фронта, Минский район представлял чрезвычайную военно-административную единицу, власть которой распространялась на территорию всей Советской Социалистической Республики Белоруссии в границах до 1924 г., включая Минск, Бобруйск, Слуцк, Борисов и Мозырь. По иронии судьбы Эйхе, таким образом, вновь обрел положение фактического главы вооруженных сил республики. Опираясь на вверенные ему части (две стрелковые и кавалерийская дивизии, формирования ЧОН и ВЧК), он в течение полугода руководил борьбой с повстанческими группами, оставшимися после поражения основных сил генерала С.Н. Булак-Балаховича.

Весной 1922 г. Эйхе был переведен в Среднюю Азию, где 24 апреля принял командование войсками Ферганской области Туркестанской Советской Республики. Появление опытного военачальника придало новый импульс борьбе с басмаческим движением в Фергане, которая продолжалась здесь на протяжении уже пяти лет. К 6 июля в районе

Оша силы Эйхе принудили сложить оружие крупные формирования Муэтдин-бека, преемника Курширмата в качестве лидера ферганского повстанчества. В целом, по некоторым данным, с февраля по октябрь 1922 г. из 200 басмаческих отрядов, действовавших в Ферганской долине, было разгромлено 119³⁸. Значительная доля этого успеха принадлежит регулярным частям РККА, боевое применение которых планировал и организовывал Эйхе.

В отставку Эйхе вышел в 1923 году. С супругой Марией Александровной и дочерью Нелли бывший командарм обосновался в Москве. Его служебная деятельность с этого времени проходила последовательно в Российском торгово-промышленном банке, Высшем совете народного хозяйства и во Всесоюзных объединениях «Автомоторэкспорт» и «Техноэкспорт» — структурах внешней торговли СССР, близких к сфере ВПК.

Закрепившись, таким образом, в рядах «штатской» военной элиты СССР, Эйхе впервые обратился к исследованию истории Гражданской войны на Восточном фронте. Основной предпосылкой явился опыт неформального участия Эйхе в научной работе Землячества 5-й армии при Центральном музее Красной Армии и Флота. В среде этого дружеского сообщества ветеранов Эйхе пользовался значительным влиянием и уважением, которое сохранилось за ним со времен войны, когда Эйхе наряду с Тухачевским считался одним из «героев» 5-й армии³⁹.

Первым крупным исследованием военачальника стала опубликованная в 1928 г. статья «5-я армия в борьбе за Западную Сибирь», затрагивающая проблематику Челябинского сражения и Петропавловской операции⁴⁰. В том же году при поддержке Научно-уставного отдела Штаба РККА был издан оперативно-тактический очерк Эйхе «Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года»⁴¹. Заслужившая положительную оценку⁴², данная работа явилась для Эйхе первым опытом рассмотрения тактики 5-й армии в годы войны. Результатом предпринятого им комплексного анализа действий армии в 1918—1920 гг. явилось появление крупного военно-теоретического труда «Тактические поучения гражданской войны»⁴³.

Исследованием истории 5-й армии в основном был ограничен первый этап научной деятельности Эйхе, который пришелся на 1920—1930-е годы. Несколько отличается от общего контекста последняя работа, опубликованная историком в этот период. Статья «Крушение планов... (к годовщине начала мировой войны)» (1935 г.) была посвящена проблеме соответствия действий армий Антанты и Тройственного союза в начальный период мировой войны установкам предвоенного стратегического планирования⁴⁴.

Политических репрессий, развернувшихся к концу 1930-х гг., Эйхе избежать не удалось. Его арест во многом предопределил фактор близости к «врагам народа», ключевой для эпохи «большого террора». В 1937—1938 гг. были расстреляны многие деятели РККА, связанные с Эйхе. Среди них были его близкие друзья — комкоры В.К. Путна и К.А. Нейман, комбриг К.И. Янсон и др. В апреле 1938 г. был взят под стражу и впоследствии расстрелян его двоюродный брат Р.И. Эйхе, занимавший пост Наркома земледелия СССР. К этому

времени репрессии затронули и часть представителей РККА, с которыми Эйхе контактировал по вопросам экспорта и импорта в сфере машиностроения как директор Транспортной конторы Всесоюзного объединения «Техноэкспорт».

Интерес органов к персоне самого Эйхе проявился в том же 1938 году. Уже к 12 сентября 1938 г. имя 44-летнего бывшего командарма фигурирует в одном из так называемых «Сталинских списков» в ряду лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР по 1-й (расстрельной) категории ⁴⁵. Однако окончательный приговор в отношении Эйхе был сравнительно мягким. 14 февраля 1939 г. решением Особого совещания при НКВД СССР он был осужден на 5 лет ИТЛ «за антисоветскую деятельность» ⁴⁶. Тем не менее, срок заключения Эйхе, по свидетельству К.П. Гурского, впоследствии был дважды увеличен ⁴⁷.

Последующие 15 лет Эйхе провел в тяжелейших условиях северного Ухто-Ижемского ИТЛ. Вершиной его лагерной «карьеры» стал пост старшего бухгалтера Печорского геологоразведочного района, входившего в структуру Ухтижемлага. Вышел из заключения и вернулся в Москву Эйхе только в 1954 г. в возрасте 60 лет. В годы «большого террора» имя Эйхе как одного из руководителей РККА на Восточном фронте было, по справедливому высказыванию А.Г. Липкиной, вычеркнуто из истории Гражданской войны ⁴⁸. К концу 1950-х гг. оценки Эйхе претерпели в целом позитивные изменения, но личность его, определенно, подверглась исторической мифологизации. Из разряда местных «героев» 5-й армии, что имело место в 1920—1930-е гг., он трансформировался в признанного «героя Гражданской войны». Сам военачальник, ставший свидетелем низвержения множества более прославленных «героев» войны, скептически относился к подобным оценкам.

В стремлении наверстать годы, проведенные бездеятельно, Эйхе с середины 1950-х гг. вновь обратился к труду исследователя. В 1955—1966 гг. он подготовил и опубликовал две капитальные работы, с которыми ныне во многом и ассоциируется имя Эйхе как крупного историка. Монографии «Уфимская авантюра Колчака (март-апрель 1919 г.)» ⁴⁹ и «Опрокинутый тыл» ⁵⁰ стали новым словом в историографии Гражданской войны.

Широко привлекая оригинальные материалы антибольшевистских правительств, историк представил противостояние на Востоке России в 1919—1920 гг. в синтезе позиций красных и белых. Подобная особенность поздних работ Эйхе естественным образом привела к принципиальному расхождению автора с «каноничной» советской версией истории войны по ряду вопросов. Так, режиму адмирала Колчака Эйхе отводил в целом самостоятельную роль, не считая предпринятые им политические шаги как производную от интересов союзников (оценка Колчака как «ставленника Антанты»). Признавал он за Омским правительством и значительные успехи, например, в области военного строительства и аграрной политики. В целом то внимание, которое уделяет Эйхе проблематике военно-политической устойчивости власти белых в Урало-Сибирском регионе, представляется по меркам советской историографии вызывающе значительным. Не случайно П.А. Новиков считает Эйхе «единственным советским

исследователем, в трудах которого антибольшевистские силы Сибири стали предметом специального рассмотрения»⁵¹.

Особого внимания заслуживает выдвинутая Эйхе концепция взаимозависимости успехов или неудач РККА на Востоке России и положения в тыловых районах белых. Постановку данной проблемы Эйхе произвел еще в 1928 г. и в некоторой степени осветил ее в работе «Тактические поучения гражданской войны». Однако детальная разработка ее относится к середине 1960-х годов.

Таким образом, сфера научных интересов Эйхе с течением времени прошла качественную эволюцию. От исследования исключительно тактики боевого применения 5-й армии, что имело место в 1920—1930-х гг., он перешел к комплексному изучению политических, военных и социальных факторов (при превалировании исследовательского аспекта вооруженной борьбы), оказавших влияние на положение антибольшевистских режимов Востока России.

Неизменной оставалась удивительная природа научных изысканий Эйхе, которые представляли для него, особенно в 1920—1930-е гг., форму своеобразного «досуга», проведения свободного времени. В этом смысле он являл собой удачный пример историка-самоучки, не вписанного в систему академической науки и не имевшего, в сущности, формальной коммуникации с ее представителями. Здесь мы видим истоки относительной исследовательской «свободы» Эйхе, насколько она была возможна.

К концу жизни Эйхе пользовался бесспорным уважением как «герой Гражданской войны» и один из последних здравствующих командармов ее периода, считался одним из авторитетов в области исследования проблематики войны в контексте восточных регионов России.

Земной путь Генриха Христофоровича завершился на земле родной для него Латвии, в юрмальском поселке Меллужи 25 июля 1968 года. С воинскими почестями он был похоронен на Введенском кладбище Москвы.

Рассматривая судьбу Эйхе, нетрудно заметить, сколь значительна ее связь с крупнейшими вехами новейшей российской истории. Реконструируя жизнь Эйхе, мы можем воссоздать и своеобразный образ России первой половины XX века. Изучая же историю России этого периода нельзя не отметить личность одного из ее ключевых фигур — русского «красного латыша» Генриха Христофоровича Эйхе.

Примечания

1. См.: ДАШКОВ С.Е. О командарме Пятой. — Сибирские огни. 1974, № 2, с. 151—158; МОЛОКОВ И.Е. Г.Х. Эйхе (1893—1968). В кн.: Герои огненных лет: очерки. Омск. 1989, с. 99—108; ТАРАСОВ Е.П. Краском Генрих Эйхе. М. 1975.
2. См., например: Эйхе Генрих Христофорович. Советская военная энциклопедия. Т. 8. М. 1980, с. 563; Эйхе Генрих Христофорович. Большая советская энциклопедия. Т. 29. М. 1978, с. 582.
3. ДАШКОВ С.Е. Ук. соч., с. 152; ТАРАСОВ Е.П. Ук. соч., с. 8.

4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 409, оп. 1, д. 27, л. 174об.
5. Там же, л. 174.
6. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. Сб. документов. М. 1973, с. 106.
7. БОНЧ-БРУЕВИЧ М.Д. Вся власть Советам! М. 1958, с. 228.
8. РГВИА, ф. 2144, оп. 9, д. 2, л. 16, 19, 22.
9. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 185, оп. 3, д. 1437, л. 228.
10. 12-й Бугульминский стрелковый полк действительно существовал в составе 3-й стрелковой дивизии Народной армии КОМУЧа. Однако участие полка в декабрьских боях требует уточнения.
11. ЭЙХЕ Г.Х. Тактические поучения гражданской войны. Исследование тактики Красной Армии в борьбе против Колчака и на Дальнем Востоке. М. 1931, с. 148.
12. ТУХАЧЕВСКИЙ М.Н. Избранные произведения. Т.1. М. 1964, с. 27—30.
13. РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 143, л. 2.
14. Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. М. 1926, с. 286.
15. Красные герои. Список участников гражданской войны, награжденных орденом «Красное Знамя». Пг. 1920, с. 36.
16. Подробнее см.: ЭЙХЕ Г.Х. Даешь Урал! — Урал. 1968, № 2, с. 68—84.
17. ЛОБОВ В.Н. Военная хитрость. М. 2001, с. 92.
18. САХАРОВ К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918—1920 гг.). Мюнхен. 1923, с. 134, 150.
19. КЛАВИНГ В.В. Гражданская война в России: белые армии. М.—СПб. 2003, с. 262.
20. РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1444, л. 73.
21. Там же, д. 329, л. 24.
22. ЭЙХЕ Г.Х. Тактические поучения гражданской войны, с. 60.
23. ЕФИМОВ А.Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918—1920. М. 2008, с. 208.
24. ПЕТРОВ П.П. Роковые годы. 1914—1920. Калифорния. 1965, с. 218.
25. Подробнее см.: ЭЙХЕ Г.Х. Победа на Востоке (к 45-летию разгрома Колчака). — Красная звезда. 15.1.1965, с. 3; ЕГО ЖЕ. Разгром войск Колчака. — Сибирские огни. 1965, № 3, с. 161—167; ЕГО ЖЕ. На главном направлении. Разгром Колчака: сб. воспоминаний. М. 1969, с. 151—168.
26. РГВА, ф. 245, оп. 4, д. 201, л. 87.
27. ТАРАСОВ Е.П. Ук. соч., с. 119.
28. ЛЕНИН В.И. Сочинения. Т. 31. М. 1950, с. 435.
29. ШАМБАРОВ В.Е. Белогвардейщина. М. 2007, с. 459.
30. РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 140, л. 1.
31. Там же, ф. 221, оп. 1, д. 424, л. 3—4.
32. РГВА, ф. 221, оп. 1, д. 737, л. 366.
33. ЛЕВКИН Г.Г. О Блюхере — без легенд. Svbdvr.ru: электр. издание «Аргументы времени». 2013. URL: <http://svgbdvr.ru/istoriya/o-blyukhere-bez-legend>.
34. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 372, оп. 1, д. 1117, л. 154.
35. МУХАЧЕВ Б.И. Александр Краснощёков: историко-биографический очерк. Владивосток. 1999, с. 153.
36. РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, д. 63, л. 62.
37. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 130, оп. 5, д. 717, л. 22.
38. ЗЕВЕЛЕВ А. И. и др. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М. 1981, с. 102.
39. БУТОРОВ Н.В. Герои 5-й армии. — Красная армия на Востоке: орган РВС 5-й армии и ВСВО. 1922, № 7, с. 16—17.

40. ЭЙХЕ Г.Х. 5-я армия в борьбе за Западную Сибирь. Гражданская война. Т. 1. М. 1928, с. 190—204.
41. ЕГО ЖЕ. Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года. М.-Л. 1928.
42. ГОЛУБЕВ А. Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года: рецензия. — Военный вестник. 1928, № 19, с. 61—62.
43. ЭЙХЕ Г.Х. Тактические поучения гражданской войны. М. 1931.
44. ЕГО ЖЕ. Крушение планов (к годовщине начала мировой войны). — Война и революция. 1935, июль-август, с. 51—59.
45. Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР от 12 сентября 1938 года. Москва-Центр. Со ссылкой на АП РФ, оп. 24, д. 418, л. 15. Stalin.memo.ru: портал «Сталинские расстрельные списки». 1938. URL: <http://stalin.memo.ru/names/index.htm>.
46. ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 60, д. 1973, л. 2, 4.
47. Константин Петрович Гурский. Ухта. 2003, с. 62.
48. ЛИПКИНА А.Г. 1919 год в Сибири. М. 1962, с. 227—228.
49. ЭЙХЕ Г.Х. Уфимская авантюра Колчака (март—апрель 1919 г.). Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным. М. 1960.
50. ЕГО ЖЕ. Опрокинутый тыл. М. 1966.
51. НОВИКОВ П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. 2005, с. 8.

Казус Засулич

Ю.А. Пелевин

Историческое событие происходит при переплетении действий многих людей: личностных поступков, противоборствующих устремлений, корыстных интересов, служебных претензий, государственных установлений, общественных противостояний, публичных акций, случайных обстоятельств, несправедливостей, страданий, отчаяний, подвигов, надежд и многого другого. На перекрестии всего этого и происходит то, что называется историческим явлением, которое впоследствии становится достоянием историков. Например, казус Засулич, которому и посвящена предлагаемая статья.

В революционном народничестве весной 1878 г. произошёл крутой поворот к вооружённому противоборству с царской властью. И указателем места этого поворота стало покушение Веры Засулич на петербургского обер-полицмейстера, позднее градоначальника Ф.Ф. Трепова за несправедливое и незаконное распоряжение в Доме предварительного заключения (ДПЗ) наказать розгами политзаключённого А. Боголюбова-Емельянова.

«*Боголюбовская история*». При инспекторском осмотре 13 июня 1877 г. арестант провинился перед высоким начальником тем, что не снял шапку. Как свидетельствовал очевидец событий, политзаключённый А.Н. Бибергаль, «Трепов стал сам сбивать с него шапку. Но Боголюбов был выше его ростом и притом отклонил голову так, что Трепову, несмотря на его подпрыгивание, не удалось сбить шапку. Рассвирепев, он крикнул: “Розги!”»¹. Приказ Трепова о сечении розгами был явным нарушением закона о запрете телесных наказаний в качестве меры уголовного наказания, принятого ещё в 1863 году.

Боголюбов — «хожденец в народ», член-учредитель «Земли и воли». Его судили по делу о Казанской демонстрации, в которой он не принимал ни малейшего участия и даже выступал категорически против ее проведения². Боголюбова случайно арестовали у Казанско-

Пелевин Юрий Александрович — кандидат исторических наук, профессор Государственного университета гуманитарных наук.

го собора уже после манифестации, избili до полусмерти в полицейском участке и приговорили к 15 годам каторжных работ.

Избиение политзаключенных — давняя и прочная традиция отечественной пенитенциарной системы. Били в кутузках, тюрьмах, на каторге без всяких на то разрешений и законоустановлений. Так, например, поступили с участниками казанского выступления или позднее с Верой Засулич.

А.Ф. Кони, известный юрист и писатель, рассказывал в мемуарах, как в середине 1870-х гг. в высшем обществе стала распространяться идея наказания розгами «нигилистических пропагандистов». Составлялись всевозможные проекты и записки, где *«рекомендовалось подвергать политических преступников вместо уголовного взыскания телесному наказанию без различия пола»*³.

Д.А. Оболенский, побывавший на «Процессе 50-ти», где судили московских революционеров, с возмущением старого крепостника вопрошал в великосветском салоне: «Ну, вот, на что это похоже? Девчонке какой-то, обвиняемой в пропаганде, председатель говорит: “Признаете ли вы себя виновною? Что вы можете сказать по поводу показания этого свидетеля?” и т. д. А та рисуется и красуется!.. Эх, думал я... разложил бы я тебя, да всыпал бы тебе сто штук горячих, так ты бы иначе заговорила, матушка! Вся дурь прошла бы! Право! Поверьте, вышла бы из нее добрая мать семейства, хороший человек за себя замуж взял бы!»⁴

Но расправа над Боголюбовым была вопиющей несправедливостью и вызвала взрыв возмущения арестантов ДПЗ⁵. «Окна всех камер выходили на двор, и заключенные были свидетелями этой сцены. Когда они увидели, что Боголюбова потащили, поднялся невообразимый шум и стук; по адресу Трепова раздавались возгласы: “негодяй, мерзавец, палач” и пр.»⁶

Политзаключенному дали 25 ударов розгами⁷. «Позорное не для Боголюбова, а для Трепова и исполнителей его зверской фантазии наказание было проведено в исполнение в галерее, в которой находилась камера Боголюбова, и, таким образом, как его соседи, так и многие другие в верх и в низ по галереям, слышали борьбу, возню, может быть, свист розог и стоны и крики истязуемого»⁸, — свидетельствовал тюремный врач Д.М. Герценштейн.

С.С. Голоушев, пропагандист-народник, «хожденец в народ», сидевший в той же тюрьме, отмечал: «Заключенные — люди с такими издерганными нервами, что от малейшего повода впадают в состояние буйства и могут наделать много такого, перед чем сами затем остановятся в недоумении»⁹. После расправы над Боголюбовым «поднялся новый взрыв неистовств». Кричали, стучали оловянной посудой в железные подоконники, били рамами в двери, «ломали, у кого хватало силы, все, что только могло быть исковеркано и изломано в камерах»¹⁰. Тогда большой отряд полицейских и военный караул принялись за наведение спокойствия, «избивая стучащих и волоча многих из них в карцер. Кого тащили под руки, а кого волокли за ноги, причем голова билась о чугунный пол галереи и особенно об острые ступени железных лестниц»¹¹. Голоушеву перед тем, как отправить в карцер, набросили на голову мешок, чтобы не было слышно криков, и били пока он не потерял сознание¹². В карцере на заключенных

«снова накидывались с кулаками и били до полусмерти»¹³. Волнения в ДПЗ продолжались целых три дня. «Разумеется, избиения были общим правилом, — отмечает Герценштейн, — а остальное, карцеры и прочее — только дополнение»¹⁴.

«Боголюбов попал в еще худшее положение, — вспоминает Бибергаль. — Карцер, куда его посадили, был сырой и холодный, на полу его стояли лужи и здесь его продержали семь суток. Он совершенно заоченел от холода и сырости, и я думаю, что этот карцер послужил началом его ненормального психического состояния»¹⁵. Земледелец Н.И. Сергеев, хорошо знавший Боголюбова, полагал, что он, окончил жизнь «сумасшествием вследствие нравственного потрясения от эпизода с Треповым»¹⁶.

Об условиях содержания политзаключенных в карцерах сохранился рассказ доктора тюрьмы Герценштейна. Он побывал с обследованием в такой изолированной камере. «Фельдшер с огарком стал освещать черный асфальтовый пол, усеянный человеческими экскрементами, различной давности... Весь пол был усеян этими выделениями. Одни, совершенно высохшие, едва чернели, другие, более недавнего происхождения, кишели большими белыми ползавшими и извивавшимися червями. Стены в различных местах, также были выпачканы. Судна, так называемой парашки, не было ни ведра, ни нар, как вообще, равно ничего, кроме извержений. Они составляли единственную принадлежность, подвижность или убранство — не знаю, как сказать, — этого помещения. И среди них и на них должен был лежать культурный человек, все преступление которого заключалось в том, что он желал лучшей участи своему народу... Он должен был сидеть или лежать, избитый, в указанной обстановке в атмосфере, чувствовать, как копошились над ним и на нем, на его голых руках и шее, смрадные черви! Он был близок к помешательству»¹⁷.

Боголюбов впоследствии увезли в харьковскую Ново-Белгородскую центральную каторжную тюрьму с признаками душевного расстройства. В октябре 1880 г. он был переведен в Мценскую пересыльную тюрьму, а в конце года — в Казанскую психиатрическую больницу, где и умер после 1885 года¹⁸. «Несколько лет спустя, — пишет народница С.А. Викторова-Вальтер, — я видела Боголюбова в Казанской лечебнице для душевнобольных в состоянии безнадежного помешательства. Он неустанно писал и рвал свои прошения к прокурору, где излагал жалобу на кого-то»¹⁹.

По словам тюремного врача, «собственно Трепов был не злой человек, но необузданный самодур-бурбон, гнувший спину на верхних ступенях общественной лестницы и требовавший покорности и раболепия от всех ниже стоявших, а тем паче от простых граждан. Он щеголял искусственной солдатской простотой и грубостью, был доступен и считал себя добрым и справедливым, воображал себя вездесущим российским Гарун аль-Рашидом и имитировал страшную строгость и пронизательность взора, для чего строго вперял глаза из-под больших нависших, седых бровей»²⁰.

Отдав приказ о наказании Боголюбова, Трепов спохватился, что принял неподобающее решение. Всеправный властитель ощутил предельность своего нрава. Малообразованный и юридически несведущий, как он сам о себе говорил, Трепов засомневался в своей началь-

ственной правоте, потому отложил экзекуцию на два часа. Сначала он поспешил к опытному юристу, тогда вице-директору департамента Министерства юстиции Кони. Но, не застав его, отправился к министру юстиции графу К.И. Палену, который одобрил треповское распоряжение «с восторгом, как проявление энергической власти». И телесное наказание состоялась. На другой день озадаченный градоначальник все-таки встретился с Кони, который доходчиво объяснил незаконность и несправедливость его распоряжения. Трепов в рассказе восклицал, крестясь на образ, что если бы Пален сказал ему хоть часть того, что он сейчас услышал, то он отменил бы наказание Боголюбова и иначе с него взыскал ²¹.

Старик действительно был отходчив и незлобив. Он успокаивал себя тем, что Боголюбов здоров и спокоен, его перевели от греха подальше в Литовский замок, а всплывший главноначальник уже послал ему чаю и сахару ²². Генерал-губернатору инцидент казался вполне исчерпанным.

Правда, государь император прослышал о событиях 13-го июля и поручил председателю комиссии по тюремному преобразованию К.К. Гроту, осмотреть ДПЗ. Но это было не страшно для градоначальника. Грот в сопровождении своего тогдашнего секретаря В.Н. Коковцова прибыл в тюрьму, где осмотрел и карцер. «К тому времени заботливой рукой начальства все ужасные живые следы были уже сметены и перед взором гостей оказались заново отремонтированные помещения, блестящие чистотою и всеми требуемыми тюремной инструкцией приспособлениями, до градусника на стене включительно» ²³. Никаких нареканий у комиссии не возникло.

По почину самого Трепова было назначено судебное разбирательство по поводу избияния арестованных, а также проведено особое административное следствие, которое «ничем не проявилось и не кончилось, и что с ним случилось — неизвестно, — пишет тюремный врач. — Не знаю, допрашивал ли даже следователь кого-нибудь: не слышал, а меня, по крайней мере, даже не вызывали» ²⁴. Все эти расследования не привели ни к каким явным результатам, и вся история оказалась замятой.

Градоначальник Трепов. Происхождение Федора Федоровича Трепова неопределенно и вызывало разные догадки и слухи. Также как возникновение его громадного состояния. Но государь к нему благоволил и своими милостями не обходил.

Военную службу Трепов начал в 1831 г. с участия в подавлении польского восстания. В 1844 г. — он капитан конного жандармского полка в Киеве. В 1860—1861 гг. — варшавский обер-полицмейстер. Особо отличился при подавлении второго польского восстания (1863—1864), во время которого был дважды ранен в голову. В 1863—1866 гг. царь назначил его генерал-полицмейстером всего Царства Польского. Возглавив всю полицию в крае, Трепов сумел полностью разгромить революционное подполье.

После выстрела Д.В. Каракозова в 1866 г. Александр II, учитывая опыт своего верного слуги в делах наведения порядка, назначил его обер-полицмейстером С.-Петербурга. В 1873 г. была введена должность градоначальника, на которую государь и назначил Трепова ²⁵. По своим обязанностям он оставался руководителем городской поли-

ции и вместе с тем располагал огромными возможностями решать хозяйственные вопросы в обход городского головы. В треповское правление было введено множество новшеств по благоустройству города. Одно из них — получение в свое ведение дома на Гороховой улице, где расположилось знаменитое Охранное отделение. Здание он распорядился надстроить пятым этажом для своей квартиры.

В стараниях облагодетельствовать вверенную столицу Федор Федорович не забывал блюсти и своекорыстные интересы. Он искусно вымогал взятки с крупных и средних предпринимателей, а в «благодарность» за подношения навязывал Городской думе «проекты, имевшие вид громадных монополий».

Горожане не любили Трепова за мздоимство, самоуправство и произвол. Известный публицист Г.К. Грановский писал о его методах градоуправления: «Наружные улучшения в полиции были сделаны; в городе стало чище и удобнее, “треповская весна” и треповские приказы вошли в поговорки и стали предметом моды и подражания для губернаторов и полицеймейстеров всей Руси великой. Но тысячи людей высылались административным порядком; домовладельцы, фабрики и заводы, торговцы и извозчики, дворники и ремесленники кряхтели и жаловались. Взятки усилились; вместо чернослива и головы сахара, которыми довольствовался Сквозник-Дмухановский обывателям приходилось отплачиваться всякого рода товарами; праздничными и чрезвычайными денежными подачками, даже акциями и паями. На все требовалось предварительное разрешение. Вывески нельзя было поставить или объявление напечатать без “хождения” в участке и градоначальстве; всякая новая машина требовала осмотра и подмазки; уроки можно было давать лишь с “надлежащего” разрешения. Городовые, пристава, городские врачи — все это было поставлено на лучшую ногу, опиралось на технику и науку в понимании Собакевича; мундиры были новенькие, но над “вверенным населением” гнет тяготел с большой силой, и надо было непрерывно отплачиваться, чтобы жить, дышать, работать, торговать. Только особые знакомства, связи и покровительства спасали от этого гнета и произвола, но праздничные деньги и “на чай” платили все. Из системы предварительных разрешений полицейской опеки возникали концессии и монополии. Рекомендовались образцы вывесок, квартирные книжки, флаги, домовые книги. Аптеки, заводы, трактиры могли существовать или уничтожаться по усмотрению полиции. От расположения духа градоначальства зависело устройство тех или других благотворительных предприятий и публичных чтений; рестораны торговали в часы, назначенные “недреманным оком” полиции. Обратившись по-приятельски к градоначальству, влиятельные лица могли избавиться от неприятной обязанности платить по векселям»²⁶.

У Трепова были и другие источники благоденствия. Жандармский генерал В.Д. Новицкий свидетельствовал, что в высокопоставленных кругах, где к Трепову относились весьма недоброжелательно, открыто говорили о его состоянии, доходившем до трех миллионов рублей. Сложилось такое богатство «от сумм, отпускавшихся в его распоряжение безотчетно по должностям обер-полицеймейстера Царства Польского, градоначальника г. С.-Петербурга, от полученных им гонорара, куртажа за исходатайствование дополнительной сметы

на постройку Литейного моста в С.-Петербурге и от получения значительных сумм от императрицы Марии Александровны со специальной целью охраны личности императора Александра II»²⁷. Даже на охране государя императора, что входило в его прямые обязанности, Трепов умудрялся наживать.

И в обществе видели его непомерное стяжательство и произвол. Но публичные обличения были невозможны при отсутствии гласности. Задавленная печать не могла и слова сказать в осуждение всемогущего властедержателя. Петербургский градоначальник, как и другие царские наместники, самочинно правил российскими послушливыми подданными. Безгласность и бесправие неизбежно вели к бесконтрольности и беззаконию. Это была та почва, на которой всегда и везде процветают должностные преступления и злоупотребления властью.

Не было в империи и таких следственно-судебных органов, которые взялись бы за «дело Трепова». Его впасть была громадна, и с ней вынуждены были считаться и прокурорские чины. В воспоминаниях Герценштейна есть рассказ, показывающий формы правления петербургского градоначальника: «Однажды один товарищ прокурора, посещая места заключения, наткнулся на крестьянина, посаженного по приказанию градоначальника, но без всякого письменного распоряжения. Товарищ прокурора написал градоначальнику запрос в самых почтительных выражениях. Трепов страшно обиделся, потребовал изгнания прокурора и высылки его из Петербурга. И много труда и поклонов стоило бедному блюстителю закона, чтобы выпросить прощение у страшно оскорбленного и сердитого петербургского Гарун ал-Рашида. А начальство этого прокурора, эти служители Фемиды, были не только слепы, как она сама, но еще и глухи. Для правосудия это, очевидно, еще лучше»²⁸. Самоуправство прибегало к законам только тогда, когда было выгодно начальству для пушного угнетения «вверенного населения».

В высших сферах сложилась оппозиция к Трепову, куда входили военный министр Д.А. Милютин, министр внутренних дел А.Е. Тимашев, помощник самого петербургского генерал-губернатора А.А. Козлов и директор Департамента исполнительной полиции П.П. Косоховский. С явным неодобрением отзывался о Трепове К.П. Победоносцев. Но это была скрытое противоборство придворных сановников, осуждавших неблагоприятные деяния монаршего любимца, но и борющихся за благорасположение государя.

Единственный, кто мог остановить Трепова — российский самодержец. Но Трепов пользовался полным доверием государя. «Настоящими правителями России были тогда шеф жандармов П.А. Шувалов и петербургский обер-полицмейстер Трепов, — писал князь П.А. Кропоткин. — Александр II выполнял их волю, был их орудием. Правители же они страхом. Трепов до того напугал Александра II призраками революции, которая вот-вот разразится в Петербурге, что, если всемогущий обер-полицмейстер опаздывал во дворец на несколько минут с ежедневным докладом, император справлялся: “Все ли спокойно в Петербурге?”»²⁹

Отношение общества к «боголюбивской истории». Покушение неизбежно. Бойня в предварительной тюрьме весьма скудно отразилась

на страницах печати, в газетах появились весьма туманные заметки, из которых мало что можно было понять³⁰. «Новое время» поместило довольно пространную публикацию, зачитанную на процессе Засулич, как доказательство инцидента. Правда, в ней неудобоназываемое имя Трепова не упоминалось, а говорилось о некоем «сановнике», побывавшем в ДПЗ с инспекцией. Весть о расправе тюремщиков распространялась по городу шепотом из уст в уста и с оглядкой. Радикалы «обращались даже к корреспонденту газеты «Times», чтобы он разоблачил факт, но и он этого не сделал, так как, должно быть, счел рассказ невероятным»³¹.

Однако избивание политзаключенных взволновало столичное общество³². «Сатрапа-мракобеса ненавидели в Петербурге, его незаконное издевательство над Боголюбовым возмущало не только революционеров, но и все либеральное общество, и в том числе и многих из бюрократических верхов, боровшихся с Треповым из-за влияния на царя»³³.

В интеллигентских либеральных кругах к треповскому произволу в ДПЗ отнеслись со скрытым осуждением и негодованием. В радикальной среде поднялась буря: «боголюбовская история» требовала отмщения. Возмездие должно было последовать неизбежно. «Родилось то особое настроение, разлитое одинаково в обществе и в революционных кругах, которое насыщает воздух общим ожиданием: даром это не пройдет»³⁴.

Высокопоставленный экзекутор должен был понести заслуженное кару, но ждать его от царской Фемиды не приходилось, значит, и наказание ему должно взять на себя российское общество. Р.М. Плеханова-Боград вспоминала в этой связи: «Прошло с тех пор много лет, но я живо представляю смешанное чувство обиды, стыда, гнева и сознания, что этот факт неотомщенным остаться не должен. Я смутно чувствовала, что жизнь потеряет всякую ценность. Долго я не могла успокоиться. Думаю, то же самое испытывали многие из моих сверстниц и сверстников. Не только мы, молодежь, были под гнетом этого чувства, — все русское общество сознавало, что, если оно оставит это неслыханное глумление над личностью неотомщенным, печать презрения ляжет на нем на долгие годы»³⁵.

Александр Михайлов, фактический руководитель «Земли и воли», писал в следственных показаниях: «В то время, когда разнеслась весть об истязании Боголюбова, не в одном зародилось желание мстить за оскорбленное, поруганное человеческое достоинство. Потому выстрел Засулич был вполне естественным следствием настроения партии. Не она, другой, не другой, третий, а бессмысленная жестокость правительственного агента не прошла бы ему даром»³⁶.

Осип Аптекман описывает, какое впечатление произвело треповское самоуправство в ДПЗ на тех землевольцев, которые вели в то время пропаганду среди крестьян в Саратовской губернии. «Помню я одно такое собрание приблизительно в первых числах августа... Партии был нанесен страшный удар, тяжкое оскорбление. Стон раздался в партии, словно из сердца ее вырвали кусок живого мяса. Крик: “мечь! мечь! смерть oprичнику!” разнесся в партии. Это был единодушный крик гнева и негодования, вырвавшийся одновременно из сотен истерзанных грудей!..

Наша колония была тоже глубоко потрясена. М.А. Брецинская сидела совершенно убитая, низко опустивши голову. “Мазныця”, Мощенко, был мрачен, как могила, его черные, как уголь, глаза сделались еще темнее. Всегда молчаливый и сосредоточенный, он на этот раз словно совсем онемел. Плеханов был бледнее обыкновенного, в глазах его то и дело загорались огоньки, зловещие, боевые; он тоже молчал. “Дворник” (Александр Михайлов. — Ю.П.) казался спокойнее всех, только манера, с которой он закручивал свои усы и дергал свою шелковистую бороду, выдавала его волнение, да и заикаться он стал несколько сильнее обыкновенного.

— Неужели мы будем молчать? — вырвался у меня крик отчаяния посреди этого тяжелого напряженного молчания.

— Ответ будет, Осип! Непременно будет: это уж решено! — сильно заикаясь, заговорил “Дворник”. Он решительно приподнялся с места и, бросив всем лаконическое “до свидания!”, быстро вышел из комнаты. Его, по-видимому, тяготило настроение окружающих. На другой день “Дворник” передал мне и другим членам “основного кружка”, что петербургский “центр” поручил дезорганизаторской группе выработать план убийства Трепова»³⁷.

Акция была возложена на члена-учредителя «Земли и воли» Валериана Осинского³⁸, уехавшего к этому времени в Киев и там основавшего так называемый южный Исполнительный комитет. В революционном мире В. Осинский «одним из первых высказался за расправу с градоначальником Треповым»³⁹. Терракт готовили южные «бунтари» Фроленко, Попко и Волощенко⁴⁰, приехавшие для этого в Петербург. Была нанята квартира на Гороховой улице, против Адмиралтейской части, чтобы следить с помощью зеркал за домом градоначальника⁴¹. В покушении намечалось привлечь «революционного рысака» Варвара⁴², которого до этого использовали при освобождении из заключения П.А. Кропоткина и А.К. Преснякова⁴³.

Предатель и провокатор Курицын со слов учредителя «Земли и воли» Дмитрия Лизогуба доносил жандармам, что «приготовлены были ими для этого (покушения на Трепова. — Ю.П.) две отличные верховые лошади, что убить они замыслили его прямо на улице во время какого-то обычного выезда, который совершал почти ежедневно петербургский градоначальник, и причем, что это дело ими было бы обделано отлично, без всяких жертв»⁴⁴ среди террористов.

О возмездии царскому преторианцу задумывались и другие экстремистки настроенные радикалы. Н. Бух писал в воспоминаниях: «О личном индивидуальном выступлении с самопожертвованием своей личности я не думал. Только раз, после выстрела Веры Засулич, я упрекнул себя и — русский человек задним умом крепок — создал план. Нужно было бы, говорил я себе, купить пистолет, зарядить его мелкой дробью и, придя на прием к Трепову, поднять фалдочки генеральского мундира и выстрелить. Я злорадно воображал себе этого сановника, лежащим на операционном столе, и доктора, вынимавшего дробинки из мягких частей его тела. Он выпорол Боголюбова, я выпорол бы его. И за что бы меня судили? За оскорбление действием генерала при исполнении им служебных обязанностей? Вряд ли согласился бы на это генерал Трестов и его присные. Вернее всего, что сослали бы меня административным порядком куда-либо в Верхо-

янск. Я берег этот план, поджидая подходящего случая. Но таковой не подвертывался, генералы были осторожны»⁴⁵.

Желание отомстить наиболее злостным чиновникам возникала у многих революционистов. На «Процессе 50-ти», проходившем в феврале-марте 1877 г., прославился товарищ обер-прокурора К.Н. Жуков, который в обвинительном акте фальсифицировал следственные материалы. Вера Фигнер в неопубликованных мемуарах признавалась: «У меня, как и многих, очень многих, была та же мысль, то же стремление, которые воплотила в дело Засулич... И как многие, очень многие, я не пошла далее внутренних мечтаний об этом... За то я имела глупость во все время процесса держать в муфте маленький револьвер, полагая, что необходимо убить прокурора Жукова... К моему счастью прокурор ни разу не входил в зал, где толпилась публика, входившая на хоры и сходявшая с них. Встретиться он, я, вероятно, стреляла бы, хотя совершенно не умела стрелять и никогда не училась этому»⁴⁶.

Покушение на Трепова готовили не только южные «бунтари». В другой части города независимо от них Вера Засулич, Мария Коленкина и Сергей Чубаров задумали то же самое.

Засулич с единомышленниками обитала в «женской коммуне» — в сырой неуютной комнате на Английском проспекте. Здесь возмущались противоправными действиями приспешников царской власти. Особенное негодование вызывал Трепов и товарищ обер-прокурора Сената В.А. Желеховский, обвинитель на большом «Процессе 193-х». По воспоминаниям Евтихия Карпова, «очень часто в “женской коммуне” поднимались жаркие разговоры о темной реакции, господствовавшей в то время в России, о необходимости энергичной, активной борьбы с ней, о безнаказанности царских приспешников, гнетущих все что есть живого, придушивших печать, изуродовавших судебные установления, земство, школу, свирепо расправлявшихся с крестьянами и рабочими. Маша Коленкина, с глазами, блестящими ненавистью, энергично говорила о необходимости теперь же, как можно скорей, начать террористическую деятельность, чтобы показать разнузданным властителям, что и на них есть управа. Капитан (Чубаров. — Ю.П.) горячо поддерживал Каленкину»⁴⁷. Засулич молча слушала, редко вступая в разговор, но разделяла общее мнение.

Между тем «время шло, а свирепый градоначальник по-прежнему деспотически властвовал над петербургским обывателем, наводя на него трепет одним своим видом»⁴⁸. Наконец участники «женской коммуны» пришли к конкретному плану действий. В сравнении с южными «бунтарями» «у них подготовка кончилась скорее, — пишет Фроленко. — Засулич училась стрельбе еще на Юге, когда была в кружке киевских «бунтарей». Ей пришлось только проверить себя и решиться на жертву. Узнав от меня, что наше дело еще находится в периоде выслеживания и определения способа, что время действия не установлено, Вера не стала выжидать, а сочла за лучшее выступить самой»⁴⁹.

Вера Засулич. По происхождению Вера Ивановна Засулич была польской дворянкой. Она родилась в семье польского обедневшего дворянина, который умер на третий год после рождения дочери⁵⁰. Кроме Веры было еще четыре ребенка. Брат Михаил выбился в чины.

Ко времени покушения на Трепова он был уже полковником Лейб-гвардии Финляндского полка. А в отставку вышел в 1906 г. с производством в генералы от инфантерии.

Воспитывалась Вера не в своей семье, ее взяли на воспитание более обеспеченные родственники, среди которых она ощущала себя одинокой и ненужной. «Никто никогда не ласкал меня, — вспоминала она, — не целовал, не сажал на колени, не называл ласковым именем»⁵¹. Гувернантка наказывала девочку розгами⁵², о чем та помнила всю жизнь.

С революционерами Засулич познакомилась еще в юные годы. «Я всегда считала за счастье быть с революционерами, — утверждала она, — всегда готова была на все революционно-опасное и чем опаснее, тем лучше. Поэзия революции: быть в “стане погибающих”, самопожертвование, личное равнодушие к материальным благам..., вот все это увлекало в революцию, но никак не убеждение, что из нашей деятельности может выйти “будущий строй” и вообще счастье»⁵³.

В конце 1860-х гг. Засулич сблизилась с кружком Н.А. Иштутина, из которого вышел Д.В. Каракозов, стрелявший в Александра II. Позднее она была замешена в «нечаевское дело», за что провела почти два года в Петропавловской крепости и Литовском замке (до марта 1871 года)⁵⁴. Она была административно сослана в Новгородскую губернию, затем в Тверь. В захолустных городах Засулич провела еще два года. За распространение запрещенной литературы ее вновь арестовали и выслали в Солигалич Костромской губернии.

Только в конце 1873 г. ей было разрешено поселиться в Харькове для поступления на фельдшерские курсы под надзором полиции. В том же году Засулич переехала в Киев и вступила в кружок «бунтарей», став правоверной бакунисткой⁵⁵. Она близко сошлась с Коленкиной, Я.В. Стефановичем и Л.Г. Дейчем⁵⁶, который впоследствии, в эмиграции, стал на некоторое время ее гражданским мужем.

В 1875 г. Засулич перешла на нелегальное положение и «ходила в народ», но совершенно безрезультатно. В деревне Цебулевке она вместе с М.Ф. Фроленко пыталась открыть чайную для ведения пропаганды среди крестьян⁵⁷.

Осенью 1877 г. после роспуска кружка южных «бунтарей» Засулич и Коленкина нелегально приехали в Петербург. «Ехали они, — свидетельствует Лев Дейч, — с заранее ими принятым решением отомстить следователям по большому процессу 193-х — жандармскому генералу Слезкину и прокурору Желеховскому — томившими в течение трех лет в предварительном заключении сотни молодых людей, из которых, как известно, значительное количество поумирало, покончило самоубийством и лишилось рассудка»⁵⁸. Тут их и застала «боголюбовская история».

Лев Тихомиров, хорошо знавший Засулич, писал о ней: «Она была по внешности чистокровная нигилистка, грязная, нечесаная, ходила вечно оборванкой, в истерзанных башмаках, а то и вовсе босиком. Но душа у нее была золотая, чистая и светлая, на редкость искренняя. Засулич обладала и хорошим умом, не то чтобы очень выдающимся, но здоровым, самостоятельным. Она много читала, и общение с ней было очень привлекательно»⁵⁹. Но благопристойных манер она так и не усвоила. П.И. Аксельрод дал ей такую характери-

стику: «Энергичная мужская походка, порывистые движения, полное и абсолютное равнодушие к своей внешности являлись очевидной противоположностью ее среде и служили лишним доказательством свободы и независимости»⁶⁰.

Ее отличали непритязательность, скромность и замкнутость. По словам Фроленко, «Вера Ивановна, несмотря на довольно значительную начитанность и на то, что она имела свои вполне самостоятельные обо всем мнения и убеждения, редко, однако, выступала на собраниях и никогда не старалась выдвигаться вперед, напоказ другим. Когда поднимался какой-нибудь вопрос, она, высказав свое мнение, обычно, не вступая в полемику, умолкала. Это был человек, живший больше своей внутренней жизнью и не особенно охотно пускавший чужого заглядывать в ее “святая святых”»⁶¹.

И «еще одной чертой Вера Ивановна отличалась от других людей, — отмечал Дейч, — в каком бы безысходном материальном положении ни находилась она, — а ей случалось, и нередко, сидеть буквально без пищи, — она никогда никому, даже самым близким людям, не сообщала об этом, постоянно отклоняла их предложения и всегда довольствовалась очень малым»⁶².

Выстрел грянул. Покушение на Трепова было классическим примером индивидуального терроризма. Вера Засулич и ее единственная любимая подруга Маша Коленкина решили отомстить Трепову во что бы то ни стало. Они бросили жребий, кому стрелять в градоначальника. Судьба указала на Засулич⁶³. Тогда Коленкина взяла на себя покушение на прокурора Желеховского.

Договорились действовать 24 января 1878 года. Дату выбрали неслучайно. Покушения откладывались до окончания днем раньше «Процесса 193-х». Террористки справедливо полагали, что их акции скажутся на тяжести приговора подсудимым⁶⁴.

В назначенное утро Коленкина с револьвером в кармане юбки отправилась на прием к прокурору Желеховскому, но то ли его не было на месте, то ли он почему-то не принял ее, но теракт не состоялся⁶⁵. Николай Бух со слов Коленкиной рассказывал, как она позвонила в квартиру прокурора, дверь открыл лакей и пошел с докладом. В квартире поднялся переполох. Лакей возвратился и объявил, что хозяина нет дома. В передней появилась прокурорская жена и дети, с большой тревогой смотревшие на эту подозрительную просительницу. «Эти взгляды, возможно, спасли жизнь их мужу и отцу. Коленкина повернулась и ушла»⁶⁶.

Засулич направилась на Гороховую улицу в дом № 2, куда недавно переехало Охранное отделение. Она явилась на прием к петербургскому градоначальнику для подачи на имя Козловой прошения о выдаче свидетельства для поступления в домашние учительницы.

Стреляла просительница из шестиствольного крупнокалиберного револьвера, называемого «бульдог». Приобрести его было несложно, в оружейных магазинах такие продавали свободно. И на прием к главному управителю столицы можно было попасть даже без предварительной записи.

Револьвер первый раз дал осечку, со второй попытки сановник был ранен «с левой стороны в полость таза»⁶⁷. Как сообщалось в агентурном донесении, он «с криком почти опрокинулся на пол»⁶⁸.

Оружие покушавшаяся тотчас бросила, чтобы оно еще раз случайно не выстрелило. И отошла в сторону. Террористка «не обнаружила никакого желания скрыться. Вообще она отличалась изумительным хладнокровием»⁶⁹ — отмечалось в репортаже одной из столичных газет.

Женщину стали жестоко бить свитские офицеры его превосходительства, которые на судебном следствии всячески уклонялись от вопросов об этом инциденте. «Но что было совершенно неожиданно, — вспоминала Засулич на склоне лет, — так это то, что я не чувствовала ни малейшей боли; чувствовала удары, а боли не было. Я почувствовала боль только ночью, когда меня заперли, наконец, в камере»⁷⁰.

Следствие началось немедленно в приемной градоначальника. Засулич связали и усадили за длинный стол перед полицейскими дознавателями. Кони, вскоре приехавший на Гороховскую, оставил воспоминания о событиях того дня. Допрос вел знаменитый начальник сыскной полиции И.Д. Путилин. Напротив него «сидела девушка среднего роста, с продолговатым бледным, нездоровым лицом и гладко зачесанными волосами. Она нервно пожимала плечами, на которых неловко сидел длинный серый бурнус, с фестонами внизу по борту, и, смотря прямо перед собою, даже когда к ней обращались с вопросами, поднимала свои светло-серые глаза вверх, точно во что-то всматриваясь на потолке. Этот взор, возведенный “горе” из-под нахмуренных бровей, сжатые тонкие губы над острым, выдающимся подбородком и вся повадка девушки носили на себе отпечаток решимости и, быть может, некоторой восторженной *рисовки*». Назвавшись Козловой, «она заявила, что решила отомстить за незнакомого ей Боголюбова, о поругании которого узнала из газет и рассказов знакомых, и отказывалась от дальнейших объяснений»⁷¹. В докладе того же дня на высочайшее имя говорилось: «Лично генерал-адъютанта Трепова она не знала, и ей было бы безразлично убить его или ранить»⁷².

Врачи в спешке попытались извлечь из бедра Трепова пулю, но неудачно, потом операцию повторили, пулю так и не достали. Военный министр Милютин, который немедленно приехал навестить пострадавшего, «нашел его лежащим на кушетке среди нескольких хирургов, ощупывавших рану и пропускавших дренаж; все двери были настежь; множество народа в комнатах: ходили, разговаривали, не похоже было вовсе, что мы у постели больного, только что раненого»⁷³.

В приемной теснились сановники, чиновники, военные и полицейские. Все они с любопытством смотрели на «покусительницу». Среди них были министр Пален и прокурор С.-Петербургской судебной палаты А.А. Лопухин. Здесь же на месте они решили, что дело уголовное. «”Разве оно уже настолько выяснилось?” — спросил Кони. Лопухин без обиняков заявил: “О, да! Вполне. Это дело личной мести, и присяжные ее обвинят, как пить дадут”»⁷⁴

Покидая генерал-губернаторские апартаменты, Кони заметил необычайную суматоху и волнение. «В передней по лестнице, — пишет мемуарист, — шел государь навестить Трепова, останавливаясь почти на каждой ступеньке и тяжело дыша, с выражением затаенного страдания на добром лице, которому он старался придать грозный вид, несколько выпучивая глаза, лишенные всякого выражения»⁷⁵.

Как передавали разговор царя с раненым клеветником, Трепов просил «не оставить его сирот». Но когда обнаружилось, что тот завещал «сиротам» по несколько миллионов, то Александр II охладил к градоначальнику ⁷⁶. Говорили, государю не понравились слова Трепова: «Эта пуля, быть может, назначалась вам, ваше величество, и я счастлив, что принял ее за вас» ⁷⁷. Бестактное сопоставление оказалось ошибочным: ни одна пуля покушавшихся на государя императора ни разу даже не задела «священную особу». Самодержец погибнет от бомбы.

При визите к пострадавшему полицаянцу Александр II взглянул и на виновницу прискорбного события, она «должно быть, произвела на него впечатление своим необычайно симпатичным лицом и скромностью» ⁷⁸, — писал Петр Кропоткин по слухам, доходящим за границу. Вряд ли такое высочайшее впечатление достоверно. А вот П.А. Валуев, министр имущества, видевший в тот же день «арестованную убийцу», записал в дневнике: «Отталкивающее выражение лица и внешние приметы, так называемых, “нигилисток”. *Signum temporis* (знание времени (лат.)) — Ю.П.» ⁷⁹

Отзвуки выстрела. Первым слухам и толкам о покушении на самоуправного генерал-начальника не придали никакого внимания. Петербургская публика долго не верила в политическое значение покушения, «все больше предполагали какой-нибудь роман» ⁸⁰. По городу ходили толки, будто стрелявшая — «романтическая преступница», которая стреляла из-за любви к Боголюбову, что она необыкновенно красива, и передавались фантастические подробности, делавшие выстрел особенно эффектным ⁸¹.

Первыми обо всем узнали извозчики, которые с одобрением поясняли: «Барыня какая-то ранила Трепова... Так ему и надо... Причесняет очень» ⁸². Столичные возницы терпеть не могли градоначальника. «Вообще говоря, — свидетельствует Герценштейн, — в городе рады были этому наказанию самодура, грубо и безнаказанно давившего всех» ⁸³. Подобное отношение Кони объяснял так: «Большинство, не любившее Трепова и обвинявшее его в подкупности, в насилиях над городским самоуправлением посредством высочайших повелений, возлагавших на город неожиданные тяготы, радовалось постигнутому его несчастью. “Поделом досталось!” — говорили одни., “старому вору”, — прибавляли другие. Даже между чинами полиции, якобы преданными Трепову, было затаенное злорадство против “Федьки”, как они звали его между собою. Вообще, сочувствия к потерпевшему не было, и даже его седины не вызывали особого сожаления к страданиям. Главный недостаток его энергической деятельности в качестве градоначальника — отсутствие нравственной подкладки в действиях — выступал пред общими взорами с яркостью, затемнявшею несомненные достоинства этой деятельности, и имя Трепова не вызывало в эти дни ничего, кроме жестокого безучастия и совершенно бессердечного любопытства» ⁸⁴. Слова Кони подтверждаются воспоминаниями Н.С. Русанова: «Выстрел в Трепова нашел сочувствие в широких и самых неожиданных кругах. Временщика столь же повсюду ненавидели, сколько и боялись. Факт знаменательный: даже приставы, околоточные, городовые, дворники, которым всем насолил петербургский Гарун-аль-Рашид, про-

меж себя не стеснять говорили, что и на таких самодуров находится узда»⁸⁵.

Совершить покушение на самовластного начальника, по мнению петербуржцев, могли многие желающие. Засулич впоследствии рассказывала характерный эпизод, произошедший в приемной Трепова при первом дознании. Туда незамедлительно явилась дородная начальница высших женских медицинских курсов генеральша Ермолова⁸⁶. Расталкивая господ офицеров и сановников, она пробилась к преступнице, взглянула на нее и с радостью воскликнула: «Слава Богу, не наша!»⁸⁷

Когда «в столице разнеслась весть, что социалистка Вера Засулич стреляла во всемогущего петербургского сатрапа, градоначальника Трепова, и тяжело ранила его, — писал в мемуарах Русанов. — Ликование было всеобщее. Надо было жить в эти минуты в Петербурге, чтобы видеть, как был популярен этот выстрел. О революционной молодежи много говорить само собою не приходится»⁸⁸.

По свидетельству Кони, в высших сферах, где «всегда несколько гнушались Треповым», находили, что Засулич — «несомненная любовница Боголюбова и все-таки “мерзавка”, но относились к ней с некоторым любопытством». На балу у графа Палена его супруга показывала гостям фотографические карточки преступницы, которые «ходили по рукам и производили известный эффект»⁸⁹.

В интеллигентской среде поднялся небывалый ажиотаж, общее мнение было на стороне девушки, отстаивавшей личностное достоинство человека, с которым она даже не была знакома. «Либеральные господа и особенно либеральные дамы из общества были в полном восторге от выстрела. В этих кругах любили даже по этому поводу пококетничать знанием Великой французской революции и провести некоторые параллели между Шарлоттой Корде и нашей Верой Засулич»⁹⁰. Хотя разница между этими женщинами была прямо противоположная. Монархистка Ш. Корде убила революционера Ж.П. Марата, а Засулич покушалась на представителя монархии.

В среднем сословии «были многие, которые усматривали в ее выстреле протест за поруганное человеческое достоинство — грозный призрак пробуждения общественного гнева; была группа серьезных людей, которых пугала доктрина кровавого самосуда, просвечивавшаяся в действиях Засулич. Они в тревожном раздумье качали головами и, не отказывая в симпатии характеру Засулич, осуждали ее поступок как опасный прецедент»⁹¹.

Мнения по поводу покушения Засулич в обществе разделились. «Одни рукоплескали, другие сочувствовали, но никто не видел в Засулич «мерзавку», и, рассуждая разное о ее преступлении, никто не швырял грязью в преступницу и не обдавал ее злобной пеной всевозможных измышлений»⁹². Следовательно после окончания дознания, по воспоминаниям самой Засулич, протянул ей руку со словами: «От души желаю вам быть оправданной»⁹³.

Благонамеренные газеты верноподданнически-патриотического направления («Санкт-Петербургские ведомости», «Гражданин», «Петербургский листок», «Петербургская газета», «Русский инвалид») выражали свои глубокие сожаления и негодования по поводу несчастья «с дорогим градоначальником», выказывали возмущение «гну-

ным поступком молодой убийцы» и осуждали «беззаконное самоуправство нигилистов». В столичной либеральной прессе («Голос», «Русский мир», «Северный вестник», «Русское обозрение», «Биржевые ведомости») проскальзывали некие двойственные суждения: огнестрельную акцию ни одна газета, конечно, не одобрила, но с другой стороны, и сочувствия в адрес потерпевшего градоначальника не выражали.

Суд грядет. Дело Засулич как уголовницы передали в новоучрежденный суд присяжных заседателей. Тогда как дела политического характера разбирались Особым присутствием Правительствующего сената. Такое решение было вызвано многими обстоятельствами. Инициатива передать Засулич в присяжный суд принадлежала министру Палену и прокурору судебной палаты Лопухину. Два высших судебных чиновника, едва ознакомившись на месте происшествия с первыми показаниями арестованной, опрометчиво решили, что преступление без сомнений уголовное. Это была серьезнейшая ошибка: если бы они определили дело как политическое и направили его в Особое присутствие, в руки верных и благонадежных судей, то ни о каком оправдании террористки не могло быть и речи.

С другой стороны, суд присяжных постарались использовать в своих личностных интересах влиятельные недоброжелатели петербургского градоначальника. Как отмечал Кропоткин, «Трепов имел столько врагов в Петербурге, что им удалось передать дело обыкновенному суду присяжных»⁹⁴. Между Треповым, исполнявшим обязанности начальника столичной полиции, и Мезенцовым, возглавившим к тому времени III Отделение, постоянно возникали трения, столкновения и пререкания. Петербургский градоначальник явно перешел дорогу жандармскому ведомству. «Образовалось своего рода, *jalousie de métier* (ревность соперника по профессии (фр.). — Ю.П.). Вот почему дело Засулич попало в суд присяжных, а не в какое-нибудь “особое присутствие”»⁹⁵, — уверял Градовский. К тому же суд присяжных как бы подтверждал обывательские толки, что предстоящий процесс обычного уголовного свойства, и беспокоиться по поводу политического состояния империи нет никаких оснований.

Кроме этого у государственных мужей был и еще один важный расчет — привлечь на свою сторону широкую общественность при гласном обличении преступницы, а вместе с ней и всех законопреступников, посягнувших на правовые основы монархической государственности. Терроризм нигилистов легче было осудить в глазах широкой публики, чем их деревенскую пропаганду, за которую так неудачно судили на «Процессе 193-х».

Царским законникам «важно было выставить уголовщину именно как клеймо, отличающее и, конечно, порочащее крамолу. Ради этого они и передали дело Засулич (как в свое время дело Нечаева) в суд присяжных»⁹⁶, — отмечал историк Н.А. Троицкий. Ибо уголовные преступления «возбуждают такое отвращение» в обществе, какого преступления государственные «по особому свойству своему» возбудить не могут⁹⁷.

Пален заверял Александра II, что присяжные вынесут обвинительный приговор и тем дадут отрезвляющий урок безумной кучке революционеров, покажут приверженность представителей русского народа царю и его верным слугам⁹⁸. Революционер-семидесятник

и историк Э.А. Серебряков верно подметил: «Правительство, обманутое холопскими статьями легальных газет, выразившими благородное негодование, решило предать Веру Засулич суду присяжных, дабы “суд общественной совести”, осудив Засулич, вместе с тем косвенно осудил бы революционеров вообще»⁹⁹. По предположениям жандармской «Хроники», «процесс этот был как бы попыткой, пробным камнем для того, чтобы увериться, не достаточно ли обыкновенных юридических форм для суда над политическими преступниками; старались убедить себя в глубоком доверии прямоте присяжных, к серьезности адвокатуры, благоразумию общества и осторожности юристов»¹⁰⁰.

Судебный казус Засулич был ясен до предела: совершено чудовищное и небывалое в отечестве преступление. Злоумышленница стреляла в должностное высокопоставленное лицо при исполнении служебных обязанностей. Виновность и осуждение Засулич представлялись бесспорными. Ее деяние квалифицировалось «Уложением о наказаниях» статьей 1454, по которой предусматривалось от 15 до 20 лет каторжных работ.

У министра юстиции и судебных верхов поначалу была полная уверенность в обвинительном вердикте присяжных заседателей при горячем одобрении публики. Однако серьезный ученый-правовед, через два года ставший обер-прокурором Синода, наставник цесаревичей Победоносцев писал наследнику престола, будущему Александру III: «Идти на суд присяжных с таким делом, в такую минуту, посреди такого общества, как петербургское, — это не шуточное дело. Но граф Пален пошел на это дело с легким сердцем»¹⁰¹. Называя Министерство юстиции «жалким министерством», Победоносцев утверждал, что «эти люди» признали покушение Засулич «не политическим» из «малодушной боязни оскорбить будто бы общественное мнение, из желанья пощеголять перед интеллигенцией, — пожалуй, перед Европой, — уважением к суду присяжных»¹⁰². Кони впоследствии писал, что такое решение возникло «в тупой голове Палена и в легкомысленном мозгу» Лопухина¹⁰³.

Правда, Пален еще до начала процесса засомневался в присяжном суде. Поскольку он нес личную ответственность перед царем за исход дела, то оно стало для него «проклятым делом», которое он рад был «спустить скорей», чтобы поставить крест «на всю эту проклятую историю». И «пусть только пройдет дело, а там мы еще поговорим»¹⁰⁴. Вместе с тем он и Лопухин продолжали настаивать на уголовной подоплеке казуса Засулич, которому не следует «придавать слишком важное значение». До последнего дня Пален старался уверить себя и других, что дело «пустое и ясное»¹⁰⁵.

(Продолжение следует)

Примечания

1. БИБЕРГАЛЬ А.Н. Воспоминания о демонстрации на Казанской площади. — Каторга и ссылка. 1926, № 7—8, с. 27—28.
2. СЕРГЕЕВ Н.И. Из жизни людей семидесятых годов. В кн.: Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли». Споры о тактике. Сборник документов. М.—СПб. 2012,

- с. 62; ПЛЕХАНОВ Г.В. Русский рабочий в революционном движении. В кн.: ПЛЕХАНОВ Г.В. Соч. Т. III. М.-Л. 1927, с. 153.
3. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. В кн.: КОНИ А.Ф. Избранные произведения. Т. 2. М. 1959, с. 28.
 4. Там же, с. 31.
 5. ГЕРНЕТ М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. 1870—1900. М. 1952, с. 92.
 6. БИБЕРГАЛЬ А.Н. Ук. соч., с. 28.
 7. Хроника социалистического движения в России. 1878—1887 гг. Официальный отчет. М. 1906, с. 13.
 8. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Тридцать лет тому назад (Из воспоминаний доктора). — Былое. 1907, № 6, с. 244.
 9. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Процесс первой русской террористки. — Голос минувшего. 1918, № 7—9, с. 149.
 10. СИНЕГУБ С.С. Записки чайковца. М.-Л. 1929, с. 189.
 11. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 245.
 12. Документ по треповскому избиению политических арестантов. Carouge-Geneve. 1900, с. 7.
 13. КАРПОВ Е. В.И. Засулич накануне покушения. Странички из воспоминаний. Июнь 1919 г. В кн.: Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли», с. 206.
 14. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 245.
 15. БИБЕРГАЛЬ А.Н. Ук. соч., с. 28.
 16. СЕРГЕЕВ Н.И. Ук. соч., с. 69.
 17. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 246—247.
 18. ЛИВШИЦ С. Революционеры в Казанской психиатрической больнице. — Пролетарская революция. 1923, № 10.
 19. ВИКТОРОВА-ВАЛЬТЕР С.А. Московская радикальная молодежь 70—80 гг. (Из воспоминаний). 1906—1909 гг. В кн.: Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли», с. 153.
 20. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 250.
 21. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 38.
 22. Там же.
 23. ГЛИНСКИЙ Б.Б. Революционный период русской истории (1861—1881 гг.). Исторические очерки. Ч. II. СПб. 1913, с. 212.
 24. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 250.
 25. Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта Трепова по управлению С.-Петербургским градоначальством и столичною полициею с 1866 по 1876 г. СПб. 1876.
 26. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Роковое пятилетие. 1878—1882 гг. (Из литературных воспоминаний). В кн.: ГРАДОВСКИЙ Г.К. Итоги. (1862—1907). Историко-политические очерки и статьи. К истории печати. Воспоминания (бытовые, литературные, военные). Избранные фельетоны. Киев. 1908, с. 12—13.
 27. НОВИЦКИЙ В.Д. Из воспоминаний жандарма. За кулисами политики. М. 2001, с. 357—358.
 28. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 250.
 29. КРОПОТКИН П.А. Записки революционера. М. 1990, с. 220.
 30. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 150.
 31. КРОПОТКИН П.А. Ук. соч., с. 393.
 32. ПОПОВ М.Р. Записки землевольца. М. 1933, с. 91.
 33. БУХ Н.К. Воспоминания. М. 1928, с. 162.
 34. КОРОЛЕНКО В.Г. История моего современника. В кн.: КОРОЛЕНКО В.Г. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. М. 1954, с. 205.
 35. ПЛЕХАНОВА Р.М. Страница из воспоминаний о В.И. Засулич. В кн.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. М.-Л. 1925, с. 83.
 36. Показания А.Д. Михайлова на следствии. В кн.: ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А.П., ФИГНЕР В.Н. А.Д. Михайлов. М.-Л. 1925, с. 120—121.
 37. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пг. 1924, с. 167—268.
 38. Там же, с. 235.
 39. ДЕЙЧ Л.Г. Валериан Осинский (к 50-летию его казни). — Каторга и ссылка. 1929, № 5, с. 20.

40. ПОПОВ М.Р. Ук. соч., с. 91; ДЕЙЧ Л.Г. Ук. соч., с. 22—24.
41. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ Р.А. Григорий Анфимович Попко. — Былое. 1907, № 5, с. 188.
42. ФРОЛЕНКО М.Ф. Возникновение «Народной воли». В кн.: ФРОЛЕНКО М.Ф. Собр. соч. Т. 2. М. 1932, с. 40.
43. ДАНИЛЕВСКИЙ Г. Знаменитый рысак. — Собеседник. Воронеж. 1971; КАМЕНСКИЙ Ф. Повесть о легендарном Варваре. — Неделя. 1976, № 36.
44. Из показаний Ф. Курицына о революционном народническом движении на юге России во второй половине 70-х годов. В кн.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. 1876—1882 гг. М.—Л. 1965, с. 113—114.
45. БУХ Н.К. Первая типография «Народной воли». — Каторга и ссылка. 1929, № 8—9, с. 62.
46. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 1185 (фонд В.Н. Фигнер), оп. 1, д. 147, л. 158—159.
47. КАРПОВ Е. Ук. соч., с. 206.
48. Там же.
49. ФРОЛЕНКО М.Ф. Ук. соч., с. 40—41.
50. Историю своего детства Засулич положила в основу двух автобиографических до сих пор неопубликованных очерков «Маша» и «Евреечка» (Архив Дома Плеханова, филиал Российской Национальной Библиотеки (АДП), ф. 1098 (фонд В.И. Засулич), ед. хр. 93—95). См.: КУРБАТОВА И.Н. Две повести В.И. Засулич. В кн.: Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л. 1979.
51. ЗАСУЛИЧ В.И. Воспоминания. М. 1931, с. 11.
52. Там же, с. 10.
53. ЕЕ ЖЕ. Откровенные речи. [1885 г.]. Архив В.И. Засулич в Доме Плеханова. В кн.: Книги. Архивы. Автографы: Обзоры, сообщения, публикации. М. 1973, с. 152.
54. Процесс Веры Засулич. Суд и после суда. СПб. 1906, с. 51.
55. ДЕЙЧ Л.Г. Вера Ивановна Засулич. В кн.: ЗАСУЛИЧ В.И. Революционеры из буржуазной среды. Пг. 1921, с. 7.
56. ТИХОМИРОВ Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М. 2000, с. 287.
57. ФРОЛЕНКО М.Ф. Памяти отошедших. В кн.: ФРОЛЕНКО М.Ф. Собр. соч. Т. 2. М. 1932, с. 124—128.
58. ДЕЙЧ Л.Г. «Черный передел». В кн.: Историко-революционный сборник. Т. 2. Л. 1924, с. 276.
59. ТИХОМИРОВ Л.А. Ук. соч., с. 343.
60. АКсельрод П.Б. Этюды и воспоминания. М. 1925, с. 36.
61. ФРОЛЕНКО М.Ф. Ук. соч., с. 131.
62. ДЕЙЧ Л.Г. Вера Ивановна Засулич, с. 13.
63. БУХ Н.К. Воспоминания, с. 152.
64. ДЕЙЧ Л.Г. Валериан Осинский, с. 24.
65. ЕГО ЖЕ. «Черный передел», с. 276.
66. БУХ Н.К. Воспоминания, с. 153.
67. Процесс Веры Засулич. Суд и после суда, с. 13.
68. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 109 (фонд III Отделения), Секр. архив, оп. 1, д. 717, л. 3.
69. Северный Вестник. 27.01.1878.
70. ЗАСУЛИЧ В.И. Воспоминания, с. 67.
71. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 51.
72. К делу Веры Засулич. Всеподданнейший доклад шефа жандармов о В.И. Засулич 24 января 1878 г. В кн.: Группа «Освобождение труда». М.—Л. 1924, с. 329.
73. МИЛЮТИН Д.А. Дневник. 1876—1878. 2009, с. 376.
74. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 51.
75. Там же.
76. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., с. 207.
77. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 52.
78. КРОПОТКИН П.А. Ук. соч., с. 393.
79. ВАЛУЕВ П.А. Дневник. 1877—1884. Пг. 1919, с. 25.

80. ТИХОМИРОВ Л.А. Воспоминания. М.-Л. 1927, с. 96.
81. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., с. 107.
82. Там же.
83. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 250.
84. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 53
85. РУСАНОВ Н.С. На родине. 1859—1882. М. 1931, с. 153.
86. ПЛЕХАНОВА Р.М. Ук. соч., с. 82.
87. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Мои встречи с В.И. Засулич. В кн.: Группа «Освобождение труда». М.-Л. 1925, с. 73.
88. РУСАНОВ Н.С. Ук. соч., с. 153.
89. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 54.
90. РУСАНОВ Н.С. Ук. соч., с. 154.
91. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 54—55.
92. Там же, с. 55.
93. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Ук. соч., с. 74.
94. КРОПОТКИН П.А. Ук. соч., с. 393.
95. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Ук. соч., с. 15.
96. ТРОИЦКИЙ Н.А. Царские суды против революционной России. Саратов. 1976, с. 214—215.
97. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. СПб. 1867, с. 391.
98. БУХ Н.К. Ук. соч., с. 162.
99. СЕРЕБРЯКОВ Е.А. Очерк по истории «Земли и Воли». СПб. 1906, с. 34.
100. Хроника социалистического движения в России. 1878—1887 гг., с. 14.
101. Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. I. М. 1926, с. 119.
102. Там же.
103. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 52.
104. Там же, с. 71—72.
105. [ПЕРЕТЦ Е.А.] Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря (1880—1883 гг.). М.-Л. 1927, с. 49.

Жизнь северокавказских горцев в мемуарах декабристов

Д.С. Дударев, С.Л. Дударев

Тема повседневной жизни горцев на Северном Кавказе в первой половине XIX в. поднималась различными исследователями, опиравшимися на историко-этнографические очерки, мемуары современников и прочие источники¹. Прибывая на место службы в Кавказский регион из умеренно-континентального климата Центральной России и резко-континентального Сибири, декабристы отмечали его явный контраст с их прежними местами проживания. Эта особенность была в аллегорической форме замечена Н.И. Лорером, который отправился из Кургана с друзьями по несчастью «вшестером в новый неизвестный край, из 40 градусов мороза в 40 градусов жары»².

Горные скалы, бурное течение рек вместе с романтическими картинами девственной природы стали для них фоном, идентифицирующим этот регион. Однако, явившись на Кавказ участвовать в военных действиях, декабристы не в последнюю очередь интересовались военными приемами и традициями горцев. Кадровые офицеры, декабристы по-новому смотрели на функции оружия в горах, так как от его наличия или отсутствия теперь зависела их жизнь. А.А. Бестужев-Марлинский, писатель-декабрист, попавший на Кавказ в 1829 г., так описывает необходимость иметь оружие в горах: «Кто бывал часто в горах, кто преломил не только хлеб, но и копье с горцами, тот, конечно, не станет спорить со мной, что осторожность на каждом шагу, отвага при каждой опасности и хорошее оружие всегда наготове — самые надежные телохранители и лучшие проводники для странника по Азии»³. В краю, где сила, отвага, мужество ценились очень высоко, необходимо было иметь хорошее оружие и умело с ним обращаться. Это служило надежным средством к удержанию встречного от агрессивных действий, по поводу чего А. Марлинский писал: «Оружие необходимо в горах гораздо более, как предупредительное сред-

Дударев Дмитрий Сергеевич — аспирант; *Дударев Сергей Леонидович* — доктор исторических наук, профессор. Армавирская государственная педагогическая академия.

ство против искушения встречных, нежели как средство обороны от разбоя»⁴.

Он, зарекомендовав себя храбрым воином, снискал большое уважение со стороны горцев. При отъезде декабриста из Дербента «почти все городское население, — рассказывал очевидец, — провожало его и верхом и пешком, верст за двадцать от города, до самой реки Самура, стреляя по пути из ружей, пуская ракеты, зажигая факелы... Вся толпа старалась всячески выразить свое расположение к любимому своему Искандер-беку!»⁵

По мере адаптации декабристов в регионе, несения службы в его различных частях у них постепенно складывалось свое представление о повседневной жизни местного населения. Декабрист С.И. Кривцов, например, во время ссылки изучал грузинский язык, в чем добился немалых успехов, переводя грузинские стихи. Постепенно ссыльные проявляли все больший и разносторонний интерес к различным сторонам местной повседневной жизни.

Так, в убранстве домов народов Кавказа декабристами наблюдалось проникновение как русской, так и европейской культуры в традиционную, что было особенно заметно в российских городах Северного Кавказа.

В мемуарах практически всех декабристов встречаются размышления об уровне земледелия горских племен. Сравнивая его с земледелием в своих поместьях и собственными агрономическими познаниями, они находили его отсталым, а труд горцев недостаточным для интенсивного развития хозяйства. С одной стороны, декабристами справедливо было замечено отставание в техническом оснащении горцев, к тому же не всегда их орудия труда были в надлежащем виде: «Наскоро осмотрел я еще на дворе соху, бороны, арбу — все было в плохом состоянии»⁶. К тому же следует учесть менталитет горцев, который явно не способствовал развитию земледелия. «В краю, где война есть не что иное, как разбой, а торговля — воровство, разбойник в общем мнении гораздо почтеннее купца...»⁷ — это достаточно точное наблюдение Александра Марлинского можно спроецировать и на горца-земледельца. Однако современные кавказоведы Б.Х. Ортабаев и Ф.В. Тотоев, ссылаясь на прогрессивного осетинского публициста Г. Шанаева, указывали, например: «Не воин, а труженик — таков чеченец накануне Кавказской войны». С этим нельзя не согласиться в целом, подразумевая массы простых горских крестьян-общинников.

Автохтоны Северного Кавказа не были чужды регулярного производительного земледельческого труда. Однако ратные доблести доминировали в их сознании. Этому способствовала общественно-политическая обстановка, существовавшая из века в век. Российский офицер А.Л. Зиссерман писал: «Горский аул не принимал в расчет близость воды, ее количество и качество, количество и качество распашной земли, удобство сообщения с ближайшими населенными пунктами; все это для горцев было второстепенными вещами, лишь бы в зимнее время при отсутствии топлива пользоваться лучами солнца, обратившись тылом к суровому зимнему ветру, да иметь возможность каждому жителю порознь и всему аулу вместе отражать нападения, вызываемые или кровомщением, или враждой за спорную землю, или стремлением

сильного соседа поработить слабейшего, что в течение тысячелетий составляло исключительный характер существования этих мелких общин, более или менее отличавшихся друг от друга и языком, и верованиями, и обычаями, и наружностью, и образом жизни»⁸.

Некоторые декабристы также отмечали, что горцы использовали природные ресурсы не в полной мере. А.Е. Розен говорил: «Этот край действительно чудный по природе своей и только недостает в нем жителей, которые умели бы наслаждаться и пользоваться краем». А.А. Бестужев пошел еще дальше в своих рассуждениях о переустройстве края. В своем рассказе «Горная дорога из Дагестана в Ширван через Кунакенты» он предлагал построить в горах гостиничный комплекс для получения прибыли⁹. Из этого можно сделать вывод, что не столько горцы не умели пользоваться краем, сколько методы развития края не отвечали предпринимательским подходам бывших помещиков.

Впрочем, не все «первенцы свободы» разделяли это мнение. Александр Беляев, напротив, считал, что «все же в этих освещенных прилепленных к скале жилищах действительно живут люди и наслаждаются жизнью, какая выпала на их долю, и наслаждаются не менее нашего». В то же самое время декабристы признавали слабый уровень развития земледелия (да и не только этой отрасли хозяйства) у горцев — временным и считали его развитие делом недалекого будущего. Свидетельством тому служит наблюдение Розена, неплохо разбиравшегося в земледелии, которое он сделал после непродолжительного знакомства с хозяйством мирного черкеса: «когда черкес привыкнет, то и он может сделаться хорошим земледельцем». Возникает вопрос — к чему же должен привыкнуть черкес? Возможно Розен имел в виду положительный потенциал развивающихся русско-кавказских взаимоотношений и России, выступавшей в качестве наиболее развитой стороны, поддерживавшей развитие Кавказа и во многом определявшей его направление. Недаром, будучи реабилитированным, покидая последнее место своей ссылки — Кавказ — Андрей Розен обращал особое внимание на важность развития экономических отношений, ставя в пример действия англичан по отношению к индийцам.

Впрочем, говоря об уровне развития земледелия у «черкесов» (употребляя это наименование, декабристы часто не дифференцировали горские народы), они мало различали (или не различали вовсе) уровень развития земледелия у тех или иных горских этносов (определенным исключением являются записки А. Якубовича). А он, с учетом природно-географических условий, был у них неодинаковым. Например, у кабардинцев, как явствует из современной кавказоведческой литературы, производство сельскохозяйственных продуктов стояло на низком уровне¹⁰. Практически то же самое можно сказать, руководствуясь наблюдениями Якубовича, который писал о карачаевцах: «Скотоводством предпочтительнее занимаются», а об абадзехах указал: «Скотоводство у них ничтожно; небольшой огород с кукурузой, нива в несколько десятков сажень, засеянная просом, сушеные и квашеные плоды питают целое семейство»¹¹. Напротив, в 1834 г. Норденштам отмечал развитие хлебопашества в Юго-Восточной Чечне — Ичкерии¹². Еще одно свидетельство оставил начальник левого

фланга Кавказской линии генерал-майор Пулло, который в 1839 г. писал: «Повсюду расчищались леса, и на огромных протяжениях были лишь засеянные поля, орошаемые искусными каналами». Чеченский хлеб шел не только на внутреннее потребление, но и вывозился на продажу в Нагорный Дагестан, Кизляр и другие регионы ¹³. В годы «Кавказской войны» Ичкерия, как известно, была житницей имамата Шамиля.

Другой темой, по которой у декабристов встречается много наблюдений, было положение женщин на Кавказе и тех обычаев и обрядов, которые с ними связаны. При встрече с представительницами прекрасного пола декабристы обращали пристальное внимание на их внешность. Эта заинтересованность была мотивирована не только естественным интересом к противоположному полу, но и простым любопытством. Офицеры и солдаты Кавказской армии и, разумеется, сосланные в «теплую Сибирь» «государственные преступники», люди в массе своей неженатые, испытывали явный дефицит в женской аудитории в силу ее немногочисленности в городах и крепостях края ¹⁴. Вполне понятен интерес военнотружущих и, в их числе декабристов, к женщинам из числа местных народов. В их произведениях представительниц автохтонного населения можно условно разделить на две группы. Первая характеризуется словами Розена: «с головы до ног все покрыто чадрую, и предоставляют воображению рисовать их прелести» ¹⁵. «Проходя дома, наверху слышится говор тоненьких женских голосов, воображение рисует, конечно, красоту обладательниц этих нежных гармонических звуков, но, к сожалению, сокрытых завистливым сумраком ночи» ¹⁶. Александр Бестужев, писавший для широкого круга российской публики, утверждал: «Мусульманки страх боятся показывать себя одноземцам» ¹⁷. Декабристы отмечали затворнический характер жизни многих кавказских женщин в целом, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. В Тифлисе, например, «женщин так мало на улицах, что едва встретится одна на сорок человек мужчин» ¹⁸.

Во вторую группу входили женщины, чьи установки в отношении демонстрации своего внешнего вида и появления в общественных местах были не так строги. Они-то и давали богатую пищу для описаний заинтересованного наблюдателя. Не жалея красок, Беляев характеризовал внешность осетинок, армянок, грузинок. Он, например, писал: «Осетинки вообще очень красивы», в подтверждение тому приводя описание встретившейся ему в Моздоке девушки из бедной семьи: «Это была одна из южных красавиц, перед которыми остановишься невольно, где бы ее ни встретил... Густые, как смоль, черные волосы ее, раскинувшиеся во время движений, роскошными прядями падали по плечам необыкновенной белизны. Она была высока, стройна и вообще прелестна» ¹⁹. Особенно поразило декабриста то, с какой смелостью эта и другие девушки, а также женщины и мальчики добывали из стремнины Терека, глубокого и полноводного в этом месте, ветки и сучья или небольшие деревья, пронесившиеся по волнам (в городе ощущался недостаток топлива). Это был своеобразный вид состязаний, в которых участвовало и женское население. Сам данный факт указывает на более свободное положение женщин (особенно девушек) у осетин, а также на своеобразное удальство, харак-

терное не только для мужской, но и для женской части осетинского общества. В этом нет ничего удивительного, ибо, если обратиться к нартовским сказаниям, то там встретятся образы отважных женщин-воительниц (Даханого и др.). Данные северокавказской археологии свидетельствуют о том, что для части женщин Кавказа еще с древности были характерны «амазонские» традиции ²⁰.

Несколько иного мнения Беляев был об армянках. «Женщины были бы прелестны по тонким чертам лица, матовой белизне и нежности кожи лица и по чудным глазам, чудным черным и роскошным волосам, если бы не выдающийся по величине нос от природы и необыкновенная белизна от белил и румян, которые, к сожалению, у них в большом употреблении». В другом месте своих воспоминаний Беляев с еще большим неприятием отзывается о косметике армянских женщин: «ужасная штукатурка белил и румян уничтожает всю прелесть». Отказ от использования «косметики» мог, по его мнению, привести к тому, что «красота их бы очень много выиграла». С большим интересом Беляев описывает костюм армянских женщин, при этом выделяя отличия в их одежде. У моздокских армянок «широкая одежда с длинным шлейфом, перехваченная до талии поясом и застегнутая на груди дорогими застёжками..., а у богатых покрывало, отброшенное назад, придает много прелести их костюму и их красоте». Тифлиссские же армянки произвели на декабриста «неприятное впечатление своим похожим на саван костюмом». «Это просто мумия, вся сверху донизу обернутая в белую простыню» — заключает наблюдатель ²¹.

Однако эти любопытные замечания Беляева приобретают еще больший интерес, когда автор характеризует одежду как женщин, так и мужчин. «Мужской пол одевается или по-европейски, или по-черкески, иные же носят армяно-персидский с разрезанными рукавами кафтан и высокую из мерлушек шапку» ²². Пристальный взгляд декабриста выявляет интереснейшую этно-культурную черту, имеющую прямое отношение к гендерной характеристике отдельных групп армянского населения. Женщины в своей одежде придерживались определенного устойчивого, интравертного, этнолокального стереотипа, характерного для данной общности (моздокских и др. армян). Мужчины же в одежде экстравертны и отражают те культурно-исторические связи, которые существовали у армян в рассматриваемый период. Крайне интересно то, что данный гендерный стереотип, прослеживаемый этнографически, существовал у кавказского населения с древних времен. Убедиться в этом позволяют разработки Сабины Райнхольд. Приводимые ею параллели из европейской этнографии в процессе исследования ученым погребальных костюмов позднего бронзового — раннего железного века с Северного Кавказа позволили уяснить факт того, что традиционная нормативная и социальная значимость одежды (обозначаемая Райнхольд как *Tracht*) у мужчин и женщин различна. А именно: мужской *Tracht* не только менее выражает региональную специфику, но также легче трансформируется (что уже прослежено европейскими учеными на кавказских материалах). Женский же *Tracht* «в основном отражает местные тождества, в то время как мужской костюм выражает более широкую общность и, кроме того, может выражать политические тождества».

Исследования Райнхольд находят блестящее подтверждение и в других данных, приводимых Беляевым. Так, описывая в своих воспоминаниях одежду немецких колонистов Поволжья (р-н Камышина), декабрист пишет: «Мужчины носят русскую одежду, но женщины и девушки носят полосатые немецкие юбки, с кофточкой и платком на голове». В другом месте своего труда Беляев описывает одежду казаков Владикавказского полка, который «состоял весь из малороссиян. Казаки... когда были причислены к линейному казачьему войску,... стали носить обыкновенные линейские черкески. Женщины же еще сохраняли тогда одежду малороссийскую»²³. Декабрист в данном случае зафиксировал очень тонкий и важный момент в обретении новоиспеченными казаками (украинцами по происхождению) новой идентичности, становление которой сопровождалось временным сохранением старых этнокультурных маркеров.

Одежда, судя по описаниям декабристов²⁴, была и достаточно специфичным индикатором социальной дифференциации горцев²⁵. Так, князья надевали нагольные овчинные шубы, окрашенные сверху копотью ольхи, наравне со своими нукерами²⁶. И в то же время в их одежде были представлены черные персидские чухи, обложенные галунами (висячие рукава закидывались за плечи), турецкие шали, архалуки из букетовой термоламы²⁷, верховые желтые сапоги с высокими каблуками и др. Что же касается оружия, то оно было отделано весьма изысканно. «Ружье, кинжал и пистолет ... блистали серебром и золотом насечкою. Ручка сабли осыпана была дорогими камнями»²⁸. В описаниях горцев, оставленных другими российскими, а также иностранными наблюдателями, фиксируется то, что состоятельные и именитые горцы, чаще всего, одевались опрятно и щеголевато²⁹, а если отличались от простого народа, то только некоторыми деталями убранства костюма (например, «серебряными вышивками на патронташах»³⁰, серебряным галуном на черкеске)³¹. Очень показательно, как рисовало воображение простых русских солдат внешность имама Шамиля. Н. Шипову, находившемуся в плену у чеченцев, приснился сон, описанный им в воспоминаниях: «Меня привели к Шамилю, который уже был не молод, с подкрашенной бородой, худощавый, в пестрой чалме, в белом шелковом бешмете, подпоясанный наборным серебром, с убранным драгоценными камнями кинжалом; он сидел на прекрасном персидском ковре, поджав под себя ноги»³².

В то же время, далеко не для каждого известного горского предводителя было характерно стремление выделяться щегольством. Например, военный писатель, И.Т. Радожицкий так описал одежду известного горского наездника и лидера Бейбулата Таймиева: «Шапка на Бейбулате была простая и кафтан обыкновенный. При нем было два почетных товарища, побогаче его одетые»³³. Отношение горца к одежде лучше всего характеризует фраза Максима Максимовича из лермонтовского «Героя нашего времени», приведенная в описании известного персонажа Казбича: «Бешмет всегда изорванный, а оружие в серебре»³⁴. Это был особый джигитский шик, манера, следовать которой удавалось далеко не каждому.

Мужчины-армяне в период ссылки Беляева на Кавказ все говорили по-русски, женщины — нет. Имеющиеся в нашем распоряжении данные по черкесским армянам Армавира, приводимым в книге

армавирского историка С.Н. Ктиторова, показывают, что процесс перехода черкесо-гаек на русский язык наиболее четко фиксируется с 1869 г., когда Э. Яворская открыла первую в ауле Армавир частную армянскую женскую школу. В 1871 г. она стала общественной. В школе, помимо иных предметов, преподавались чтение и письмо на армянском и русском языках. Позже, в 1895—1903 гг., в Армавире было построено армянское женское училище³⁵. Таким образом, к концу XIX в. в армянской среде (и не только) произошла «лингвистическая революция», которая свидетельствует о тех важных, эпохальных изменениях, которые произошли после завершения военных действий в крае и окончательного включения Северного Кавказа в состав России.

Оценивая гендерное состояние горского общества, Бестужев-Марлинский пришел к выводу, что «участь их (замужних женщин. — *Д.Д., С.Д.*) самая жалкая. Они исправляют все домашние и полевые работы; мужья ездят на грабеж или, куря трубку, целый день стругают кинжалом палочку». Декабристы смотрели на практически рабское положение горянок отрицательно, считая что «жена и дети для него вещи, которым не обязан он ни малейшим отчетом». По всей видимости, Бестужев-Марлинский одним из главных факторов, способствовавших незавидному положению женщин в кавказской семье, считал помимо исторически сложившихся отношений, неправильное понимание женской природы в мусульманской среде: «в Несомненной книге сказано, что у женщин нет души. Об уме еще меньше: ум мусульманки состоит в шитье и в стряпанье». Да, мусульманка покорна своему мужу, который для нее все, но полностью показывать ему свой характер она не может и не будет, в отличие от супруга. Отсюда, считает Марлинский, выходит двойственный мир, так как «муж перед женой разоблачается вполне, она перед ним — вполовину». Однако нельзя сказать, что мусульманин не уважает свою жену, напротив, за ее оскорбление он готов убить: «Мусульманин будет хладнокровно слушать, если вы браните его мать и деда, гроб отца и его собственную колыбель; но за брань жены он держит ответ не за зубами, а за кушаком (то есть там, где находится оружие. — *Д.Д., С.Д.*)»³⁶.

Эти противоречия в отношении кавказцев к женщине вызывали у декабристов неодинаковые реакции, однако, подходя ко многим вопросам с познавательной точки зрения, они стремились понять национальные особенности горцев. Оригинальную подачу материала Бестужевым-Марлинским, иногда резкую, можно объяснить тем, что многие его произведения в период до восстания выходили в весьма популярных российских газетах и журналах (вызывая неоднозначное восприятие). Если прибавить к тому, что на Кавказе его материальное положение зависело от популярности работ в России, то определенная ориентированность на читателя, которого нужно было удивлять новыми сведениями о крае, для многих остававшимся загадкой, возможно и была причиной контрастных описаний горцев этим декабристом.

О богатых свадебных традициях кавказцев мы тоже имеем достаточно широкое представление благодаря мемуарам декабристов. Выбор невесты, несмотря на отсутствие возможностей увидеть ее без

паранджи до свадьбы, в тех или иных формах все-таки был возможен. «Не верьте, пожалуйста, господам путешественникам по Востоку, будто все женитьбы мусульман совершаются так, что будущие супруги не видят и не знают друг друга» — писал Александр Марлинский. Люди среднего и низкого достатка, чьи дома располагались тесно, с помощью различных хитростей, несмотря на отрицательный характер такого поступка, могли подглядеть будущую жену. Имел место и другой вариант, хорошо описанный в рассказе «Искандер-Бек», когда «услужливые бабушки и тетушки, ... украдкой покажут “желаемую особу” желателю»³⁷. И, наконец, последний момент, который должен был избавить иностранных путешественников от домыслов по этому вопросу. До одиннадцати лет все девушки ходили, не закрывая лица, и самые предусмотрительные горцы могли заранее высмотреть будущих невест.

Большая часть браков заключалась на постоянной основе, но существовали также и временные браки или метеги³⁸. Они порицались мусульманской моралью и законом, и только беднейшие слои населения могли вступать в них³⁹. Как крайнюю степень этого явления Бестужев-Марлинский приводит суннитов Северного Дагестана, которые для личных выгод вступали во временные браки с русскими. Впрочем, в Грузии брак русского офицера с грузинкой, судя по сообщению Розена, не был чем-то из ряда вон выходящим, поскольку конфессиональный фактор не являлся для этого препятствием⁴⁰.

Многоженство, вопреки весьма распространенным представлениям, было редким явлением. «Иметь несколько жен могли те, кто в состоянии был содержать их и потомство»⁴¹. Законная возможность играть четыре свадьбы для большей части горцев так и оставалась нереализованной.

Русские женщины на Северном Кавказе — это еще один важный аспект затронутой темы. Здесь нужно сразу сказать, что мы, прежде всего, будем говорить об описаниях декабристами деталей быта тех женщинах, которые делили все тяготы гарнизонной службы и повседневные будни станиц, расположенных вдоль Кавказской Линии.

Говоря об оценке личных качеств этих женщин самими декабристами, упомянем, что в целом это были восхищенные отзывы. «Достойные матери и жены богатырей!» — так говорит о них Александр Марлинский устами героя одного из своих произведений. Не сразу удалось декабристам разглядеть все превратности жизни офицерских, солдатских и казачьих жен на Кавказе. Беляев, например, побывав в укреплении Ларс (р-н Военно-Грузинской дороги) поначалу восхитился местными красотами горного пейзажа, созерцанием которого живущие здесь российские воины могли поделиться «с доброй, нежной и еще хорошенькой женой». Но идиллическая картинка вскоре сменилась трезвым пониманием того, что от женщин, живущих в мирных селениях, под защитой русских войск, требовалось «много самоотвержения и мужества, ибо могут случиться небезопасные набеги хищников». Тема «женщины и набеги» — пожалуй, доминирующая в рассмотрении характера быта русских женщин в условиях пограничья. Обитатели крепостей и станиц жили под постоянной угрозой нападения немирных горцев. Само их существование было пронизано тревогой. Так, Беляев сообщает о докторе Докучаеве

и его супруге, живших в Науре: «Он и его жена были в вечном страхе». Женщины боялись за своих мужей. «Какая это жизнь, — говорила Елизавета Ивановна, жена войскового старшины А.П. Баскакова, жившая в Науре, — когда любящая жена должна каждый день ожидать роковой вести о муже»⁴².

Во время набегов за Терек горцы захватывали в плен женщин и девушек, при этом бывали случаи, когда похищенная оказывала мужественное сопротивление похитителю и ей удавалось спастись⁴³. Захваченные в плен женщины увозились в горы, откуда иногда их удавалось выкупать родственникам, иногда путем собственного разорения, о чем писал декабрист Н.И. Лорер⁴⁴. Такими эпизодами богата история времен «Кавказской войны». В работе А.А. Цыбульниковой рассмотрены судьбы похищенных девушек и женщин⁴⁵. Добавим лишь, что ярким дополнением к характеристике русских женщин — жен и дочерей защитников интересов России на Кавказе — является свидетельство все того же Беляева. Он описывает ситуацию, в которой оказались жена и сестра майора Л. Венеровского, погибшего командира Гребенского полка, а еще ранее — пристава закубанских народов, участвовавшего вместе с генералом Г.Х. Зассом и сотником Атарщиковым-2-м в выводе черкесо-гаев на Кубань и основании аула Армавир⁴⁶. Беляев сопровождал этих дам по дороге в Моздок, конвой отстал, и женщины, встревоженные отсутствием охраны и наступлением темноты, «вынули из-за поясов свои кинжалы, чтобы в случае нападения скорее заколоть себя, нежели отдаться в плен. Жена и сестра героя Венеровского не могли допустить и мысли о таком позоре»⁴⁷. Рука русской женщины — жительницы Предкавказья — была знакома с боевым оружием и не дрогнула бы, приводя его в действие.

Разумеется, быт русских женщин на Кавказе не сводился к одним лишь боевым будням. Декабристы практически не касались рутины женской повседневности, но, в то же время, уделяли внимание их досугу. В качестве такового выступали танцевальные вечера (по этому поводу Н.И. Лорер иронически сообщает: «На танцевальных вечерах жены казаков танцуют журавля и мало среди них грамотных»⁴⁸). Бывали и балы, после которых совершались поездки на санях (если дело было зимой) и прогулки на пикники, при этом гуляющие, скажем, владикавказское «общество», доезжали не далее укрепления Ларс, то есть относительно безопасного места. Одновременно старшие родственники незамужних девушек стремились не оставлять их с глазу на глаз с молодыми людьми, что характеризует морально-этические установки дворянской среды того времени⁴⁹. Некоторые дамы особо были известны тем, что укрепляли свой дух православной верой или погружались в спиритизм⁵⁰.

Впечатления представителей прогрессивно мыслящей части российского общества — декабристов — о жизни живших на Кавказе женщин, как представительниц автохтонного, так и славянского населения, имеют немалый интерес для исследователей и должны быть в будущем востребованы с различных точек зрения. Это касается как изучения историко-культурных традиций региона, так и реконструкции особенностей процесса складывания Российского Северного Кавказа.

О гостеприимстве его жителей декабристы знали не понаслышке. «Восточные жители вообще гостеприимны, и моздокские принимают приезжих очень радушно, особенно военных»⁵¹ — говорил Александр Беляев, побывав в гостях у одной армянской семьи. Обычай защиты гостей, даже ценою своей жизни, вызывал у декабристов восхищение. Однако не все традиции гостеприимства воспринимались декабристами однозначно положительно. Говоря о мирных горцах, Александр Марлинский констатировал, что они «переняли все пороки полуобразованности», по-видимому, подразумевая под этим неправильное использование положительного потенциала отношений с русскими. В гостеприимстве мирные горцы видели, прежде всего, промысел: «едва ли не каждый из них готов наняться поутру к русскому в кунаки, а ночью в проводники к хищнику, чтобы ограбить нового друга»⁵².

Однако зачастую двуличность в поведении мирных горцев была вызвана их незащищенным положением в отношении «хищников». Тем горцам, которые находились под формальной защитой русского правительства, приходилось лавировать между двумя противостоящими сторонами, что, конечно, не отрицает наличия среди них людей, истинно преданных и благодарных России.

Разумеется, в небольшом очерке невозможно рассмотреть все нюансы повседневной жизни кавказского населения, на которые было обращено внимание декабристов. Тем не менее, можно сделать вывод о том, что специфические особенности горской культуры всерьез интересовали сосланных на Кавказ участников тайных декабристских обществ. Их мемуары служат еще одним серьезным источником для изучения повседневности автохтонного населения, выявления ее основных черт. Взгляд декабристов на жизнь горцев в целом внимателен, доброжелателен и свободен от предвзятости, хотя и не лишен некоторого чувства превосходства, вызванного отставанием горцев от России. Наиболее адекватно отображал повседневность кавказцев Бестужев-Марлинский, который был чужд ориентализма. У декабристов складывались вполне закономерные убеждения в необходимости позитивного влияния России на Кавказский регион в целях его переустройства, первые результаты которого их не всегда удовлетворяли.

Примечания

1. КАЗИЕВ Ш.М., КАРПЕЕВ И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. М. 2003.
2. ЛОРЕР Н.И. Записки декабриста. Иркутск. 1984, с. 182.
3. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ А.А. Путь до города Кубы. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ А.А. Сочинения. Т. 1. М. 1958, с.184.
4. Там же, с. 183.
5. Русская старина. 1900, кн. XI, ноябрь, с. 455.
6. РОЗЕН А.Е. Записки декабриста. СПб. 2008, с. 245.
7. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ А.А. Мулла Нур. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ А.А. Сочинения, т. 2, с. 391.
8. ЗИССЕРМАН А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Т. II. СПб. 1979, с. 135.
9. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ А.А. Горная дорога из Дагестана в Ширван через Кунакенты. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ А.А. Сочинения, т. 2, с. 203.
10. История народов Северного Кавказа. Т. 2. М. 1988, с. 61.

11. Я [КУБОВИЧ] А. Отрывки о Кавказе (Из походных записок) (Письмо к издателям Сев.Пч.). — Живая старина. Нальчик, № 3, 1993, с. 78—79.
12. ТОТОВЕВ Ф.В. Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII — 40-е годы XIX века). Нальчик. 2009, с. 115.
13. КАЗИЕВ Ш.М., КАРПЕЕВ И.В. Ук. соч., с. 178.
14. ПЫЛКОВ О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII — первая половина XIX вв.). Армавир. 2011, с. 191.
15. РОЗЕН А.Е. Ук. соч., с. 254.
16. БЕЛЯЕВ А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Красноярск. 1990, с. 269.
17. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ А.А. Мулла Нур, с. 339.
18. РОЗЕН А.Е. Ук. соч., с. 253.
19. БЕЛЯЕВ А.П. Ук. соч., с. 253—254.
20. ВИНОГРАДОВ В.Б. Тайны минувших времен. М. 1966, с. 49—55.
21. БЕЛЯЕВ А.П. Ук. соч., с. 254, 271.
22. Там же, с. 254.
23. БЕЛЯЕВ А.П. Ук. соч., с. 241.
24. Там же, с. 268.
25. Описания людей с высоким социальным статусом были характерны для авторов XVII — первой половины XIX вв. См.: СТУДЕНЕЦКАЯ Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII — XX вв. М. 1989, с. 16. Поэтому заметки декабристов дополняют существующую источниковую базу.
26. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ А.А. Сочинения, т. 2, с. 233.
27. Термолама — плотная шелковая или полуселковая ткань.
28. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ А.А. Сочинения, т. 1, с. 425.
29. КЛИНГЕР И.А. Два с половиной года в плену у чеченцев (1847—1850). В кн.: В плену у горцев. Нальчик. 2011, с. 28.
30. ФОНВИЛЬ А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863—1864 гг. Нальчик. 2010, с. 12.
31. ШИПОВ Н. История моей жизни. 1845 год. В плену у горцев, с. 8.
32. Там же, с. 21.
33. Цит. по: КОЛОСОВ Л.Н. Славный Бейбулат. Грозный. 1991, с. 131.
34. ЛЕРМОНТОВ М.Ю. Герой нашего времени. ЛЕРМОНТОВ М.Ю. Собрание сочинений. Т. 4. М. 1965, с. 15.
35. КТИТОРОВ С. Лики старого Армавира. Платонов. 2010, с. 87.
36. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ А.А. Путь до города Кубы, с. 301, 349, 418, 447.
37. Там же, с. 348—349.
38. Роль временного брака мог играть институт «кебина». В «Истории Дагестана» под термином «кебин» дагестанские историки подразумевают своеобразный брачный залог, предназначенный для обеспечения жены на случай вдовства или развода по инициативе мужа. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М. 2004, с. 617.
39. В кебинные браки вступали и представители знатных слоев населения. От таких браков у «проконсула» Кавказа А.П. Ермолова было трое сыновей.
40. РОЗЕН А.Е. Ук. соч., с. 256.
41. КАЗИЕВ Ш.М., КАРПЕЕВ И.В. Ук. соч., с. 105.
42. БЕЛЯЕВ А.П. Ук. соч., с. 261, 306, 312.
43. Там же, с. 311.
44. ЛОРЕР Н.И. Ук. соч., с. 247—248.
45. ЦЫБУЛЬНИКОВА А.А. Казачки Кубани в конце XVIII — середине XIX в.: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Армавир. 2012, с. 94—133.
46. КТИТОРОВ С.Н. История Армавира (досоветский период). Армавир. 2002, с. 49—54.
47. БЕЛЯЕВ А.П. Ук. соч., с. 334—335.
48. ЛОРЕР Н.И. Ук. соч., с. 193.
49. БЕЛЯЕВ А.П. Ук. соч., с. 329.
50. Там же, с. 322, 324.
51. Там же, с. 255.
52. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ А.А. Сочинения, т. 2, с. 461.

Причины восстания в Москве в 1648 г.

Д.А. Ляпин

В 1645 г. на российский престол вступил 16-летний Алексей Михайлович, второй представитель правящей династии Романовых. Вместе с новым государем произошла смена правительства, в котором первые позиции занял его воспитатель боярин Борис Иванович Морозов. Через три года после этих событий в Москве случились крупнейшие со времен Смуты волнения, которые изменили состав правительства и стали прологом для написания крупнейшего в истории России свода законов — Уложения 1649 года. Кроме того, события в Москве вызвали отклик в нескольких российских городах, где также прошли народные бунты, имевшие в некоторых случаях серьезные последствия. Волнения сопровождались убийствами и казнями: в результате, в Москве и провинции погибло около 500 человек.

События, произошедшие в столице, хотя и условно, можно считать восстанием, поскольку они представляли собой массовый мятеж против существующей власти — правительства Б.И. Морозова. Однако мятежники не сомневались в легитимности верховной власти — царе Алексее Михайловиче Романове — и, конечно, не планировали изменять систему монархического правления в Российском государстве.

В дореволюционной историографии причины волнений в России в середине XVII в. видели в злоупотреблениях местной и приказной бюрократии, которые получили широкий размах при молодом государе Алексее Михайловиче ¹. В.О. Ключевский добавлял к этому еще и чрезмерное влияние «сильных людей» на царя при неумении им управлять государством ². Эту идею развил С.Ф. Платонов, который пришел к выводу, что причины волнений кроются также в борьбе среднего класса и «сильных людей» ³.

В советской историографии причины волнений были сведены к тому факту, что развитие феодального государства на определенном

Ляпин Денис Александрович — кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

этапе неизбежно сопровождается обострением классово-вой борьбы. Поскольку XVII в. для советских историков был временем зарождения рыночных отношений в городах Российского государства, то классовая борьба, перерастающая в восстания, была неизбежным явлением. Таким образом, причины волнений середины XVII в. сводились к закономерному процессу обострения классово-вой борьбы в городах в условиях развития рынка и феодальной государственности ⁴.

Историография последних двадцати лет характеризуется локальными исследованиями, косвенно затрагивающими проблему поиска причин волнений. В большинстве случаев их видят в злоупотреблениях властей и непосильных налогах ⁵. В современной отечественной историографии не уделяется внимание анализу причин волнений середины XVII в., поэтому в учебной литературе для школ и вузов бытует много мифов о «соляном бунте», который подразумевает, что волнения, якобы, были вызваны введением налога на соль ⁶.

Конечно, прежде всего, причины волнений следует искать в деятельности правительства, во главе которого с 1645 г. стоял Морозов. Одним из важнейших направлений политики правительства был курс на военную колонизацию Сибири, Поволжья и Юга России. В последнем случае это означало полный разрыв формально «мирных» отношений с Крымским ханством и Османской империей. Государственная колонизация сопровождалась дорогостоящими военными реформами, строительством крепостей, городов, острогов, оборонительных сооружений. Правительство рассчитывало на колонизацию внутренних и внешних ресурсов, как основу будущего экономического роста страны. Однако успех этих мероприятий зависел от решения финансовых проблем на начальном этапе.

А между тем, в середине 40-х годов XVII в. Россия стояла на пороге финансового кризиса. Слабое развитие промышленности, внутреннего и внешнего рынка не позволяли государству увеличивать бюджет. Правительство Михаила Федоровича отсутствием финансовых средств компенсировало большим числом повинностей и служб населения, которое эксплуатировалось государством, ничего не получая взамен. Но эта практика имела массу недостатков, поскольку обеспечить контроль за исполнением этих повинностей было очень сложно, так как в России еще не сложился профессиональный бюрократический аппарат.

В таких условиях, еще в начале 40-х гг. XVII в. правительство начало резко повышать налоги с посадского населения, к примеру, только «стрелецкие деньги» выросли в 7 раз ⁷. Увеличение налогов коснулось, прежде всего, посадов и частновладельческих земель. При этом, облагая налогами уезды, правительство назначало общую сумму налоговых сборов на данный год, а уже сам уездный мир развешивал налоги между собой. Это обостряло обстановку в провинции, так как создавало хорошую почву для взаимных претензий и подозрений. Кроме того, часть лиц, близких к воеводе, вообще избегала налоговых выплат. Обычно это были богатые, обеспеченные горожане, то есть самая платежеспособная часть местного общества ⁸. В последние годы правления Михаила Федоровича правительство, понимая опасность дальнейшего роста сборов с населения, начало прощать ему недоимки, не требуя полной выплаты положенной суммы

сбора налогов. Уездный мир фактически получил права самостоятельно решать, какую часть положенного сбора за год необходимо заплатить. В результате, в 1640—1645 гг. образовалась огромная сумма «недоимок». На что рассчитывали возглавлявшие правительство бояре Ф.И. Шереметьев и И.Б. Черкасский, сказать сложно, но страна ежегодно испытывала дефицит бюджета, а казна недосчитывалась нескольких тысяч рублей. Возможно, слабое здоровье государя и возможная скорая смена верховной власти не позволяли идти на решительные шаги, опасаясь народного возмущения в таких условиях.

Летом 1645 г. присяга царю Алексею Михайловичу прошла в спокойной и благожелательной обстановке, население России не сомневалось в легитимности молодого государя, и пришедший к власти Морозов получил почти полную свободу действий. Более того, предыдущее правительство ушло на второй план, влиятельные боярские роды оказались оттесненными от власти. Теперь наступило благоприятное время для реформ, необходимость в которых давно назрела.

Преобразования начались с того, что новое правительство потребовало не только полной выплаты всей положенной суммы налогов с уездов, но и попыталось компенсировать недоимки за прошлые годы, применяя часто самые жесткие меры. В помощь воеводам посылались доверенные лица из Москвы, целью которых было «выбить» из населения деньги, не собранные в прошлые годы. Такие посланники обладали широкими полномочиями и подчинялись напрямую Москве.

Но, несмотря на эти меры, сбор недоимок шел медленно и неэффективно: «из городов воеводы и приказные люди писали, что посадские и уездные сошные люди в государевых в доимочных доходах стоят на провеже»⁹. Это означало, что местная власть и присланные из Москвы доверенные лица ничего не могли поделать с должниками, кроме того, что поставить их «на правож», который мог длиться очень долго.

Тогда правительство начало посылать в города особых сборщиков с военными отрядами, в состав которых входили обычно московские стрельцы. Однако такие меры привели к массовому бегству: деревни и слободы стали пустеть, налоговых сборов становилось еще меньше, и правительство вместо прямых налогов стало увеличивать косвенные, связанные с торговой и ремесленной деятельностью, которых было трудно избежать. Эта мера оказалась удачной и подтолкнула власти к более решительным шагам в этом направлении.

В результате в 1646 г. была сделана попытка ввести один косвенный налог на соль, заменив им все основные налоги. По указу от 7 февраля 1646 г. налог на соль вводился в размере 2 гривны с пуда, а с астраханской и яицкой соли, которую употребляли для соления рыбы, — по гривне с пуда. В указе о новом налоге звучало обоснование этой меры, которое связывалось с предыдущими неудачами в этой области: «и та соляная пошлина всем будет равна, и в избылых никто не будет, и лишнего платить не станет, а платить всякой станет без провежу собою; а стрелецкие и ямские деньги собирают неровно, иным тяжело, а иным легко, и платят за провежи большие убытки, а иные и не платят, потому что они в розряде в списках, ни в писцовых книгах имен их нет, а живут всегда везде в избыли»¹⁰.

Таким образом, этот указ говорил о том, что правительство не было оторвано от реалий ситуации в провинции и понимало всю слож-

ность налоговых выплат для населения. Более того, власть прямо признавала неудачной предыдущую налоговую политику: налоги были несправедливы и платились «неровно». В этом указе мы видим также, что недовольство по поводу неэффективности налогов высказывалось народом с самого начала, и правительство как бы отвечало на это негодование. Подобные заявления в указе о вводе косвенного налога на соль свидетельствуют также об уверенности властей в эффективности новой меры и возможности ее длительного использования.

Однако новая налоговая реформа провалилась, причем так, что от нее пришлось полностью отказаться, хотя ответственным за сбор соляного налога был приказ Большой казны, во главе которого находился лично Морозов, а также его ближайшие подвизники — дьяк Н. Чистой и И.П. Матюшкин. Дело в том, что, как только косвенный налог на соль был введен, население резко сократило потребление соли, а ее контрабанда достигла огромных масштабов. Заставить людей покупать соль не было никакой возможности, а воеводы не могли справиться с незаконной продажей этого продукта. Иными словами, главная ошибка правительства заключалась в отсутствии полноценного контроля за реализацией соли, облагаемой огромным косвенным налогом.

То, что налоговая реформа не удалась, стало ясно уже в 1647 г., и налог на соль был отменен. В результате правительство Морозова за два года пребывания у власти не только не сумело собрать налоговый сбор в положенных размерах, но, напротив, доходы казны значительно сократились.

Усилия Морозова, направленные на колонизацию Сибири, Поволжья и Юга, оказались напрасными, поскольку выделение средств на это казна позволить себе не могла. Оказавшись в таких условиях правительство пошло на крайние меры. Налоги, которые были официально признаны неудачными, отменены и не собирались в 1646 г., было решено собрать «задним числом», приравняв их к недоимкам. Таким образом, власть, признавая несправедливость прежних налогов, возвращалась к их сбору.

Жесткая финансовая политика правительства в 1647 г. затронула все слои населения. Так, было решено сократить расходы, которые отводились на бюджет приказов, и было урезано жалование служилым людям. Вовсе лишились жалования московские послы, иностранные офицеры, дворцовая прислуга, подьячие и сторожа губных и воеводских изб, казенные кузнецы, плотники, пушкари и стрельцы, а также городские казаки¹¹. Вероятно, перестали получать жалование воеводы и вообще местная администрация. Предполагалось, что провинциальная власть найдет себе иные источники дохода. Морозов также сократил расходы на содержание Государева двора и Дворца, чем вызвал большое негодование со стороны штата придворных. Кроме того, реформы отменяли различные привилегии монастырей и крупных вотчинников, были увеличены налоги на русских и иноземных купцов¹². Вскоре правительство начало лишать льгот и привилегий Белые слободы, много лет освобождавшиеся от налогов. Затем были ограничены переходы посадских людей на земли крупных землевладельцев.

В результате налоговых реформ 1645—1647 гг. основная тяжесть при раскладке сборов легла на наиболее бедные и средние слои уезд-

ного общества. В начале 1648 г. правительство производило не только взыскание недоимок за прошлые годы, но и собирало крупнейшие прямые налоги (стрелецкие и ямские деньги) в тройном размере за 1646, 1647 и 1648 гг., при этом служилым людям постепенно уменьшали жалование.

Таким образом, экономическая политика правительства Морозова, связанная с решительными, но не всегда последовательными мерами пополнения казны за счет увеличения размера налогов, стала одной из главных причин волнений середины XVII века.

Однако надо отметить, что правительство добилось желаемой цели. Уже в 1650-х гг. мы видим, что финансовые возможности Российского государства были достаточно велики. В стране успешно прошла военная реформа, связанная с созданием боеспособной армии, были построены новые города, крепости, Россия осуществляла колонизацию Юга, Поволжья и Сибири. Страна могла себе позволить оплачивать службу иностранных специалистов, селить целыми городами и слободами выходцев с Малороссии, нанимать на службу представителей коренных сибирских народов. Наконец, Российское государство в 1654 г. смогло вступить в войну с Речью Посполитой, одной из сильнейших держав Европы.

Финансовая политика правительства была только одной из причин волнений, которая не могла оказать решающего влияния. Ведь население в этом случае предпочитало выражать свой протест бегством, неявкой на службу и иными способами избегания выплат.

Вторая причина была тесно связана с первой: прямым следствием налоговой политики 1645—1647 гг. стал рост коррумпированности властей. В 1647 и 1648 гг. невозможность выплаты огромных сборов населением привела к тому, что правительство было засыпано челобитными о «непосильности» налогов, требованиями льгот и освобождения от повинностей. В таких условиях московские власти приняли тактику сознательного затягивания решения дел, то есть фактически создали грандиозную волокиту, которая создавала хорошую почву для развития коррупции в столице и на местах.

Сведения обо всем этом содержатся в нескольких источниках того времени. Очень ярко охарактеризовал поведение московских «безбожных чиновников» А. Олеарий: «Особенно отличался один из них, по имени Левонтий Степанович Плещеев... Он обирал простонародье и драл с него паче всякой меры; подарками нельзя было насытить его... В числе подобных безбожных чиновников находился и некий Петр Тихонович Траханиотов, шурин Плещеева... Он был назначен начальником пушкарского приказа, и имел в своем ведении стрелков из ружей, ружейных мастеров, пушкарей и всех, служивших в цейхгаузе. Обходился он с ними весьма немилосердно и не выдавал им за работу заслуженного вознаграждения...»¹³.

«Лейденская брошюра» — сочинение неизвестного голландского автора 1648 г. — пересказывает коллективную челобитную, которую москвичи подали царю Алексею Михайловичу 2 июня 1648 года. Анонимный автор, ссылаясь на сведения челобитной, сообщает о том, какого размаха достигло в Москве казнокрадство и притеснение народа чиновниками: «Года 1648 второго июня... его величество царь.. совершал ежегодное паломничество... каковым обстоятельством вос-

пользовался народ, чтобы подать его царскому величеству некие челобитные о невыносимо больших податях, пошлинах и поборах, которыми они были обременены несколько лет, а также о чрезвычайных несправедливых тяготах и притеснениях которые они каждодневно претерпевают от бояр и не могут сносить...»¹⁴.

Интересно, что автор, перечисляя претензии народа, первыми называет большие подати и пошлины, которые именовались «поборами». Очевидно, что он, не разобравшись в этом обстоятельстве, приравнивает «поборы» к официальным налогам — пошлинам и податям. Однако первое, на что жаловались москвичи, — экономическая политика правительства, ведь в челобитной было ясно сказано, что первые претензии были «о невыносимо больших податях, пошлинах и поборах, которыми они были обременены несколько лет». Второй причиной волнений в столице автор брошюры считал «притеснения со стороны бояр». Но и здесь его сведения были не точны, ведь речь шла только о тех боярах, которые поддерживали политику Морозова¹⁵.

Важным источником, показывающим причины волнений, являются донесения шведского агента Помереннинга. Он так описывал народное недовольство правительством Морозова: «народ стал жаловаться, — пишет в своем донесении Помереннинг, — как и прежде часто это делал, на неправды и насилия, какие над ним учиняются»¹⁶.

Итак, волокита, целенаправленно организованная правительством, чтобы не отвечать на челобитные и продолжать собирать налоги в трехкратном размере, способствовала коррупции, которая хотя была и раньше частым явлением в приказной бюрократии Московского государства, на этот раз приняла большие размеры и подливала масла в огонь народного недовольства. В этом заключалась вторая причина московского восстания.

Однако для того, чтобы случился масштабный социальный взрыв, население должно было почувствовать свою силу, ощутить поддержку со стороны некоторых влиятельных лиц. И такая поддержка была оказана противниками Морозова, сведения о которых мы встречаем в челобитных мятежников под именем «хороших бояр».

Для того, чтобы убедиться в существовании этой третьей причины, необходимо рассмотреть содержание московской челобитной от 2 июня 1648 года. Она не дошла до нас в оригинале, но сохранилась благодаря пересказу Помереннинга¹⁷.

Прежде всего, в челобитной вызывает интерес то обстоятельство, что народ упрекал правительство в нарушении крестоцеловальных записей («властолюбивые нарушители крестного целования»). Подразумевалось, что члены правительства Морозова и сам боярин нарушают клятву верности царю, злоупотребляя своим положением. Уже в этом пункте мы видим прямую угрозу в адрес отдельных членов правительства, ведь нарушение ими клятвы лишало их власть легитимности в глазах народа. Служащий, нарушивший клятву, присягу, данную царю, являлся преступником, изменником, заслуживавшим сурового наказания.

Далее в челобитной говорилось, что политика правительства, проводимая несколько лет, для народа обернулась налоговым гнетом,

поборами и сопровождалась злоупотреблениями чиновников. При этом в годы правления Михаила Федоровича, когда у руля власти стояли Шереметьев, Черкасский и Н.И. Романов, жалобы рассматривались на самом высоком уровне и применялись соответствующие меры, защищавшие людей. Затем челобитная сообщала о злоупотреблении «партии» Морозова и требовала ее отставки.

Челобитная последовательно перечисляла причины народного недовольства: экономическая политика правительства и методы ее проведения; коррупция чиновников, принадлежавших к правящей «партии». Таким образом, третьей причиной являлась борьба за власть в высших кругах, желание оппозиции избавиться от всесильного Морозова. Во главе противников царского воспитателя стояли Романов и Черкасский¹⁸. Их целью была попытка дискредитировать влиятельного царедворца в глазах народа, разжечь бунт и заставить тем самым царя разочароваться в своем ставленнике.

Безусловно, представители старинных боярских родов имели все основания быть недовольными новой политикой. Дело заключалось не только в их отстранении от власти, а в том, что меры, предпринятые Морозовым, резко ударили по их финансовому благополучию. Романовы, Черкасские, Шереметьевы владели большим количеством посадских слобод с торговым и ремесленным населением, а Морозов и его окружение почти не имели никаких владений в городах. Поэтому новая политика властей, связанная с экономическим и административным давлением на все освобожденные ранее от налогов («Белые») слободы, (а большинство их являлось частновладельческими) ущемляла интересы родовитого боярства, обогащавшегося за счет этих слобод, приобретенных еще в 1620—1630-е годы¹⁹.

Неслучайно, в мае 1648 г. в Москве распространялись слухи о том, что Морозов у своего воспитанника «царство отнял». Целенаправленно создавался миф о том, что глава правительства — предатель и хочет отдать пограничные русские земли (Псков и Новгород) шведам. До провинции слухи об отстранении царя и части бояр от власти доходили в еще более преувеличенном виде. Говорили, что Алексей Михайлович призывает народ прогонять и побивать камнями воевод, близких к окружению Морозова.

Постепенно в народном сознании сформировался образ членов правительства как клятвопреступников, которые не подлежат юридической защите со стороны царя, напротив, в интересах самого государя и всей страны покарать предателей. Так, физическая расправа с негодными чиновниками получала легитимность и являлась, в определенной степени, логичным продолжением требований народа, изложенных в челобитной от 2 июня 1648 года.

Таким образом, причинами московских событий следует считать: налоговую политику правительства Морозова, злоупотребления чиновников, входивших в состав правительства, внутривластную борьбу, обернувшуюся целенаправленной дискредитацией внутренней и внешней политики правительства в высших кругах. Важно отметить, что соляной налог не являлся прямой причиной волнений, поскольку был отменен за год до случившихся событий. Понятие «соляной бунт», употребляемое в учебной литературе, не отражает сути явления и искажает его истинное понимание. В челобитной,

поданной восставшими царю 2 июня 1648 г., о соляном налоге нет ни слова.

Московский мятеж 1648 г. сильно пошатнул позиции Морозова, однако он все еще оставался сильным и влиятельным²⁰. Волнения в Москве нашли свое неожиданное для властей продолжение в провинциальных городах. Массовые беспорядки под воздействием московских событий прошли в Воронеже, Курске, Ельце, Козлове, Устюге, Соли Вычегодской. Мятежники именем царя фактически захватили власть в Тобольске, арестовав воеводу. Крупное народное волнение произошло в 1650 г. в Пскове, где власть также оказалась в руках восставшего населения.

Все это говорит о том, что проблемы, вызвавшие восстание в Москве в мае-июне 1648 г., не были решены своевременно. Налоговая политика хотя и стала более последовательной, но размер налогов и методы их сбора оставались прежними, не исчезла из реалий политической жизни Московского государства коррупция, наконец, Морозов, от которого так стремились избавиться Романов и Черкасский, был у власти. Именно поэтому отдельные проявления недовольства и волнения (Ливны, Козлов, Томск, Псков, Новгород) продолжались в провинции до 1650 года.

Однако политика московского правительства в 1648—1650 гг. постепенно становилась гибче и осторожнее. В стране началась компания по «примирению», в ходе которой было созвано несколько Соборов, с выборными представителями от населения, а в 1649 г. на обсуждение избранных лиц было представлено новое Уложение, также имевшее целью навести порядок во внутреннем управлении страной.

Примечания

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-11-48001.

1. СОЛОВЬЁВ С.М. Сочинения. М. 1990, с. 242—243; КОСТОМАРОВ Н.И. Истории России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. 2009, с. 429; ИЛОВАЙСКИЙ Д.И. Краткие очерки русской истории, приспособленные к курсу средних учебных заведений. М. 1895, с. 158—159.
2. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Собрание сочинений. Т.3. М. 1988, с. 48.
3. ПЛАТОНОВ С.Ф. К истории Земских соборов. СПб. 1905, с. 64—65.
4. Очерки истории СССР. XVII век. М. 1955, с. 224—249; ЧИСТЯКОВА Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж. 1975.
5. АНДРЕЕВ А.Л. Алексей Михайлович. М. 2006; АРАКЧЕЕВ В.А. Псковский край в XV—XVII веках: Общество и государство. СПб. 2003; УСЕНКО О.Г. Психология социального протеста в России XVII—XVIII веков. Тверь. 1994, ч. 1, с. 7—8; МАУЛЬ В.Я. Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVI—XVII веков. Томск. 2003; ГРАДОБОЙНОВА Е.В. Восстание в Новгороде и Пскове в 1650 году: причины, ход событий, итоги. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М. 2012; СВЕТОВА Е.А. Двор Алексея Михайловича в контексте абсолютизации царской власти. М. 2013.
6. ДАНИЛОВ А.А., КОСУЛИНА Л.Г. История государства и народов России. М. 2000, с. 129.
7. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Сошное письмо. Т. I. М. 1915, с. 157.
8. БАЗИЛЕВИЧ К.В. Вступительная статья. В кн.: Городские восстания в Московском государстве XVII в.: Сб. документов. М. 1936, с. 6.

9. СМЕРНОВ П.П. Несколько документов к истории Соборного уложения и Земского собора 1648—1649 гг. — Чтения общества истории и древностей российских. 1913, № 4, с. 50.
10. Акты археографической экспедиции (ААЭ). Т. 4. СПб. 1838, № 5.
11. БАЗИЛЕВИЧ К.В. Ук. соч., с. 10—11.
12. АНДРЕЕВ А.Л. Ук. соч., с. 93.
13. ОЛЕАРИЙ А. Описание путешествия в Московию. В кн.: Россия XVII века по воспоминаниям иностранцев. Смоленск. 2003, с. 411—412.
14. Лейденская брошюра. В кн.: Городские восстания в Московском государстве XVII в.: Сб. документов. М. 1936, с. 64—69.
15. ПЕРРИ М. В чем состояла «измена» жертв народных восстаний XVII в.? В кн.: Россия XV—XVIII столетий: сборник в честь юбилея Р.Г. Скрынникова. Волгоград. 2001, с. 207—220.
16. Донесения шведского агента в Москве Помереннинга. В кн.: ЯКУБОВ К. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М. 1897, с. 407—474.
17. Там же.
18. АНДРЕЕВ А.Л. Ук. соч., с. 75—76.
19. СМЕРНОВ П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. II. М.-Л. 1948, с. 225—226.
20. О событиях в Кремле после бунта, связанных с борьбой боярских группировок подробно пишет Помереннинг. См.: Донесения шведского резидента в Москве Помереннинга, с. 407—474.

Закат Тубинского княжества

В.А. Субботин

В становлении России, как суверенного государства, важное место занимала военная составляющая: защита национальных территорий и отражение агрессий соседних стран; присоединение необжитых и малонаселенных территорий, обеспечивающих безопасность и укрепляющих могущество страны. Как известно, завоевание Сибири шло по северной, менее заселенной ее части с суровым климатом и труднопроходимой местностью, но, тем не менее, уже к середине XVII в. русские первопроходцы подошли к Охотскому морю. А если соблюдать более точно хронологию, то к 1630 г. казаки и русские промысловики дошли до Якутии, в 1639 г. — вышли на побережье Охотского моря, а в 1648 г. С.И. Дежнёв и Ф.А. Поярков, обогнув на судах Чукотку, вышли в Тихий океан. Однако более благоприятные территории юга Сибири, в том числе и в Минусинской котловине, продолжали оставаться как бы в стороне от интересов России, и острог Абаканский, закрепивший завоевание Сибири, был построен только в начале следующего века (1707 г). Таким образом, несмотря на благоприятные географические и климатические условия юга Средней Сибири, этот регион стал осваиваться русскими позже других.

Причиной столь необычно трудного и сурового пути продвижения русских на Восток по северной части Сибири многие историки считают стремление добыть драгоценную пушнину — ценное средство международной торговли, приносящей государству весомую часть доходов. Полностью исключать такую версию нельзя. Но все же следует иметь в виду, что южные районы обладали не меньшими запасами пушнины, были более обитаемы и более благоприятны для продвижения.

Поэтому главной причиной позднего освоения юга Сибири следует считать непокорность и агрессивность местных этнических пле-

Субботин Виталий Антонович — кандидат военных наук, доцент, старший научный сотрудник ЦНИИ МО РФ.

мен, находившихся в вассальной зависимости от Монгольских и Джунгарских ханств, которые также претендовали на эти земли. Осуществляя систематические набеги, они собирали с них ясак и требовали от местных князцов не только безусловного подчинения, но и активного противодействия русскому влиянию. Свой интерес к южным территориям Сибири имел и Китай.

Сами по себе автономные вооруженные формирования местных кочевых племен не являлись большим препятствием для продвижения на Восток. Однако их объединенные силы, особенно при поддержке соседних государств (монгольских Алтын-ханов и Джунгарии) и при их прямом участии являлись сильным противником. Борьба с такими объединениями требовала тщательной подготовки и наличия больших сил и средств. Не меньшую опасность представляли частые разбойничьи набеги кочевников, которые осуществлялись, как правило, внезапно, не только на верные России ясачные сеоки и на русские поселения, но и на остроги. Такие набеги поддерживались правителями Монгольских и Джунгарских ханств. Они проводились как с целью грабежа, так и для устрашения и демонстрации непокорности.

Российское государство было не в состоянии содержать в таком удаленном регионе значительные воинские формирования, держать под постоянным контролем огромную территорию и, тем более, вести масштабные военные действия, так как в то время (XVII и начало XXIII в.) решались более важные для государства задачи в европейской части России, определявшие ее судьбу.

Поэтому в отношениях с этническими племенами, а также с Монгольским и Джунгарским ханствами и Китаем Россия, несмотря на их агрессивность, стремилась решать свои задачи, прежде всего, мирным путем с помощью дипломатии. Вооруженные методы применялись как крайняя мера и, прежде всего, против тех племенных образований, которые, нарушая заключенные договоры, нападали на русские остроги и поселения, проявляя при этом, особую агрессивность и жестокость.

Освоение северных территорий также было небезопасным: построенные остроги и поселения вблизи них, часто подвергались набегам южных кочевников, что требовало принятия мер по их обороне и предотвращению агрессии. О ситуации того времени можно судить по обращению к властям служивых людей и поселенцев из Сибири. Так, в «допросах» служивых людей, прибывших в Москву из Сибири о набегам кыргызов (18 января 1700 г.) говорилось:

«...и к Томскому уезду под слободы и деревни приходят многолюдством, воровски человек тысячи по три и больше и меньше с ружьем, с пищалми, с копыи и сайдаки, и с сабли, в пансырях и куяках и иных воинских доспехах и чинясь всякое разорение, деревни жгут и скот отгоняют и на пашнях людей побивают и ни на какие промыслы ходить не дают... А приходят они воровские люди изуча время, в сенокос и в страдную пору и в осень, когда бывает соболиный промысел...»¹

Для защиты русских поселений от набегов с востока и юга, а также для закрепления достигнутых территорий в 1619 г. был построен Енисейский острог, ставший административным центром в Восточной Сибири, а в 1628 г. — Красноярский острог — форпост на пути агрессивных устремлений кочевников, принимавший в то вре-

мя на себя их основные удары. Последний сыграл исключительно важную роль в предотвращении нападения местных кочевников и их объединенных сил с монголами и джунгарами не только на поселения, но и на Енисейский и Томский остроги.

Появление острогов и поселений отрицательно воспринималось местными князьями и правителями Монгольского и Джунгарского ханств. Для уничтожения этих крепостей и грабежа русских поселений совершались частые набеги. Больше всего набегам подвергался Красноярский острог и поселения вокруг него.

Наиболее многочисленные и сильные набеги кыргызских князцов с участием в них сил Монгольского или Джунгарского ханств отмечались в 1630, 1634—1636, 1640, 1665, 1667 и 1679 годах. Они сопровождались многодневной осадой Красноярского острога и разорением поселений, прилегающих к нему, угоном в плен коренного (ясачного) и русского населения, скота и уничтожением посевов.

Особо опустошительным был набег летом 1667 г., когда объединенные силы кыргызов и Джунгарского ханства осадили Красноярскую крепость и пытались прорваться в нее со всех сторон. С огромным трудом и с большими потерями гарнизону острога удалось отразить многочисленные атаки. Погибла треть защитников (194 чел.), были сожжены все окрестные поселения, а население угнано. Не менее разорительным был набег в сентябре 1679 года. И в этот раз удалось отстоять крепость, но было уничтожено 16 деревень.

Со стороны русских применялись ответные меры, как оборонительные, так и наступательные объединенными силами Томского, Енисейского, Красноярского и Кузнецкого острогов или только силами одного из них.

С целью защиты Красноярского острога и поселений в его окрестностях были построены несколько небольших крепостей-острогов, получивших название Красноярской засечной черты. Они представляли собой своеобразный барьер на пути набегов кочевников: с востока — Канский (1635 г.), с запада — Ачинский (1641 г.), а с юга — Караульный (1675 г.)².

Построение этих опорных пунктов и другие ответные меры сыграли положительную роль в сдерживании агрессии, но исключить набеги не удалось. Они, хотя и реже, но продолжались. К тому же построенные остроги сами часто подвергались ожесточенным атакам.

Карательные меры также успеха не приносили. С появлением русских отрядов, местные князцы присягали на верность русскому царю и обязывались отдавать установленный ясак. С уходом русских и, особенно, с появлением в их кочевьях монголов или джунгар, вновь возрождались их агрессивность, и набеги продолжались.

Коренные племена можно понять. Им приходилось платить тройную дань: монголам, джунгарам и русским. И все же их симпатии были на стороне первых, как наиболее сильных, способных их защищать и поддерживать.

В свою очередь, монгольские Алтан-ханы и Джунгарское ханство вели между собой непримиримую борьбу за главенство в Центральной Азии. Эта борьба закончилась ожесточенным сражением в 1667 году. Монголы были разгромлены джунгарским правителем Сенге-тайджи. После этого поражения, под ударами набравшего мощь

Китай, где к власти пришла цинская династия манжуров, Монгольское ханство фактически перестало существовать. Таким образом, к концу XVII в. джунгары стали единственными, кто еще имел притязания на кыргызские земли. В связи с этим хотелось бы напомнить историю Джунгарского ханства.

Джунгарию в описываемое время можно считать оставшимся осколком Великой империи Чингиз-хана. После распада монгольской империи джунгарские племена (их также называли ойроты, а иногда и калмыки) активно участвовали в войнах, которые вели чингизиды. В 1635 г. союз кочевых племен, обитавших на территории между озером Балхаш, горами Тянь-Шань и верховьями Иртыша, образовали свое суверенное государство — Джунгарское ханство. По историческим меркам оно просуществовало (XVII—XVIII вв.) не долго — всего 122 года.

Во второй половине XVII в. Джунгария превратилась в мощное военное государство, стремящееся расширить свое влияние на всю Центральную Азию и южные районы Сибири, поэтому вся ее недолгая история связана с постоянными войнами за господство в этом регионе, где основными его противниками были вначале монгольские Алтын-ханы, а затем Россия и цинский Китай. Именно в борьбе с ними джунгарские правители стремились к воссозданию Великого Монгольского государства.

Известно, что население Джунгарии в этот период составляло около одного миллиона человек. Но тем не менее, такая небольшая страна с кочевым населением держала в напряжении и страхе громадный регион — всю Центральную Азию.

Что касается южной части Сибири, то правители Джунгарии считали ее своей подконтрольной территорией, а кочующие там племена (княжества) своими данниками. По принятым в то время понятиям, платящий ясак являлся вассалом.

Ожесточенные войны Джунгарии с Китаем в конечном счете привели к тому, что победил более мощный и развитый Китай, который жестоко расправился с побежденными, и в 1756 г. Джунгарское ханство прекратило свое существование. Но на рубеже XVII—XVIII вв. оно представляло собой сильное и агрессивное государство, которое не шло ни на какие переговоры с Россией относительно мирного сотрудничества.

Значительную часть юга Средней Сибири занимает Минусинская котловина. Ко времени появления здесь русских на ее обширных просторах обитали разноязычные и феодально раздробленные на отдельные аймаки (сеоки) племена кочевников под общим названием «кыргызы». В рассматриваемый период они территориально объединялись в четыре княжества: Тубинское, Езерское (Исарское), Алтырское и Алтысарское. Несмотря на автономию, они часто действовали в тесном союзе, особенно в периоды опасности или для решения своих агрессивных замыслов. Например, для противодействия экспансии русских и грабежа их поселений и верных им кыштымов.

Особую агрессивность и жестокость во время нападения на русские поселения проявляли племена Тубинского княжества. Прикрываясь с севера и запада такой мощью водной преградой как Енисей, а с востока и юга — отрогами горных систем Саян и Алатау, они чувствовали себя в безопасности, поэтому не особенно считались с обе-

щаниями верности русскому царю. Это княжество Красноярские воеводы считали основным источником напряженности, к тому же оно имело более тесные контакты, как с монгольскими, так и с джунгарскими правителями, а Красноярский острог непосредственно примыкал к их кочевьям.

Тубинское княжество располагалось на правом берегу верховьев Енисея с центром в среднем течении р. Туба (прежние названия Упса, Упсуг). К нему также относились Ербинские и Сарагашские степи, расположенные на левой стороне Енисея, и территория севернее их, вплоть до бассейна р. Кан. Оно было многоплеменным, при этом племена относились к трем различным в этническом отношении группам населения: тюркоязычных кыргызов-тубинцев, двуязычных тюрко-кетоязычных байкотовцев и тюрко-самодийско-язычных моторцев.

До конца 90-х гг. XVII в. Тубинское княжество объединяло 17 различные улусов (аймаков). Среди них наиболее крупными считались: Алахамский, Алытский, Байкотовский, Бохтинский, Бугусский, Койбальский или Каменно-Моторский, Кольский, Корнатский, Уштерский, Хайтонский, Яринский.

Гарнизоны в сибирских острогах были малочисленными и каждому из них своими силами противостоять кочевникам было сложно. К тому же отмечалась острая нехватка оружия и других материальных средств, которые поставлялись централизованно. В результате сил и средств хватало лишь на отражение нападения на острог. А на увеличение численности, как и на объединение с соседними острогами, требовалось разрешение царя (Сибирского приказа) с выделением оружия, материальных средств и денег для найма вольных людей (детей казачьих). В этом случае можно было не только удержать острог, но и проводить операции по предотвращению нападения. Такие операции по решению Сибирского приказа проводились неоднократно, но до полного разгрома княжеств дело не доходило. В результате через 2—3 года опустошительные набеги возобновлялись. Как видим, такими превентивно-карательными мерами стабилизировать обстановку не удавалось.

Обстановка в этом южном регионе была действительно сложной и, несмотря на военное присутствие здесь русских, эта территория фактически им не принадлежала.

Сложившаяся ситуация требовала рациональных и более решительных действий. Прибывший в Красноярский острог стольник Петр Савич Мусин-Пушкин принял меры для мирного решения проблем во взаимоотношениях с разноплеменными улусами и с Тубинским князем, кочевья которого находились в зоне ответственности острога. Когда политика мира и безусловного подчинения русскому царю не удалась, он приступил к организации похода против Тубинского княжества, князец которого по имени Шандачка, отличался наибольшей агрессивностью и демонстративной непокорностью. Своими набегами он терроризировал ясачных людей, исправно плативших ясак администрации острога, грабил и разрушал русские поселения.

Вооруженного похода против агрессивного княжества требовали служивые, посадские и ясачные люди в своих многочисленных челобитных к царю и к Красноярским воеводам. Так, в их челобитной к П.С. Мусину-Пушкину, когда он прибыл в Красноярск, они обра-

щались с просьбой о наказании тубинцев, которые кочуют в районе Канска. В ней говорилось, что их князец не исполняет договор верности русскому царю, угрожает служивым людям в Канском остроге «...и ясаиных людей отогнал 207 лошадей и запасы и платья дограбил и чинил разорение. Да он же Шандочка ездил в Киргизы (в другие княжества. — В.С.) для уверения, чтоб летним временем идти к Красноярску войною...»³

Необходимость похода диктовалась также тем, что по полученным сведениям летом 1692 г. орда кочевников и джунгар собиралась для похода на Красноярск. С этой целью и в ожидании подхода союзников тубинцы кочевали в Ербинских, Сарагашских и Канских степях, то есть вблизи Красноярского острога и уже своим присутствием угрожали ему. Поэтому разгром наиболее сильной группировки союзных сил, которой считались тубинцы, не только срывал планы похода кочевников и джунгар на Красноярск, но и обеспечивал полный контроль над всей территорией верховьев Енисея.

Поспешность операции обуславливалась благоприятно складывающейся в этот период ситуацией: в январе-феврале улусы малоподвижны. Они останавливаются и не кочуют, так как у них начинается отел скота. Практически они стоят на одном месте, которое можно легко найти.

На выделенные средства был сформирован внушительный и боеспособный отряд. В количественном отношении он насчитывал более 400 служивых, в том числе и набранных казачьих детей, а также около сотни ясаиных татар⁴.

Командовать отрядом было поручено Василию Многогрешному — опытному военачальнику, неоднократно проявлявшему свои военные способности⁵. Впервые в Красноярском остроге он отличился в 1679 году. Его считали опытным военным, не заслуженно томящимся в тюрьме.

Не случайно, что в тяжелейших условиях защиты Красноярской крепости в сентябре 1679 г. от атак объединенных сил местных феодальных княжеств и джунгарских подкреплений, когда у руководства острога наблюдалась растерянность и несогласованность в действиях, низшие чины служивых потребовали назначить В. Многогрешного командовать обороной острога. Воевода Д.Г. Загряжский вынужден был доверить в этот трагический момент судьбу острога и его защитников ссыльному.

Многогрешный, как и положено военному человеку поступать в таких условиях, действовал с учетом сложившейся обстановки, твердо и решительно: назначил ответственных за каждый участок обороны, выдал все, в том числе и резервные припасы пушкарям и вооруженным ружьями, сформировал отряд для вылазки из крепости и контратаки по нападавшим.

С началом нового штурма пушкари открыли огонь максимально возможным темпом. Одновременно с ними открыли стрельбу все, кто был вооружен ружьями. Нападение затормозилось. В это время Многогрешный дал команду атаковать отряду казаков, который, выйдя через тыльную Водяную башню, бросился на фланг главных сил нападавших, смял его и прорвался к месту, где находился Иренек — командовавший союзной ордой. Его даже выбили из седла, но он чудом спасся от плена. Разгром завершила атака главных сил, которые, выйдя из острога, заставили противника в панике убегать. Однако сил для преследования врага уже не было.

После этого сражения Многогрешный по праву стал в Красноярском остроге ведущим полевым командиром, под его командованием было одержано немало побед, которые предотвращали набеги кочевников и умирляли их агрессивность.

Среди них особо следует выделить сражение, которое не позволило объединенным силам феодальных княжеств юга Сибири и джунгарам подойти к Красноярскому острогу и к поселениям вблизи него.

В феврале 1692 г. Мусин-Пушкин направил сформированный отряд во главе с Василием Многогрешным к кочевью тубинцев. Перед ним ставилась задача убедить князца строго выполнять договор о верности русскому царю, прекратить грабежи ясачных людей и поселений, отдать захваченные скот и имущество, в том числе 207 угнанных лошадей, и отойти с канской земли в свои родовые кочевья.

В конце февраля Многогрешный с отрядом подошел к улусу и направил для переговоров с князцом около полутора десятка казаков. Однако князец, зная свое численное превосходство, на переговоры не пошел. Более того, делегацию к стойбищу не подпустили и по ней была открыта стрельба из ружей и луков, в результате чего несколько человек были убиты, а многие ранены. Казаки были возмущены таким вероломством и стали требовать от Многогрешного немедленной атаки и разгрома улуса.

Но Многогрешный, имея большой опыт действий в таких условиях, не поддавался эмоциям и требованиям казаков. Он понимал, что вступить в бой с превосходящими силами противника, значит понести большие потери, а это было бы равносильно поражению. Он также понимал, что агрессивность Шандочка диктовалась уверенностью в ограниченных возможностях отряда Многогрешного. Князец знал о возможностях острога, и был уверен, что против него воевода может направить порядка 200 служивых, разгромить которых, он вполне может своими силами без привлечения соседних улусов. Но, несмотря на свою осведомленность, он не знал, что на выделенные средства воеводе удалось удвоить численность служивых за счет найма казачьих детей и привлечения верных ясачных татар. Но даже с этим составом нельзя было в открытую идти на более чем тысячную орду тубинцев.

Что представляло из себя «войско» князца тубинцев? Как и у многих кочевых народов их «армия» представляла собой все мужское население, способное носить оружие, что в какой-то мере напоминало всенародное ополчение. Оплата таким «ополченцам» за участие в войне осуществлялась по принципу: что награбишь, то и возьмешь. В улусе, к которому подошел Многогрешный с отрядом, находились не все подчиненные князцу аймаки (улусы) и сеоки, а только родовые и подконтрольные ему кыштымы этой местности. Тем не менее, в количественном отношении число вооруженных кочевников более чем в 2 раза превышало численность отряда. Поэтому Шандачка вел себя агрессивно, не боясь возмездия со стороны острога, где сил, по его мнению, было намного меньше, чем у него.

Вооружение у тубинцев было разное, начиная от современного для той поры огнестрельного оружия, до лука со стрелами. Об этом можно судить по докладу служивых из Красноярского острога в Посольский приказ в 1700 году. В частности там показывалось, что кочевники (*«воровские люди»*) нападают *«... с ружьем, с пищальми, с ко-*

*пы и сайдаки, и с сабли, в пансырях и куяках и иных воинских доспехах...»*⁶.

Хотя такое оружие как лук, тогда уже уходило в прошлое, в руках умелого лучника оно представляло довольно опасное средство поражения. Достаточно сказать, что лучник пробивал стрелой доску на расстоянии 400 м, а скорострельность из лука достигала 12 стрел в минуту, в то время как кремневые ружья — самые современные в те годы — производили не более одного выстрела в минуту, а фитильные и пищали, которыми по-прежнему были вооружены удаленные гарнизоны, стреляли еще с меньшим темпом. Следует отметить также наличие у кочевников добротного защитного снаряжения (шеломы, пансыри, куяки, наручи, наколенники и др.)

Набор вооружения и снаряжения, естественно, определял и тактику действий тубинцев. В целом их вооруженное формирование представляло из себя легкую кавалерию с оружием ближнего боя, хотя в центре у них могла располагаться группа тяжело вооруженных воинов, что-то в виде привилегированного отряда и резерва одновременно. Его задачей было развитие успеха, достигнутого в наступлении первым эшелоном, и отражение ударов противника в случае его прорыва и вклинения в глубину боевого порядка.

Бой, как известно из многих источников, они вели ружейный, лучной, копейный и сабельный. Его кочевники начинали конной атакой, в которой их воины рассыпной лавой на бешеном аллюре бросались на противника, одновременно умело стреляя из луков, при поддержке ружейного огня. Рассыпной строй позволял им атаковать прежде всего центр, а в случае заминки или неудачи прорыва в центре, охватывать неприятеля с флангов.

Все это Многогрешный знал, поэтому действовал осторожно, с учетом тактики противника и использовал преимущества своего огнестрельного оружия, не позволяя врагу заходить с флангов. Для начала требовалось вынудить тубинцев атаковать первыми. Шандочка тоже выжидал, считая, что русские должны начать атаку. Но непрерывные наскоки казаков на стойбище с флангов и их ружейный огонь вынудили его перейти к решительным действиям.

Точно неизвестно, сколько было у Многогрешного полевых пушек — 1, 2 или 3, но о том что они были, говорит такой факт: в отчете о бое сообщалось, что среди погибших служивых был один пушкарь. Атаку тубинцев его отряд встретил пушечной картечью и плотным ружейным огнем, что внесло замешательство в ряды атакующих, и они начали отходить. Однако эта хитрость Многогрешному была также хорошо известна: делая вид, что кочевники панически отступают, они пытались заставить казаков их преследовать, тем самым подставляя под удар своей наиболее боеспособной группы центра.

Видя, что уловка не удалась, князец начал атаку еще большими силами и на широком фронте, пытаясь охватить русских со всех сторон. Завязалась кровопролитная битва, которая продолжалась целый день. Ее исход решила атака мобильной группы казаков из засады во фланг наступающих. Всадники прорвались к месту, где находился князец, и не только разгромили его «ставку», но и ударом с тыла, внесли панику в ряды тубинцев. Небольшой части тубинцев удалось скрыться в лесах и засеках. Для их полного разгрома Многогрешный

оставил сына боярского Тита Соломатина с казаками и качинскими татарами, которые и завершили их уничтожение

Итог боя был впечатляющим: убито более 500 тубинцев, взято в плен свыше 600 их жен и детей, захвачено знамя князца, которое воевода Мусин-Пушкин отправил вместе с донесением о победе в Москву. Потери со стороны казаков были значительно меньшими: погибло 6 (в том числе 1 пушкарь) и был ранен 21 человек ⁷.

Разгром одного из самых агрессивных и сильных княжеств на юге Сибири имел исключительно важное стратегическое значение в окончательном присоединении этого региона к России. Он выбил ключевое звено союза кочевых племен и опору Джунгарского ханства из борьбы с русскими за юг Сибири. К тому же, сорвал планы похода союзной орды для разгрома Красноярского и прилегающих к нему острогов. Тубинское княжество, как крупная организационная структура, объединявшая кочевые племена в верховьях Енисея, перестало существовать. Его составные части (улусы и аймаки) также были ослаблены и были уже не в состоянии объединиться, а ясак стали платить непосредственно сборщикам Красноярского острога.

Другие княжества этого региона Сибири без тубинских улусов уже не представляли для России какой-то серьезной угрозы. Ликвидация Тубинского княжества охладила их агрессивность, показав силу и мощь России.

Не трудно представить, что было бы, не будь этого эпохального, опережающего планы кочевников, сражения. Набравшие силу княжества юга Сибири в союзе с Джунгарским ханством, находившимся в тот период на пике своего военного могущества, могли уничтожить Красноярский, а затем и Енисейский остроги, не говоря уже о более мелких крепостях на подступах к ним. Возможностей у России противостать объединенной орде было недостаточно. Уже это заложило бы новую историю Сибири, где вся территория ее южной части перешла бы под полный контроль Джунгарии. Если учесть, что через 30—40 лет она потерпит поражение от цинского Китая в борьбе за главенство в Центральной Азии и будет вытеснена оттуда, то ее кочевые племена, спасаясь от истребления, были бы вынуждены отойти на юг Сибири. В этом случае России пришлось бы включиться в долговременную борьбу не с кочевыми племенами Минусинской котловины, а с Джунгарским ханством, и не известно, как закончилось бы это противостояние в удаленном от центра России регионе.

Таким образом, сражение служивых Красноярского острога под командованием Многогрешного с тубинцами явилось знаковым событием — завершающим этапом масштабных военных действий против кочевых племен и Джунгарского ханства в этом регионе. В результате были решены стратегические задачи России по присоединению Сибири.

Однако после описанного победоносного сражения Сибирь не была окончательно присоединена к России, так как на юге Западной Сибири, особенно в верховьях Оби и Иртыша, а также в Таболо-Ишимском междуречьи военные действия продолжались. Однако следует иметь в виду, что их характер был иной, и речь шла уже не о присоединении территорий, на которые претендовала Россия, а об их удержании. Поэтому строительство Иртышской, Ишимской и Оренбургской оборонительных линий носило характер защиты осваиваемых

мых земель и недопущения прорыва джунгар и кочевников вглубь России.

К концу 1690-х гг. вновь беспокойно стало и на юге Средней Сибири. Улусы бывшего Тубинского княжества окрепли, восстановились и, подстрекаемые Джунгарским ханством и соседними княжествами, стали вновь осуществлять грабительские набеги на ясачных кыштымов и русские поселения. И хотя эти набеги по масштабу были небольшими и угрозу острогам и территориальной целостности контролируемой ими территории не представляли, однако терроризировали мирное население, не давая ему спокойно жить и заниматься созидательным трудом. На их агрессивность влиял пример Езерского (Исарского), Алтырского и Алтысарского княжеств, которые продолжали оставаться крупными группировками кочевников на юге Сибири. Хотя они отдавали ясак в Томский и Новокузнецкий острог, то есть формально выполняли договор о верности русскому царю, но своими разбойничьими налетами на русские поселения не давали мирному заселению пустующих земель этого края, нагнетали вооруженное противостояние русских и кочевников.

Служивые, посадские и ясачные люди стали в своих челобитных к царю и воеводам просить о защите их от набегов и грабежей. Необходимо было принять решительные меры к усмирению кочевников и установлению твердого контроля над всей территорией юга Сибири. Естественно, речь уже шла не о военных действиях, а о карательной операции, предотвращающей их разбойничьи набеги.

С этой целью воеводой в Красноярск был назначен стольник Мусин-Пушкин, зарекомендовавший себя как опытный администратор, государственный и решительный в своих действиях чиновник. Его назначение в Красный Яр было повторным. Первое воеводство приходилось на начало 1690-х гг. и было отмечено улучшением обстановки. При нем было нанесено сокрушительное поражение агрессивному Тубинскому княжеству (в 1692 г.), что привело к фактическому присоединению территории юга Сибири, стабилизировало обстановку в верховьях Енисея, укрепило авторитет Красноярска, как узлового транспортного пункта Восточной Сибири. Поэтому известие о назначении его и его сына (2-м воеводой), было встречено в остроге с большим удовлетворением. С их прибытием затихло недовольство служивых, и бунтов, подобных тем, что проходили до него, больше не было.

Мусин-Пушкин был хорошо осведомлен о положении дел в регионе, знаком с челобитными служивых и посадских людей к царю и к воеводам и их просьбами об усмирении кочевников. При его назначении воеводой в Царской грамоте (15 марта 1700 г.) ему была поставлена конкретная задача: совместно с Томским и Новокузнецким воеводами, действуя одновременно, но автономно и скрытно, разгромить по частям «Киргиз и Тубинцов и Алтырцов», обеспечить мирную жизнь в этом регионе.

Вслед за Царской грамотой был направлен воеводам Томского, Новокузнецкого и Красноярского острогов *«Указ о походе на Киргизов, Алтырцов и Тубинцов, для наказания за их набеги и разорения»*.

В нем давалась негативная оценка обстановке на юге Средней Сибири и в категоричной форме требовалось наказать кочевников *«...за их многое воровство и измены, и смирить их войною, и над теми*

*киргискими людьми чинить воинской поиск, сколько милосердый Бог по-
мощи подаст...»*⁸

Согласно этому Указу, операция по усмирению кочевников должна была проводиться совместными усилиями Красноярского, Томского и Кузнецкого острогов с учетом одновременного удара по княжествам с разных направлений.

Царский указ своей категоричностью преувеличивал опасность со стороны кочевников. Скорее всего, он был направлен на жесткое наказание племенных улусов за разбойничьи набеги и подчинение их непосредственно Администрации острогов. Этим самым прекращалась автономия Езерского, Алтырского и Алтысарского княжеств, которые к тому же являлись потенциальными плацдармами при нападении Джунгарского ханства.

Карательная акция Красноярского, Томского и Кузнецкого острогов была проведена без значительных военных столкновений, как с упомянутыми княжествами, так и с отдельными улусами (аймаками). После этого вся территория юга Средней Сибири полностью перешла под российский контроль и стала управляться администрациями острогов.

Несмотря на это, угроза со стороны Джунгарского ханства и кочевников еще оставалась и полностью была снята только через 6 лет после описываемых событий, когда был построен Абаканский острог. Он стал важным опорным пунктом и заслоном на пути перемещения кочевников и джунгар, а также административным центром по управлению и контролю за территорией верховьев Енисея и современной Хакасии.

Примечания

1. Памятники Сибирской истории XVIII века. Книга первая. Пб. 1882, с. 1—16; Допросы прибывших в Москву из Сибири служивых людей о набегах киргизов и выписка из дел Сибирского приказа «Акты исторические... 1700 января 18».
2. Ачинский и Канский остроги после их разорения кочевниками были перенесены на новые места: первый в 1682 г., а второй — в 1635—1636 гг. на места современных городов Ачинск и Канск соответственно.
3. Города и остроги земли Сибирской. Акты исторические... 1700 января 18.
4. В количественном отношении источники оценивают силу отряда по-разному. Так, историк С.В. Бахрушин утверждает, что отряд имел 750 чел., в том числе около 180 казачьих детей и более 80 ясачных людей. На наш взгляд, цифра 750 чел. завышена. См.: Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Научные труды. Т. IV. М. 1959, с. 40—44.
5. Василий Игнатьевич Многогрешный, экс-полковник черниговский — брат гетмана Восточной Украины Д.И. Многогрешного, сосланного в Сибирь в 1672 г. вместе с семьей и близкими людьми. Сам гетман был направлен в тюрьму Селенгинского острога, а остальные — в разные остроги Сибири. Василия Многогрешного, хотя и определили в «пешую казачью службу» Красноярского острога, но он долгое время содержался в тюрьме.
6. Сайдак — комплект вооружения конного лучника; панцирь («пансырь») — название разновидности кольчатого доспеха; куяк (от монгольского *хуяг* — *доспех*) — корпусный (прикрывающий туловище воина) пластинчатый доспех.
7. Города и остроги земли Сибирской. Акты исторические (1700...); Памятники Сибирской истории XVIII века, с. 1—16.
8. Памятники сибирской истории XVIII века. Книга первая. 1700—1713. СПб. 1882, с. 109—114.

Князь Владимир Сергеевич Голицын «Центральный»

Е.Г.Муратова

Имя князя Владимира Сергеевича Голицына (1794—1861) хорошо известно военным историкам, пушкинистам, лермонтоведам и специалистам в области генеалогии ¹. Он был младшим из десяти сыновей генерала Сергея Федоровича Голицына и племянницы Г.А. Потемкина-Таврического Варвары. Его богатая событиями биография, незаурядные личные качества и разносторонние таланты неизменно привлекают интерес исследователей.

Владимир Сергеевич Голицын был участником наполеоновских войн и Кавказских походов (1820—1829 и 1839—1847 гг.); известен как писатель, меломан и музыкант; он был близко знаком с А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым. В личном альбоме одного из участников Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов барона Бистрома сохранились четыре стихотворные записи, сделанные еще очень молодым В.С. Голицыным во время его лечения в Европе после военной кампании 1813—1814 гг., где он и познакомился с Бистромом. Сегодня этот альбом хранится в музее-панораме «Бородинская битва» ².

В конце 1820-х — начале 1830-х гг. Голицын близко общался с Александром Сергеевичем Пушкиным. Сохранились четыре письма князя Голицына к великому поэту. Одно из них, от 12-го апреля 1831 г., свидетельствует о том, что Голицын послал Пушкину сочинение Бальзака «Физиология брака», вышедшее в Париже в 1830 г., а также стихи и мемуары лорда Байрона ³. В этом и других письмах к Пушкину Голицын упоминает о поэтических занятиях и представляет свои стихи на суд великого поэта. Также в библиотеке Пушкина сохранилась книга «Палермские бандиты» с дарственной надписью Голицына, представляющая собой текст переведенного и изданного им либретто очень популярной в то время оперы «Фенелла». Блестящий перевод музыкально одаренного Голицына точно ложился на

Муратова Елена Георгиевна — доктор исторических наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета. Нальчик.

музыку ⁴. Кроме того, Голицын является автором музыки романса «Дарует небо человеку» на слова Пушкина из поэмы «Бахчисарайский фонтан». По свидетельству исследователей, Пушкин бывал в доме Голицына, был знаком с его женой и малолетними детьми. Через Д.Н. Гончарова в 1833 г. Александр Сергеевич занимал у Голицына большую сумму — 6000 руб. на полгода ⁵.

Достаточно тесные отношения связывали Голицына и с другим великим поэтом — М.Ю. Лермонтовым. Каждое лето кн. Голицын приезжал со своим семейством в Пятигорск и становился центром светского «водяного общества» благодаря своему выдающемуся жизнелюбию и таланту устраивать празднества. Даже знаменитый пятигорский Провал носил в то время название «Голицынский», поскольку именно Владимиру Сергеевичу принадлежала идея настелить над пропастью широкий помост для танцев и устроить увлекательный аттракцион по спуску всех желающих в воронку подземного озера. В 1841 г. к пятигорскому обществу князя примкнул и Лермонтов. Голицын был одним из свидетелей последних дней жизни поэта, а письмо князя к жене стало первым достоверным известием о гибели поэта на дуэли ⁶.

С 1842 по июль 1846 г. Голицын занимал должность начальника Центра Кавказской линии, поэтому и получил прозвище «Centre» — «Центральный». На этом поприще князь Голицын проявил себя как блестящий администратор. Однако данный период его карьеры менее всего изучен, и оценки его деятельности на этом посту носят противоречивый характер, впрочем, как и вся жизнь Владимира Сергеевича.

Комментируя назначение Голицына на эту должность, Г.И. Филиппсон, состоявший в то время в распоряжении командующего войсками Кавказской линии и Черноморского края, в своих мемуарах писал: «Центр Кавказской линии составляла Большая Кабарда и часть линии по Малке и Тереку до Моздока. Это был самый покойный уголок Северного Кавказа. Нельзя догадаться о пользе этого отдела, если только не предположить, что он сделан для симметрии, а все управление учреждено для того, чтобы дать приличное положение князю Владимиру Сергеевичу Голицыну... Он жил в укр. Нальчике и занимался служебными делами шутя» ⁷. Навряд ли такое суждение современника можно признать справедливым, поскольку должность начальника Центра Кавказской линии была учреждена раньше, еще в 1839 г., и до Голицына на этом посту сменилось несколько человек. Его успехи в великосветском обществе, обеспеченные знатностью, богатством и личным обаянием, могли вызывать зависть и раздражение менее успешных офицеров. А та легкость и размах, с которой князь обустроивал свой быт на новом месте службы, создавая приметы салонной жизни и формируя вокруг себя местное светское общество, возможно, порождали заблуждение в том, что он пренебрегал исполнением служебных обязанностей.

В Нальчикской крепости кн. Голицын вместе с женой Прасковьей Николаевной и младшей дочерью Александрой поселился в большом двухэтажном здании с широким балконом и четырьмя высокими колоннами. В их просторном и гостеприимном доме часто проходили приемы, на которых бывали кавказские офицеры и чиновники, а также представители местной аристократии. Даже сегодня этот са-

мый старый из сохранившихся в Нальчике домов на углу улиц Суворова и Революционной, где Владимир Сергеевич прожил четыре года своего пребывания в должности начальника Центра, носит название «голицынский».

Голицын начал исполнять обязанности начальника Центра Кавказской линии с лета 1842 г. в чине полковника и оставался в этой должности до лета 1846 г., когда его на этом посту сменил полковник Хлюпин в связи с обострением военной обстановки и вторжением Шамиля в Кабарду. Это был весьма насыщенный, сложный и драматический период как в жизни народов, находившихся в военном администрировании начальника Центра Кавказской линии, так и самого Владимира Сергеевича Голицына. Можно выделить несколько основных направлений его деятельности в этой должности.

В течение 1843 г. огромная работа была проведена Голицыным по сбору, систематизации и редактированию материалов по обычному праву (адатов) народов, находившихся под управлением начальника Центра. Следует отметить, что кавказская администрация большое внимание уделяла этой работе, поскольку фактически до середины XIX в. имперская власть не касалась основ общественного порядка народов Северного Кавказа, признавая действие у них норм обычного права и шариата. Попытки собрать и систематизировать адаты горцев в течение XIX в. предпринимались, по меньшей мере, трижды. Первая попытка была предпринята еще в 20-х гг. XIX в., когда генерал А.П. Ермолов, учредив Временный суд в Кабарде, предписал этому учреждению собрать подробные сведения об обычном праве кабардинцев. Вторая как раз приходится на время пребывания в должности начальника Центра Кавказской линии Голицына, когда в 40-х гг. XIX в. было проведено более широкое и систематическое изучение горских адатов по специально составленной программе. И, наконец, в 1860-е гг., в период подготовки модернизирующих реформ на Северном Кавказе кавказская администрация вновь занялась сбором обычно-правовых норм, регламентирующих сословные и земельные отношения народов региона.

Сборники адатов, собранные в 1840-е гг. офицерами Кавказской линии, оставались в течение долгого времени неопубликованными. В начале 80-х гг. XIX в. секретарь Ставропольского статистического комитета И.В. Бентковский принес в дар Одесскому университету рукописное собрание записей кавказских адатов в виде двух объемистых томов. Впервые они были изданы профессором этого университета Ф.И. Леонтовичем в 1882 году⁸. В 2002 г. это издание было повторено в Нальчике в серии «КЛИО». Леонтович в предисловии к изданию указывает, что публикуемая им рукопись в той части, в которой она нас интересует, озаглавлена «Полное собрание древних обрядов кабардинцев и прилегающих к ним племен (малкарцев и дигорцев), 1844 год». Сборник этот составлен под руководством начальника Центра Кавказской линии, генерал-майора, кн. Голицына при сотрудничестве ротмистра Давыдовского и секретаря Кабардинского временного суда майора Шарданова. В составе этого собрания — три самостоятельных памятника, изложенные в отдельных тетрадах («Кабардинские древние обряды», «Древние обряды балкарцев и других соседних обществ — хуламцев, чегемцев, урусбиевцев, карачаевцев и

безенгиевцев» и «Древние обряды дигорского общества»), каждая из которых подписана собственноручно Голицыным.

Голицын в своем рапорте № 343 командующему войсками Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанту Гурко от 26 февраля 1844 г., подробно изложил историю составления данного собрания. Не удовлетворившись сборником народных обычаев, представленных Кабардинским временным судом, Голицын обратился к «почтеннейшим старикам» всех народов, подведомственным управлению Центра Кавказской линии. Секретарь Кабардинского временного суда майор Шарданов проверял собственными воспоминаниями и записками показания стариков. По мнению Голицына, многие из зафиксированных обычаев не были столь популярны, но он посчитал важным передать их в том виде, в каком они были сообщены. Вместе с тем, на полях тетради кабардинских древних обрядов кн. Голицын собственноручно делал примечания к отдельным статьям с указанием на их источники — извлечены из преданий, записаны по показаниям стариков или содержались в старых сборниках руководства для судебных приговоров. Причем начальник Центра нередко указывал на разночтения статей адатов из разных источников. Относительно двух других тетрадей, содержащих записи обычного права балкарцев и дигорцев, в рапорте отмечено, что такого рода изыскания проведены впервые; и «российское правительство вполне может положиться на данные, которые без всякого противоречия прошли через столько рук»⁹.

Сверка «Древних обрядов балкарцев и других соседних обществ — хуламцев, чегемцев, урусбиевцев, карачаевцев и безенгиевцев» в издании Леонтовича 1882 г. с черновой рукописью балкарских адатов из фондов Российского государственного военно-исторического архива, предпринятая Е.С. Тютюниной¹⁰, позволяет в полной мере оценить вклад Голицына в работу по систематизации и редактированию норм обычного права балкарцев. Рукопись из РГВИА выполнена двумя писарскими почерками, имеет правку, сделанную рукой Голицына¹¹. Из 106 выявленных разночтений по меньшей мере 58 исправлений сделано собственноручно начальником Центра Кавказской линии.

В свое время Леонтович, имея возможность сравнить результаты работы по сбору обычно-правовых норм народов Северного Кавказа на различных участках Кавказской линии, высоко оценил роль Голицына. В частности, он указал, что сборник кн. Голицына как нельзя лучше приспособлен к целям, ради которых он составлен, в нем нет ни одной статьи исторического содержания или с характером «исследования». «Труд Голицына — весьма удачный опыт систематического описания и кодификации адатов согласно программе, предложенной Горским управлением. Как переработка существующего материала (старых сборников, бывших в употреблении в горских судах) по показаниям местных «стариков» настоящий сборник может действительно считаться «верным изображением сущности адата»¹².

Другое направление деятельности Голицына в должности начальника Центра Кавказской линии связано с упрочением российской власти в регионе. Он всеми силами стремился ограничить всевластие кабардинских князей и проводил политику, направленную на усиление влияния Кабардинского временного суда — административно-

судебного органа, учрежденного Ермоловым еще в 1822 г. в крепости Нальчик и подчиненного начальнику центра. Именно Голицын инспирировал объявление по всей Кабарде новых правил, установленных Кабардинским временным судом и направленных против «пристанодержателей, людей без письменного вида» и тех, кто вершил расправу в обход Кабардинского временного суда и не являлся по его требованию¹³.

Следует отметить, что введение российской системы управления на Центральном Кавказе проводилось поэтапно, и к 40-м гг. XIX в. не все присоединенные территории в одинаковой степени были интегрированы в административную систему Российской империи. Так, формально находившиеся в ведении начальника Центра Кавказской линии удаленные и труднодоступные балкарские общества слабо подчинялись администрированию, сохраняли привычный, веками сложившийся строй социальной жизни и самоорганизации. Попытки князя Голицына наладить там русское делопроизводство при оформлении судебных решений натолкнулись на существенные препятствия. В одном из предписаний Чегемским старшинам Голицын указал: «Вы просили у меня для разбирательства своих тяжбных дел писаря и переводчика. Вы меня заставили думать, что точно хотите порядка и устройства, но вышло совсем другое, дела не решаются и посланные мои живут по-пустому, умирая с голоду, почему предписываю Вам или переменить с ними обращение, или прислать их назад»¹⁴. Также этот документ указывает на укрывательство русских пленных в Чегемских горах. «В 1843 г. по распоряжению... князя Голицына из Чегемской Осетии от старшины Кучука Беймурзова вытребован пленный, показывающий себя московским жителем Дементием Хохловым. Этот человек при допросе показал, что он взят в плен еще в 1800 г. хищниками близ г. Пятигорска ..., его доставили в Чегемскую Осетию и продали старшине Беймурзову ...»¹⁵. Этот случай был далеко не единичный. В этот период административная власть начальника Центра Кавказской линии на территории Балкарии была в определенной степени номинальной и требовала постоянного укрепления.

Разбор судебных дел, касавшихся жителей отдельного балкарского общества, по-прежнему находился в компетенции старшин этого общества и эфенди. Однако теперь для исполнения судебных функций они приводились к присяге в Кабардинском временном суде «о правильном разбирании жалоб» и клялись в том, что будут рассматривать все дела «по справедливости, не делая поправки ни по какому случаю и никакому лицу»¹⁶, о чем Кабардинский временный суд доносил в управление центра Кабардинской линии.

Вовлечение Балкарии в орбиту политического влияния России на первых порах осуществлялось без особого институционального оформления административных прав империи. Сочетание военного администрирования с формами местного самоуправления, обращение к традициям, подключение существовавших ранее институтов должно было обеспечить более гладкий переход к новой власти и признание ее легитимности.

Помимо Кабардинского временного суда роль посредника для передачи распоряжений кавказской военной администрации на территорию балкарских обществ иногда выполняли представители ка-

бардинской княжеской знати, традиционно покровительствовавшие тому или иному ущелью. В частности, в рапорте начальника Центра Кавказской линии князя Голицына командующему войсками от 17 ноября 1842 г. в отношении чегемцев говорилось, что «за неопределением пристава все требования начальства к ним обращались через фамилию Атажукиных, которым они повиновались по привычке, укоренившейся в продолжение нескольких столетий до такой степени, что они долго не переставали платить часть прежней дани, но с некоторого времени прекратилась уплата эта, вместе с ней и влияние Атажукиных над народом, который с тех пор являл неоднократно неповиновение самому правительству. В таких обстоятельствах я считаю необходимым назначить пристава над малкарским племенем, составленным из Балкарцев, Чегемцев и Хуламцев, присоединив к ним и Урусбиевцев, без чего нельзя надеяться со стороны их совершенного повиновения»¹⁷. Именно Голицыну принадлежит решающая роль в учреждении института приставства в Балкарии.

Представление о необходимости установления должности пристава для горских обществ, находящихся в горах, за Кабардой, подавалось командующему Отдельным Кавказским корпусом еще в январе 1843 года. Полковник Голицын направил главноуправляющему генерал-адъютанту Нейдгардту рапорт, в котором сетовал на то, что балкарцы, хуламцы, урусбиевцы, чегемцы и малкарцы не имеют пристава, «через то затрудняется присмотр за ними центрального управления Кавказской линии»¹⁸. Малочисленность горских обществ позволяла назначить одного общего для них пристава. Инициатива начальника Центра Кавказской линии получила одобрение высокого начальства. Назначение специального пристава «балкарских народов» фиксируется по архивным документам только с середины 1846 года. Этот институт закрепил достигнутые результаты в деле политико-административного освоения горного района и одновременно расширил сферу российского административного влияния, поскольку определенная формализация управления (к этому времени институт приставства уже был введен в Чечне, Ингушетии и Осетии) вела к централизации и, следовательно, упрочению российской власти в этом регионе.

Еще одно направление деятельности, на котором было сосредоточено внимание Голицына, связано с заботой об экономическом и культурном развитии вверенного ему региона. Вероятно, князь Голицын был первым в истории Нальчика подписчиком петербургских газет «Русский инвалид» и «Северная пчела». И многое в истории края было сделано им впервые. Являясь ярким представителем просвещенной колониальной бюрократии, Голицын заботился о прокладке мостов и дорог, организации регулярной почтовой связи и даже объявил конкурс на лучшего хозяина-земледельца. Он ходатайствовал об открытии в Нальчике школы для обучения детей местного населения¹⁹; активно поддерживал научные изыскания первого кабардинского просветителя Шоры Ногмова по сбору народных преданий, полагая, что созданная им грамматика родного языка будет способствовать просвещению народа и позволит перевести на кабардинский язык священный Коран²⁰.

Уже с первых дней пребывания в должности начальника Центра Кавказской линии Голицын развил бурную деятельность. С его легкой руки 3 сентября 1842 г. в Нальчике открылись еженедельные базары. Голицын обязал Кабардинский временный суд «распоряжение это сделать известным народу и пригласить его на означенные базары, где они легко найдут сбыт своих произведений». В 1843 г. базарный день был перенесен с четверга на воскресенье. Кроме того 27 ноября 1842 г. по распоряжению князя в Нальчикской крепости учреждались две ярмарки в году: в апреле и августе ²¹.

Следующим шагом в развитии экономического благополучия населения, подведомственного начальнику Центра Кавказской линии, были меры по улучшению хлебопашества: по распоряжению Владимира Сергеевича кабардинские князья и уздени первых двух степеней могли бесплатно получить семенной материал неизвестных местному населению злаков, а также семена озимых культур, ржи, овса, льна и гречихи ²².

Князь Голицын внес большой вклад в развитие садоводства и огородничества в Кабарде. По его инициативе при крепости Нальчик была учреждена «школа огородного и садового мастерства». Князья и владельцы всех сел должны были послать для обучения агрономической науке по одному холопу ²³. Владимир Сергеевич «выписал из России отличного садовника с лучшими прививками всех сортов плодовых деревьев, а также огородными семенами самого высокого достоинства». Около крепости Нальчик был устроен огород, в котором этот садовник преподавал все, «что касается до садового и огородного искусства, упражняя учеников на деле при неослабном надзоре». Владельцы, отдавшие своих крестьян на обучение, получали возможность с января 1844 г. приобрести «прививки самых высоких сортов». «Таким образом, — обнадеживал Голицын, — через два года Кабарда может иметь все доселе ей неизвестные произрастания четырех частей света, а несколько позже и фруктовые сады, которые сделаются для нее источником изобилия и богатства» ²⁴. Эти фруктовые сады близ крепости Нальчик, заложенные крепостным садовником Данилой Трускиным, и положили начало общественному саду, на месте которого сейчас располагается Нальчикский парк — Атажукинский сад.

Голицын относился к той категории военных администраторов, которые понимали важность привлечения местных элит на службу империи. В 1842 г. в Санкт-Петербург в Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон (который позже стали называть собственный Его императорского Величества конвой) из ведомства Центра Кавказской линии были отправлены представители владельческих фамилий: князь Большой Кабарды Магомет Мисостов, уздени Умар Хапцов и Бек Мурза Трамов, балкарские старшины — Мамбулат Айдебулов и Батырбек Абаев, безенгиевский старшина Шампало Суншев, хуламский — Али Шакманов и чегемский — Умар Балкароков. Каждому из них на первоначальное обмундирование Голицын выдал более 50 рублей. Помимо эффектных представительских функций на полуэскадрон возлагались большие политические надежды. Горцы, поступавшие на службу в конвой, должны были быть знатного происхождения и приятной наружности, а также «преимущественно из тех, кои пользуются у единоплеменников особенным уважением, до-

казали преданность свою к русскому правительству и, следовательно, по возвращению из Петербурга могли бы действовать на умы единоплеменников своих в видах русского правительства»²⁵.

В период пребывания в должности начальника Центра Голицын не раз призывал кабардинскую знать и балкарских «почетных старшин к отдаче детей своих» в военные учебные заведения Петербурга, после окончания которых перед ними открывалась бы возможность успешной государственной и военной карьеры. При этом принадлежность детей к знатной фамилии, уважаемой в народе, а также заслуги родителей перед российским правительством являлись необходимыми условиями отбора претендентов. Только в 1843 г. для обучения в военные заведения Петербурга было отправлено шесть детей в возрасте до 13 лет²⁶.

Повышению политического статуса местной аристократии способствовали всякого рода официальные мероприятия. В декабре 1843 г. в Нальчик на торжества по случаю пожалования кабардинцам знамени Голицын пригласил представителей народов, находившихся в ведомстве начальника Центра Кавказской линии, и их соседей. Устроив поистине грандиозное празднование и превратив его в общественно-политическое мероприятие, он в своем рапорте сообщал: «Здесь были: малокабардинцы, чеченцы, балкарцы, дигорцы и др.... Князя, уздени, приглашенные гости в количестве 300 человек были приняты мною в зале, где танцевали европейские танцы и лезгинку. С 9 до 10 вечера продолжался фейерверк. Всего в торжестве участвовало более семи тысяч человек. Торжество продолжалось три дня»²⁷.

Не менее масштабными были мероприятия, связанные с отправкой в Санкт-Петербург делегации от кабардинского народа в январе 1844 года²⁸. Голицын написал краткую, но содержательную характеристику на каждого члена делегации, поручившись за их благонадежность. Владельцы всех аулов Кабарды и другие почетные лица от соседних народов съезжались в Нальчик, чтобы присутствовать при отъезде делегации. Не только выражение верноподданнических чувств и «принесение благодарности у подножия Всероссийского престола за пожалованное кабардинцам знамя», но гораздо более важная для народа задача была целью этой миссии. По мнению С.Н. Бейтуганова, своей главной задачей на предстоящей встрече с императором кабардинцы считали возвращение в свое время отторгнутых от них земель между реками Этока и Золкой. «В решении этой чрезвычайно важной для Кабарды задачи исключительно ценную, определяющую роль сыграл князь Голицын — наиболее прогрессивный, гуманный и дальновидный представитель кавказской администрации в Кабарде. Командующему войсками Кавказской линии и Черноморья Голицын 5 января 1844 г. писал: «Сколько я мог понять, то главная цель просьб делегации заключаться будет во Всемилостивейшем утверждении за Кабардою земель между речками Этокою и Золкою»²⁹. Его мнение, как местного начальника, заключалось в том, что одно слово императора о пожаловании земли кабардинцам «на вечные времена» могло надолго обеспечить спокойствие Кабарды. Несомненная заслуга князя состоит в том, что он тщательно подготовил успешную поездку делегации в Санкт-Петербург и дальнейшее решение этого жизненно важного для экономики Кабарды вопроса. По высочайшему

повелению в 1845 г. земля, лежащая по левому берегу Малки и Кичмалки и по верховьям Золки и Этоки, была предоставлена в пользование кабардинцам, хотя этот участок еще несколько лет не был «за ними формально утвержден»³⁰.

Конец карьеры Голицына в должности начальника Центра Кавказской линии связан с экстраординарными обстоятельствами. В апреле 1846 г. Шамиль совершил поход в Кабарду, но, не добившись успеха, вернулся в Чечню. В рапорте от 30 апреля 1846 г. генерал-адъютанта Воронцова Николаю I о результатах этого вторжения говорилось: «В Большой Кабарде некоторые князья, особенно двух фамилий, к нему пристали, но большая часть осталась верными и жители по Малке и по Баксану — все остались на местах и исполнили все приказания ген.-л. Гасфурда. кн. Атажукины, Месостовы и другие оправдали благородную доверенность к ним ген.-л. кн. Голицына и явились к нему в Нальчик. Все наши частные начальники несмотря на неожиданность сего движения исполнили свой долг усердно и неустомимо»³¹. Несмотря на последнее заключение кн. Голицын был обвинен в ослаблении управления вверенным ему участком Кавказской линии и смещен с должности начальника Центра в середине июля 1846 года.

Но даже в столь напряженный и ответственный момент не обошлось без свойственных Владимиру Сергеевичу Голицыну каламбуров и острот. По воспоминаниям одного из участников Кавказской войны В.А. Полторацкого, когда при вторжении Шамиля в Кабарду в спальню князя Голицына, к слову сказать — азартного картежника — ночью ворвался его адъютант с грозным известием: «Ваше сиятельство, партия, партия!», то тот спокойно спросил: «А кто третий?». Весьма характерна и переписка по этому поводу между Владимиром Сергеевичем и его сыном Сергеем. Узнав о поражении, нанесенном Шамилем в Кабарде, и о степени участия, принятого отцом Голицыным при отражении неприятеля, князь Сергей отправил с нарочным к нему в Нальчик конверт, с надписью на нем: «бывшему начальнику бывшего центра». Раздраженный злым сарказмом сына, отец адресовал ему ответ: «дураку Голицыну», немедленно же ему возвращенный с поправкой на официальном конверте: «от дурака дураковича»... Эта игривая полемика между отцом и сыном производилась посредством служебных сообщений нарочными джигитами в весьма критичный для карьеры Голицына момент³².

Итак, князь Владимир Сергеевич Голицын пребывал в должности начальника Центра Кавказской линии около четырех лет. Формы свободного времяпровождения, характерные для великосветского общества карточные игры, балы, фейерверки, вечера были перенесены Голицыным на новое место службы. Его дом, вокруг которого бурлила общественная жизнь, стал центром притяжения для кавказских офицеров, просвещенной публики и представителей местных народов. За этот короткий период своей карьеры в должности начальника Центра Кавказской линии со свойственной ему энергией и талантом он много успел сделать для административно-политического, экономического и социокультурного развития вверенных ему территорий. Неслучайно среди многочисленного рода Голицыных его отличает прозвище «Центральный».

Примечания

1. Голицын Владимир Сергеевич. Лермонтовская энциклопедия. М. 1981, с. 116; ЧЕРЕЙСКИЙ Л. А. Пушкин и его окружение. Л. 1989, с. 101—102; ОХОТИН Н.Г. Русские писатели 1800—1917 гг.: Биографический словарь. Т. 1. М. 1989, с. 607; Дворянские роды Российской империи. Князья. Т. 2. СПб. 1995, с. 46; ТЮТЮНИНА Е.С. «Центральный Голицын». — Кабардино-Балкарская правда. 5.01.1995, с. 3; БЕЙТУГАНОВ С.Н. Кабарда: история и фамилии. Нальчик. 2007.
2. АЛЯВДИНА Т.Т. Автографы князя В.С. Голицына в альбоме барона А.А. Бистрома. Хозяева и гости усадьбы Вязёмы. Материалы X Голицынских чтений. Ч.1. Бол. Вязёмы. 2004. URL: <http://potomky1812.ru/index.php/2012-02-09-19-55-30/43-2012-02-12-18-46-36/92-2012-02-12-18-50-14>.
3. Неизданные письма к Пушкину П. Публикации Л. Гарского, В. Нечаевой, Д. Якубовича. [Александр Пушкин]. М. 1934, с. 610. URL : <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/lit/lit-607-.htm>.
4. ЛАЩЕНКО С.К. «Фенелла» на сценах императорских театров. — Искусство музыки: теория и история. 2013, № 8, с. 21.
5. ЧЕРЕЙСКИЙ Л. А. Ук. соч., с. 107.
6. СОСНИНА Е. М.Ю. Лермонтов и князя Голицыны. URL: http://kmvline.ru/article/a_179.php
7. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. — Русский архив. 1884, № 2, с. 369—370. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Filipson_G_I/text7.htm.
8. ЛЕОНТОВИЧ Ф.И. Адагы кавказских горцев. Вып. 1—2. Одесса. 1882—1883.
9. ЕГО ЖЕ. Адагы кавказских горцев. Вып. 1. Нальчик. 2002, с. 84.
10. Балкария: Страницы прошлого. Вып. 5. Нальчик. 2007, с. 3—21.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 14949, оп. 1, д. 14, л. 40—50об.
12. ЛЕОНТОВИЧ Ф.И. Адагы кавказских горцев. Нальчик, с. 54.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1268, оп. 1, д. 466, л. 4.
14. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР), ф. 16, оп. 1, д. 311, л. 3.
15. Там же, ф. 31, оп. 1, д. 2, л. 30—30об.
16. Там же, ф. 16, оп. 1, д. 90, т. 1, л. 2об., 47.
17. РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 296, л. 6об.—7.
18. Там же, д. 386, л. 15об.
19. РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 574.
20. Там же, д. 478, л. 1—3.
21. ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 4, л. 309, 415.
22. Там же, л. 320.
23. Там же, л. 322.
24. БЕЙТУГАНОВ С.Н. Ук. соч., с. 177.
25. ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 3, л. 128—128об.; ф. 16, оп. 1, д. 90, т. 1, л. 87.
26. Там же, ф. 16, оп. 1, д. 604, л. 93об.; ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 4, л. 350—352.
27. Цит. по: Сквозь столетия. К дням Кабардино-Балкарии в Москве. 11—15 октября 1995. Нальчик. 1995, с. 28.
28. РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 558.
29. БЕЙТУГАНОВ С.Н. Ук. соч., с. 167.
30. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII — начале XX века. Сб. док. Нальчик. 1992, с. 262.
31. Движение горцев Северного Кавказа в 20—50 гг. XIX века. Махачкала. 1959, с. 507.
32. Воспоминания В.А. Полторацкого. — Исторический вестник. 1893, № 2, с. 373. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Poltorackij/text2.htm>.

Мнения губернаторов о местном волостном суде в 1860—1880-х гг.

А.П. Попп

В результате крестьянской и судебной реформ Александра II в России сформировались выборные местные судебные учреждения, которые действовали без существенных изменений до 1889 года. Пореформенный местный суд был территориально приближен к населению, обособлен от общих судебных инстанций. Он был независим от различного уровня администраций, отличался упрощенным судопроизводством, старался примирять конфликтующие стороны, имел право применять нормы обычного права, рассматривал незначительные судебные дела (иски до 500 руб.), формировался и финансировался местным населением.

Волостная юстиция — одна из составляющих местного судостроительства — действовала на основе Положения «О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 года¹. Ежегодно на крестьянском волостном сходе избирались волостные судьи (от 4 до 12 судей), которые на безвозмездной основе осуществляли правосудие в пределах волости. Не реже одного раза в две недели не менее 3-х волостных судей окончательно решали (без права апелляционного обжалования) судебные дела ценой иска до 100 руб. между крестьянами одной волости «о недвижимом и движимом имуществе, займах, покупках, продажах и всякого рода сделках и обязательствах, вознаграждения за убытки и ущерб». Если гражданское дело превышало установленную законом сумму, или недвижимость находилась вне крестьянского надела, или в тяжбе участвовали представители других сословий, то такие дела передавались в местный мировой или окружной суды.

Волостной суд рассматривал и маловажные уголовные крестьянские «проступки», совершенные только против лиц крестьянского сословия в пределах одной волости и без участия представителей других сословий. За мелкое воровство, мошенничество, драку в крестьянской общине волостной суд приговаривал к наказанию до 6 дней общественных работ, либо к денежному взысканию до 3 руб., либо к аресту до 7 дней или телесному наказанию до 20 ударов розгами (назначение меры наказания за каждый проступок предоставлялось на усмотрение самого суда). Таким образом, волостной суд в 1860—1880-х гг. —

Попп Иван Александрович — кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

это сословное, выборное, коллегиальное, независимое, безапелляционное судебное учреждение, применявшее нормы обычного права.

Деятельность этого судебного учреждения подвергалась критике и вызывала у современников множество вопросов. Уже к концу 1860-х гг. в профильных министерствах скопилось огромное количество заметок, ходатайств и предложений по реформированию волостного суда. Во всеподданнейшем отчете по реализации крестьянской реформы 1861 г. министр внутренних дел П.А. Валуев признавал, что «из всех новых общественных властей и учреждений наименее удались волостные суды»². Подобные взгляды сформировались и у министра юстиции К.И. Палена, который в письме к Валуеву не сомневался в «несовершенстве учреждения волостных крестьянских судов, действительно пользующихся по своему пристрастию доверием со стороны крестьянского населения»³.

На формирование мнения императора и членов Комитета министров большое влияние оказывали донесения губернаторов, которые сообщали в столицу актуальные сведения о социально-экономическом, общественно-политическом и культурном развитии вверенных им территорий. Сегодня эти источники пользуются большой популярностью среди исследователей дореволюционной истории России⁴.

Первые отчеты начальников губерний об организации и деятельности волостных судов появились в начале 1860-х годов. Виленский, владимирский, вологодский, волынский, екатеринославский, казанский, калужский, костромской, нижегородский, пензенский, пермский, рязанский, полтавский, саратовский, симбирский, смоленский, тамбовский, тверской хозяева губерний сообщали, что волостные суды действовали добросовестно, решения некоторых из них «замечательны» и могли бы служить примером «истинного правосудия». Некоторые начальники губерний так описывали практику волостных судей: «Есть множество примеров, что родители приводили в суд детей своих, жалуясь на непочтение к себе или на безнравственное поведение. Такого рода поступки наказывались всегда с особенной строгостью. Дела по спорам, возникающим вследствие семейных разделов, решаются, большей частью, сообразно исстари установившимся местным обычаям. Множество разнородных дел, подлежащих уже суждению волостных судов, служат ясным доказательством сознания крестьянами в существенной необходимости судов, а доверие, с которым они к ним обращаются, ручательством, что постановляемые ими решения совершенно беспристрастны»⁵.

Иная оценка звучала в отчетах ковенского и воронежского начальников губерний: «Суды крестьянские далеко не удовлетворительны, в решениях своих придерживаются, большей частью, старинных обычаев, не основательны и допускают лицеприятие. Волостные суды не приобрели еще никакого доверия»⁶. Киевский, оренбургский, Санкт-Петербургский, самарский, тульский и Ярославский губернаторы предпочли не высказывать оценочных суждений, сославшись на слишком короткий срок деятельности волостного суда.

Эти губернаторы в той или иной мере подвергали критике волостной суд, указывая на серьезные недостатки нового судебного учреждения: 1) судьи часто не учитывали степень «проступков» виновных и часто приговаривали крестьян к телесным наказаниям, «которые во многих случаях можно было бы заменить денежным штрафом или арестом»; 2) волостные начальники оказывали влияние на процесс судопроизводства, так как большинство решений составлялись писарями, подписывались сельскими старостами и волостными старшинами; 3) волостные суды не понимали «пределов своей власти» (рассматривали судебные дела, которые относились к компетенции мирового или окружного судов); 4) сообщали о мелких нарушениях судебного процесса: от-

сутствии записей решений волостных судов, недостаточное количество судей для вынесения приговоров; двойное наказание виновных за один и тот же проступок (штраф и розги) ⁷.

При подготовке судебной реформы 1864 г. особая комиссия «для начертания проектов законоположений о преобразовании судебной части» скрупулезно анализировала эти «замечания» губернаторов при обсуждении вопроса о предоставлении возможности мировым судьям рассматривать иски, подлежавшие ведению волостных судов. Мнения членов комиссии разделились, но большинство выступило против каких-либо взаимодействий волостных и мировых судов: «Извлеченные из отчетов начальников губерний о действии волостных судов, отзывы, говорящие против этих судов, относятся лишь к частным случаям, которые можно встретить во всяком и в особенности новом учреждении. Из общего же смысла означенных сведений видно, что волостные суды, по большей части, действуют удовлетворительно, и что начала, на которых они учреждены, соответствуя вполне нуждам и понятиям народа, ручаются, что при дальнейшем развитии означенных судов, они будут повсеместно хороши» ⁸.

Однако обособленность волостного суда от общих судебных учреждений и нерешенность организационных проблем ежегодно усиливали его критику. Губернаторы, председатели окружных судов и прокуроры, почти все мировые съезды «с замечательными единодушием описывают несовершенство волостных судов и требуют в этом отношении коренного преобразования... Нельзя не изумляться, что люди, столь разносторонне направленные и развитые, из самых отдаленных и разнообразных местностей, могут во мнениях и суждениях своих так близко с собой сходиться» ⁹.

Во второй половине 1860-х гг. начальники губерний надеялись без «коренных преобразований» усовершенствовать деятельность этого местного судебного института. Одной из таких попыток стало требование рассылки общих сельских судебных уставов: «Волостные суды, не имея ни судебныхников, ни прямого разъяснения, какие из маловажных проступков уголовного характера подлежат их обсуждению, по недоразумению или неправильно отказывают в разбирательстве обращающимся к ним просителями, или, наоборот, принимают к рассмотрению такие дела, которые им вовсе неподсудны». Это требование получило отказ в связи с отсутствием «данных» для составления руководств, а также грамотных волостных судей, для которых подобные правила «послужили бы непреодолимой преградой к установлению самостоятельной крестьянской расправы» ¹⁰.

С 1866 г. крестьяне смогли обжаловать в съездах мировых посредников решения волостных судов в кассационном порядке ¹¹, но это частное нововведение не улучшило ситуацию, так как тяжущиеся чаще всего обращались с просьбами о пересмотре дела «по существу». Происходило усиление общественных дискуссий, результатом чего стало создание специальной комиссии «высочайше учрежденной для подробного обсуждения вопроса о волостных судах», которую в 1871 г. возглавил сенатор и член Государственного совета М.Н. Любоцинский ¹². Для мониторинга «положения волостных судов» члены комиссии скрупулезно собирали сведения в 17 российских губерниях, источниками которых стали словесные опросы крестьян, письменные отзывы и мнения должностных лиц, описания процесса судопроизводства и решений волостных судов ¹³.

Существенный вклад в оценку деятельности волостных судов внесли начальники исследовавшихся комиссией губерний. Единственным противником волостной юстиции был владимирский губернатор, желавший «переустройства волостных судов на совершенно иных началах». Остальные указывали на «неудовлетворительное» состояние волостной юстиции, но считали невозможным ее ликвидацию и предлагали систему мер по развитию местного волостного суда: 1) издать сельский судебный устав с определенными нормами обычного

права; 2) усилить надзор за волостными судьями через контроль выборов судей; 3) ввести волостной суд в структуру мировой юстиции и обжаловать дела в апелляционном порядке; 4) повысить престиж волостного суда через введение оплаты труда и особых знаков отличия судей ¹⁴.

По итогам «обследования» сенатор Любошинский выделил основные причины «недостатков» волостного суда, среди которых назывались неграмотность судей, их зависимость от волостных старшин и писарей, существование крестьянских самосудов, безапелляционность решений волостного суда, отсутствие надзора и контроля над ним, а также работа судей на общественных началах и краткий срок их службы. Все эти недостатки назывались губернаторами и были отражены в итоговом отчете Любошинского: «Приняв во внимание вышеуказанные недостатки волостных судов, нельзя не прийти к заключению, что они настолько существенны, настолько подкапывают в корень правильный ход правосудия, настолько несовместны с идеей суда, хотя бы и по маловажным делам, что требуют неотлагательных мер к их преобразованию» ¹⁵.

Несмотря на однозначный вывод сенатора, в 1870-х гг. не произошло кардинальных изменений в устройстве волостного суда, а критика и жалобы на него усиливались. Уездные и губернские земские собрания через губернаторов обращались в министерства юстиции и внутренних дел с ходатайствами об изменениях в организационной структуре волостной юстиции. Основное предложение — это подчинение в апелляционном и кассационном порядках волостного суда судебным-мировым учреждениям ¹⁶. Причем не все губернаторы поддерживали подобные идеи. Так, в 1879 г. харьковский начальник губернии отмечал, что в таком случае «количество дел у мировых судей должно более, нежели удвоиться, а, вместе с тем, и затруднится своевременное их разрешение. Соответственное же увеличение состава мировых судей, а, следовательно, и новые значительные со стороны земства расходы на этот предмет в настоящее время вряд ли будут по силам земству» ¹⁷.

Проблемы существовали не только в устройстве местного волостного суда, но и в работе всей системы местного управления, поэтому «вследствие многократных и настоятельных представлений губернских начальств» Министерство внутренних дел признало необходимость «всесторонних» и «коренных» изменений в устройстве крестьянских учреждений. В конце 1870-х гг. последовало высочайшее повеление о производстве общих сенаторских ревизий в девяти губерниях империи, причем сенаторам поручалось «убедиться в степени удовлетворительности настоящего устройства крестьянских учреждений и войти в соображение о необходимых в сем отношении мерах, а также обратить вообще внимание на положение общественного управления крестьян» ¹⁸.

В 1880—1881 гг. Саратовскую, Самарскую, Уфимскую, Казанскую, Оренбургскую, Воронежскую, Тамбовскую, Черниговскую и Киевскую губернии «ревизовали» сенаторы. В личных беседах они рассказывали «про все безобразия, которые делаются в провинции» ¹⁹, понимая необходимость коренного переустройства губернских и уездных учреждений, их «приближения» к населению. Каждый сенатор искал объяснения неустроенности местного управления. С.А. Мордвинов, направленный в Воронежскую и Тамбовскую губернии, видел причины общей «неустроенности» не только в «медленности», «равнодушии» и «формальном отношении к делу», но и в пьянстве, «беспорядке и распушенности крестьянского самоуправления». Негативно отзывался он и о должностных лицах крестьянского самоуправления, которые «потеряли в глазах народа всякое доверие» ²⁰. Подобное мнение высказал А.А. Половцов, объехавший Киевскую и Черниговскую губернии ²¹. Волостной суд оценивался большинством сенаторов крайне негативно: находился под влиянием волостного начальства, был «бесконтрольным» и «безапелляционным» институтом, не

соответствовал социальным переменам, происходившим в крестьянской среде «под влиянием новых условий их быта»²². Сенаторские ревизии представили «подробную картину местной неурядицы, многоначалие, при отсутствии действительной власти, разъединение действий, неопределенность предметов ведения, формальное отношение большинства местных органов к своему делу и неудовлетворение в достаточной мере самых насущных потребностей населения»²³.

4 сентября 1881 г. была создана особая комиссия под председательством бывшего псковского губернатора, затем члена Государственного совета М.С. Каханова для содействия «правительству к разрешению сложной задачи преобразования губернского управления с достижением желательного объединения действий всех административных учреждений и присутствий, сокращению стесняющих формальностей, усилению разрешающей на месте власти к надлежащему обеспечению в сохранении и ограждении государственного и общественного порядка»²⁴.

В рамках работы этой комиссии Министерство внутренних дел обязало губернаторов предоставить «соображения по вопросам преобразования местных учреждений». Начальники губерний презентовали планы по улучшению системы местного управления, а с ними — и совершенствование деятельности волостных судов. Главная мысль оставалась неизменной: необходимо сохранить волостной суд и подчинить его в апелляционном порядке судебным учреждениям²⁵.

В этой связи интерес представляют взгляды одного из самых реакционных губернаторов, а затем и членов Государственного Совета эпохи Александра III — А.К. Анастасьева²⁶. В 1883 г. Александр Константинович занимал пост пермского губернатора и дал убийственную характеристику волостному суду: «Не пользуется популярностью в народе, так как решения их (волостных судей) нередко основываются на лицемерии и подкупе, отправление судьями своих обязанностей превращается иногда в пьяную оргию, в которой принимают деятельное участие и тяжущиеся. На решения судов имеют противозаконное влияние не только старшины и писаря, но и другие лица, проживающие в волости, как, например, кулаки. Чтобы избежать неправды, царящей в волостных судах, крестьяне нередко преувеличивают свои исковые требования, чтобы сделать их подсудными мировому судье или же обращаются к самосуду». Несмотря на неприязненное отношение Анастасьева ко всем выборным и независимым пореформенным учреждениям (земство, мировой суд), он предложил пойти на ограничение компетенции волостных судей и учредить «для них апелляционную инстанцию в лице мирового судьи», а для рассмотрения крестьянских жалоб приглашать двух волостных судей с правом совещательного голоса. Это позволило бы, по мнению губернатора, установить «живую связь» между волостными и мировыми судебными учреждениями и «будет служить лучшим средством к окончательному слиянию крестьянских судов с общими судебными установлениями»²⁷. Таким образом, губернаторы предлагали создать единый местный суд, который отвечал бы насущным потребностям всех сословий обширной Российской империи.

В январе 1885 г. при обсуждении проектов местного управления члены кахановской комиссии опирались на собственный опыт и широкий круг источников, который складывался на протяжении десятилетий из ходатайств земств, мнений губернаторов, сенаторских ревизий и т.д. При обсуждении вопроса о волостном суде лишь один Н.А. Ваганов из 33 членов комиссии заявил о необходимости совершенного упразднения волостных судов²⁸. Большинство пришло к заключению, что, «хотя существующий волостной суд и должен быть признан вообще установлением неудавшимся, но простое упразднение его, с

подчинением всех крестьянских дел общему суду, представлялось бы и несогласным с собственным желанием крестьян, и несоответствующим указаниям самой жизни».

Результатом работы комиссии стал проект обновления волостного суда, включавший следующие основные положения: 1) проводить выборы волостных судей не на общих волостных сходах, а на отдельных сходах сельских обществ; 2) утверждать избранных судей «правительственной властью»; 3) составлять присутствие волостного суда из четырех судей под председательством мирового судьи; 4) ограничить юрисдикцию волостного суда в уголовном судопроизводстве; 5) обжаловать решения волостных судов в кассационном порядке на съездах мировых судей²⁹. Эти нововведения, соответствовавшие принципам судебной реформы 1864 г., позволили бы усилить надзор над волостными судьями, включить их в общую систему судопроизводства, создать единый местный суд и постепенно модернизировать правовое сознание крестьянства.

В апреле 1885 г. император распустил комиссию, а все материалы были переданы в канцелярию Министерства внутренних дел³⁰. В 1886 г. консервативный министр внутренних дел Д.А. Толстой предложил Александру III альтернативный план, основанный на «ясном понимании коренных самобытных основ русской государственной жизни»³¹. Этим планом стал проект о земских участковых начальниках, которые должны были не только контролировать волостных судей, но и накладывать дисциплинарные взыскания, временно устранять или окончательно отрешать их от должности, отменять решения судей даже если «не было принесено жалобы участвующими или заинтересованными в деле лицами»³².

Этот радикальный проект ставил под административный контроль волостных судей, окончательно отрывал их от общих судебных учреждений, закрывал дискуссии о создании единого выборного, независимого местного суда и отвечал лишь интересам наиболее реакционных губернаторов, которые в лице земских начальников получали не только подчиненных, но и надзирателей низших судебных учреждений. Олонецкий губернатор Г.Г. Григорьев не скрывал, что если Положение 19 февраля 1861 г. не предоставляло право активного вмешательства в дела крестьян, то реформа 12 июля 1889 г. устранила все эти «недостатки»: «Закон этот предоставляет назначить соответствующее местным условиям количество земских начальников, которые в качестве администраторов и судей становятся в повседневное соприкосновение с сельской жизнью» для осуществления реального надзора государственной власти над крестьянским самоуправлением³³.

Таким образом, мнения губернаторов о деятельности местного волостного суда существенно влияли на формирование взглядов императора и высших чиновников страны. Большинство начальников губерний считали невозможным ликвидацию волостного суда, решавшего огромное количество незначительных судебных дел в крестьянской среде. Вместе с тем, хозяева губерний видели существенные недостатки этого сословного судебного института и постоянно предлагали его реформировать. Ходатайства, мнения, доклады и проекты о преобразовании волостного суда требовали постоянного мониторинга ситуации со стороны власти, поэтому для исследования проблемы назначались сенаторские ревизии (начала 1870-х и начала 1880-х гг.). Ревизоры доносили до императора проекты преобразования волостных судов, которые опирались на принципы Судебных уставов 1864 г. и соответствовали требованиям модернизации правового сознания российского общества. Однако убийство Александра II коренным образом повлияло на процесс преобразования волостной юстиции, закрепив на долгие годы в местном судопроизводстве принципы сословности и подчиненности административной власти.

Примечания

Работа выполнена в рамках исследования, финансируемого грантом РГНФ № 13-11-66003 а(р).

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-2), т. 36, ч. 1, № 36657, с. 155—169.
2. Научно-справочная библиотека Российского государственного исторического архива (НСБ РГИА). Крестьянское дело (из отчета министра внутренних дел за 1861—1863 годы). СПб. 1865, с. 29.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1405, оп. 66, д. 3482а, л. 12об.
4. МИНАКОВ А.С. Всеподданнейшие отчеты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи: проблема архивной эвристики. — Отечественные архивы. 2009, № 1, с. 28—35; ДЯТЛОВА Н.П. Отчеты губернаторов как исторический источник. Проблемы архивоведения и источниковедения. Материалы научной конференции архивистов. Л. 1964, с. 227—247.
5. НСБ РГИА. Печатная записка № 982, с. 1, 5.
6. Там же, с. 3, 5.
7. Там же, с. 1—13.
8. РГИА, ф. 1405, оп. 66, д. 3482а, л. 252об.—253.
9. Там же, л. 50.
10. Там же, л. 69об., 76об. — 77.
11. ПСЗ-2, т. 41, ч. 1, № 43014, с. 132—133.
12. См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Отзывы различных мест и лиц. СПб. 1873, с. 1—635; ЗАРУДНЫЙ М.И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб. 1874, с. 3—193; ЕГО ЖЕ. Опыт исследования местного крестьянского суда (по данным, собранным комиссией о волостных судах). — Журнал гражданского и уголовного права. 1874, № 3—4, с. 170—211.
13. См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1—8. СПб. 1873—1874.
14. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Отзывы различных мест и лиц. СПб. 1873, с. 1, 55, 177, 267, 403—408, 571—573.
15. НСБ РГИА. Печатная записка № 645. Записка сенатора М.Н. Любошинского по вопросу об устройстве крестьянских судов, с. 1—4.
16. РГИА, ф. 1405, оп. 66, д. 3482в, л. 63—63об., 72—78, 116—117, 135—135об., 212—212об.
17. Там же, л. 213.
18. Там же, л. 218об.—219.
20. БОГДАНОВИЧ А.В. Три последних самодержца. М. 1990, с. 68.
21. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 290, п. 150, д. 6, л. 5—6, 12—14, 17об.
22. Там же, п. 148, д. 2, л. 46—55.
23. Там же, п. 147, д. 5, л. 4об.; п. 150, д. 6, л. 5—6, 12—14, 17об.; РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 9, л. 203—204.
24. НСБ РГИА. Печатная записка № 144. Журнал заседаний комиссии М.С. Каханова № 4 от 5, 9, 13, 16, 20, 23, 27, 30 октября 1884 г., с. 4.
25. РГИА, ф. 1284, оп. 241, д. 83, л. 210—215.
26. Там же, ф. 1282, оп. 2, д. 13, л. 129; Материалы по преобразованию местного управления в губерниях. Доставлены губернаторами, земством и присутствиями по крестьянским делам. Т. 3. СПб. 1884, ч. 1, с. 105, 123, 180.
27. РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 13, л. 368—369.
28. НСБ РГИА. Печатная записка № 144. Журнал высочайше учрежденной особой комиссии для составления проектов местного управления № 7 от 19 и 22 января 1885 г., с. 4—5.
29. Там же. Печатная записка № 3046. Очерк предположений большинства членов совещания особой комиссии по составлению проектов местного управления, с. 21—22.
30. Там же. Печатная записка № 144. Журнал высочайше учрежденной особой комиссии для составления проектов местного управления № 19 от 11 апреля 1885 г., с. 6.
31. РГИА, ф. 1284, оп. 241, д. 51, л. 18—20.
32. Там же. Печатная записка № 987. Проект положения о земских начальниках и о губернских по сельским делам присутствиям, с. 53—55.
33. НСБ РГИА. Печатная записка № 2853. Всеподданнейший отчет олонецкого губернатора за 1889 г., с. 11.

Сенаторская ревизия Туркестанского края в 1908—1909 гг.

С.В. Любичанковский

Историческое пространство Российской империи, с точки зрения существовавших механизмов государственного управления, было сложноорганизованным. Однако параллельно с тенденцией учета при построении вертикали власти региональной специфики, без сомнения, существовало стремление унифицировать систему местного государственного управления империи, используя в качестве эталона устройство пятидесяти (к 1914 г.) губерний европейской России, управляемых с 1892 г. согласно нормам «Общего Учреждения Губернского».

Это противоречие носило диалектический характер. В каждом из названных направлений структурирования пространства империи были заложены не только положительные, но и отрицательные последствия. Ориентация на так называемые «исконные» модели управления той или иной территории усиливала эффективность властных отношений за счет учета социокультурных особенностей региона, но при этом подчеркивала самобытность края и, в конечном итоге, создавала основу для сепаратистских настроений. Унификация механизмов власти на местах усиливала прочность империи за счет повышения уровня централизации государства, но лишала правительство возможности опираться на веками выработанную систему властных отношений в регионе, соответствующую ментальности его населения, что снижало эффективность управления. Сочетание этих двух подходов к организации пространства России создавало потенциальную возможность «гасить» нежелательные тенденции и, на наш взгляд, являлось одной из причин двухвековой стабильности существования Российской империи.

Целью настоящей работы является анализ senatorской ревизии Туркестанского края 1908—1909 гг. как механизма управленческой унификации пространства Российской империи. Такая постановка вопроса связана с тем, что возглавивший ревизию граф К.К. Пален по ее итогам рекомендовал «преобразовать областные учреждения края по образцу губернских учреждений Европейской России»¹. Таким образом, сенатор фактически предложил преобразовать Туркестанский край (Сыр-Дарьинская, Ферганская, Самаркандская, Се-

Любичанковский Сергей Валентинович — доктор исторических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета.

миренская, Закаспийская области) в генерал-губернаторство наподобие Киевского, управляемого по «Общему Учреждению Губернскому».

Представляет интерес способ обоснования Паленом предложенной реформы. Он фактически сводился к негативной оценке качества функционирования местного госаппарата. Рассмотрим этот вопрос на примере оценки комиссией Палена таких ключевых звеньев регионального управления Российской империи, как институты губернаторства, областного правления, а также городской и уездной полиции.

Ревизия графом Паленом областей Туркестанского края позволила сенатору оценить деятельность местных губернаторов следующим образом.

Во-первых, губернаторы были чрезвычайно зависимы от Туркестанского генерал-губернатора, точнее говоря, от его канцелярии, поскольку в силу громадного объема обязанностей «главного начальника» края его секретариат, по оценке сенатора, «не является ныне только исполнительным органом, но пользуется во многом и распорядительной властью за счет власти Генерал-Губернатора»². Сложилось положение, при котором губернаторы нередко получали «столь властные указания управляющего канцелярией Начальника края, какие в коренной губернии губернатор не получает даже от главы ведомства... Губернаторы превратились в исполнительные органы Ташкентских канцелярий»³.

Во-вторых, власть губернатора была сильно ограничена различными ведомствами, не подчиненными МВД⁴. Они стремились решать вопросы напрямую через своих местных представителей, не согласовывая свои действия с главой области. В результате, например, «в вопросах заведывания государственным имуществом в области помощники губернаторов действуют совершенно от губернаторов независимо, так как их ближайший начальник в этом деле — начальник Управления Земледелия и Государственных Имуществ»⁵.

В-третьих, «наиболее слабою стороною деятельности губернаторов оказалось совершенное почти отсутствие контроля над подчиненными». Оно выражалось, в первую очередь, в «снисходительном, иногда до крайности, отношении областной власти к должностным преступлениям и недочетам ее служащих». Именно в подобных условиях становилось возможным, например, назначение в Самаркандской области на должность участкового пристава лица, трижды к тому времени привлекавшегося к уголовной ответственности за служебные преступления и неоднократно подвергавшегося дисциплинарным взысканиям»⁶.

Губернское (в областях Туркестанского края — областное) правление являлось в Российской империи в исследуемый период, согласно закону, высшим административным коллегиальным учреждением губернии (области), своего рода местным правительством⁷. Конечно, в действительности этот орган губернской администрации к началу XX в. находился в большой зависимости от губернатора и МВД⁸. Тем не менее, даже если стать на крайнюю точку зрения и признать губернское (областное) правление одной из канцелярий губернатора⁹, то следует помнить, что в условиях существовавшей системы управления «начальники губерний» зачастую предоставляли «существо дела ведению докладчиков» — канцелярских чиновников¹⁰. В данном случае речь идет, в первую очередь, об административно-полицейском направлении деятельности.

Граф Пален в своем отчете императору счел нужным дать областным правлениям Туркестанского генерал-губернаторства следующую характеристику: для работы областных правлений было характерно «чисто формальное... и канцелярское отношение к самым важным и насущным вопросам управления и хозяйства края». В результате даже «дела, по существу однородные, разрешались в разное время различно» и при том только после «особых напоминаний со стороны Главного Начальника края»¹¹. Ревизией была выявлена волокита в дея-

тельности областных правлений. Констатировался процесс «возрастания из года в год числа остающихся неоконченными дел». Некоторые из них были начаты еще в 1892 году¹². Сенатор указал на низкий образовательный уровень служащих областных правлений, в том числе и руководящего состава. Один вице-губернатор и два советника в 1909 г. вообще имели только начальное образование¹³. Имело место «очень снисходительное» отношение областных правлений к должностным преступлениям. Вопреки требованиям закона, большинство подобных дел, несмотря на доказанную вину чиновника, решалось не в судебном, а в административном порядке¹⁴, что и позволяло правлениям принимать самое активное участие в их рассмотрении. Возбужденные по жалобам на действия чиновников дела «настолько затягивались, что многие из них, за смертью обвиняемых, пришлось направить на прекращение».

Причем в таких разбирательствах оказывались замешаны и высшие чины правлений. Если же дело о служебном преступлении доходило до этапа назначения наказания, то последнее отличалось неоправданной мягкостью. Чаще всего это были «замечания» и «строгие замечания», вынесение которых не было сопряжено с материальной ответственностью или понижением в должности¹⁵. Более того, одного пристава, который в 1907—1908 гг. «за целый ряд проступков и преступлений по службе» был восемь раз привлечен к ответственности, Самаркандское областное правление через одиннадцать дней после очередного предания суду повысило в должности¹⁶.

Городская и уездная полиция, подчиненная на местах губернскому (областному) правлению и губернатору, была и оставалась основным «силовым органом» местного управления. Ее значение определялось также тем, что в обязанности полицейских управлений входило не только поддержание общественного порядка, но и многие строительные, медицинские, ветеринарные и другие функции.

Сенатор Пален, ревизующий Туркестанский край, уделил в своем отчете анализу деятельности полиции отдельный том¹⁷. За время своей работы в генерал-губернаторстве его комиссия накопила огромное количество документов о злоупотреблениях конкретных полицейских чиновников, как в виде анонимных указаний, так и в виде грамотно оформленной доказательной базы¹⁸. На их основе Паленом были сформулированы некоторые обобщающие оценки функционирования местной городской и уездной полиции.

Во-первых, для туркестанской полиции было характерно «полное отсутствие надзора... за действиями приставов»¹⁹. Отсутствие контроля порождало отсутствие ответственности.

Во-вторых, полиция настоятельно (сенатор написал «с необходимостью») нуждалась в привлечении «в ее состав лиц, вполне благонадежных в нравственном и служебном отношении»²⁰. Взяточничество в полицейской среде было обыденным делом. Как откровенно было сказано в одном из коллективных анонимных заявлений жителей Ферганской области, «это всякому известно». Денежная документация велась управлениями «в высшей степени небрежно», «настолько небрежно, что на основании ее (ревизорам. — С.Л.) не представилось возможным проверить правильность прихода и расхода». «Сличительные ведомости не составлялись, расходы на канцелярию не оправдывались документами и ежемесячный аванс выбирался произвольно... Требовательные ведомости на жалованье служащим в полиции не отправлялись в Контрольную Палату годами»²¹.

В-третьих, местная полиция не принимала «своевременно мер к расследованию» должностных преступлений среди своих служащих, в результате чего истину становилось выяснить, как дипломатично высказался сенатор, «затруднительно»²².

Таким образом, анализ и систематизация материалов ревизии ²³ позволяет сделать вывод о том, что данная графом рекомендация о переводе Туркестанского края из ведения Военного министерства в ведомство МВД была основана на доказательстве: низкой эффективности устройства системы областных учреждений управления края; неудовлетворительности кадрового состава областных учреждений управления края.

Основные причины низкой эффективности устройства системы областного управления сенатору выделились в следующем:

1. Полная зависимость губернатора от управляющего канцелярией генерал-губернатора: «губернаторы... превратились в исполнительные органы Ташкентских канцелярий...».

2. Отсутствие единства власти и согласованности действий в областном управлении, выражающееся в отсутствии реального влияния губернатора на политику, проводимую местными учреждениями других ведомств.

3. Перегруженность областных правлений разнообразными и «весьма сложными» административно-хозяйственными делами, что привело к развитию волокиты и формализма в их решении.

4. Недостаточное («ничтожное») финансирование канцелярских и хозяйственных расходов местных учреждений управления.

Основные причины неудовлетворительности кадрового состава областных учреждений также сводились к четырем составляющим:

1. Наличие тенденции назначения на должности помощников губернатора лиц, отличившихся по службе в канцелярии Главного Начальника края.

2. Низкий уровень образованности даже среди высших чиновников: например, в 1909 г. один вице-губернатор и два советника областных правлений имели начальное образование.

3. Перекладывание губернаторами контроля над служебной деятельностью подчиненных на их непосредственное начальство.

4. «Снисходительность, иногда до крайности», отношения областной власти к должностным преступлениям ее служащих.

Изучение каждого из восьми вышеперечисленных пунктов приводит к выводу о том, что ликвидация этих недостатков областного управления Туркестанского края не могла быть связана с введением в областях губернских учреждений на началах «Общего Учреждения Губернского», поскольку для внутренних европейских губерний Российской империи были характерны те же или схожие проблемы: губернатор в большой степени зависит от канцелярии генерал-губернатора и от глав департаментов МВД — в начале XX в. ему не подчинялись целые области управления; губернское правление не справлялось с возложенными на него обязанностями; финансирование канцелярских и хозяйственных расходов губернских учреждений, как и оклады содержания их служащих, не отвечали имевшим место реалиям; уровень образованности руководства губернии падал; должностные преступления систематически замалчивались.

О наличии этих и многих других проблем в губерниях, управляемых по «Общему Учреждению Губернскому», в начале XX в. было известно. Острота этих проблем была такова, что их решением с 1898 по 1916 гг. занимались на самом высшем уровне комиссии и совещания под руководством И.Л. Горемыкина, В.К. Плеве, С.Д. Урусова, П.А. Столыпина, Б.В. Штюрмера ²⁴. С 1909 г. чиновники, занимавшие важные посты в государстве, вынесли свое видение способов устранения имевших место недостатков на публичное обсуждение, в рамках научной дискуссии ²⁵. Этот факт является индикатором углубления кризиса системы губернского управления европейской России, поскольку публичные выступления государственных служащих с изложением личной пози-

ции по вопросам государственного управления прежде не практиковались и никогда не поощрялись.

Трудно предположить, что всего этого не знал граф Пален. Тем не менее, он связал ликвидацию отрицательных сторон областного управления в Туркестанском крае с необходимостью перехода к внутреннему стандарту империи в сфере губернского управления. На наш взгляд, такая позиция сенатора вполне объяснима, если рассматривать возглавляемую им ревизию как механизм управленческой унификации исторического пространства Российской империи. В этом случае смысл его действий становится очевидным: «громко» изобличить беспорядки в системе областного управления Туркестанского края, дабы создать благоприятную почву, своего рода «завесу» для проведения задуманных центром преобразований. Нетрудно было просчитать, что поддержка образованной общественности в деле борьбы со своим зачастую действительно некомпетентным и нечистоплотным непосредственным начальством закономерно будет высока. И эта цель, судя по материалам ревизии, была достигнута. Используя ресурс общественной поддержки, под видом оптимизации устройства областного управления и противостояния служебным злоупотреблениям, центральное правительство начало работу по управленческой унификации пространства империи в Туркестанском крае.

В декабре 1910 г. под председательством Т.С. Харитонова Совет министров образовал «особое совещание для выработки, на основании добытых ревизией Сенатора графа Палена данных, коренных начал предстоящего преобразования управления Туркестанским краем»²⁶. 20 ноября 1912 г. это совещание приняло решение «упорядочить» систему областного управления края путем введения в нее земских учреждений; создания специального областного присутствия по административным делам, в котором конкретными отраслями управления руководили бы «непременные члены»; учреждения тюремной инспекции; учреждения областной чертежной; образования губернаторской канцелярии²⁷. Иными словами, было принято решение поддержать рекомендацию сенаторской ревизии и преобразовать областные учреждения Туркестанского края в соответствии с устройством губернского уровня аппарата государственного управления на территории европейской России, не привязывая формально Туркестанские области к нормам «Общего Учреждения Губернского». Таким образом, сенаторская ревизия как механизм управленческой унификации исторического пространства Российской империи в условиях межреволюционной эпохи с ее огромным антибюрократическим накалом страстей оправдала себя.

Примечания

1. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1396, оп. 1, д. 45, л. 112.
2. Там же, д. 438, л. 12об.—13; д. 12, л. 2, 5об.
3. Там же, д. 438, л. 14.
4. Там же, д. 12, л. 2, 4об.; д. 413, л. 51.
5. Там же, д. 438, л. 14.
6. Там же, л. 15.
7. Свод законов Российской империи, т. 2, ст. 436.
8. ЕРОШКИН Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. 1983, с. 223; ЗЫРЯНОВ П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861—1914 гг.). Исторические записки. Т. 107. М. 1982, с. 286—287.
9. БЕРЕНДТС Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. (Записка, составленная в декабре 1903 года). СПб. 1913, с. 271—272.

10. СТРАХОВСКИЙ И.М. Губернское устройство. — Журнал Министерства Юстиции. 1913, № 7, с. 117—118.
11. РГИА, ф. 1396, оп. 1, д. 415, л. 111об.; д. 438, л. 16об.
12. Там же, д. 415, л. 33, 41; д. 438, л. 16об.
13. Там же, д. 415, л. 111об.; д. 438, л. 16.
14. Там же, д. 438, л. 16об.; д. 415, л. 41об., 55об.
15. Там же, д. 415, л. 41, 42, 61—62.
16. Там же, л. 41об.
17. Там же, ф. 1396, оп. 1, д. 423. Полиция безопасности. Весь отчет состоял из 5 томов: Краевое управление, Областное управление, Городское управление, Уездное управление и, наконец, Полиция безопасности.
18. См., например: РГИА, ф. 1396, оп. 1, д. 17, 44—46, 60, 64, 71, 90, 152, 165, 423—424, 438.
19. Там же, ф. 1396, оп. 1, д. 423, л. 60.
20. Там же, л. 89об.
21. Там же, д. 44, л. 199; д. 152, л. 54—55.
22. Там же, д. 64, л. 20об.; д. 46, л. 25—25об.; д. 438, л. 15 и др.
23. РГИА, ф. 1396, оп. 1, д. 12, 45—46, 60, 64, 71, 90, 152, 165, 413—415, 417, 419, 423, 438.
24. Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО), ф. 10, оп. 1, д. 175, л. 1—4; Усиление губернаторской власти. Проект фон Плеве. С предисловием П. Струве и с приложением дела орловского губернатора Неклюдова. Париж. 1904; Россия. МВД. Совет по делам местного хозяйства. Доклад Совета по вопросу об изменении положения губернаторов согласно проекту правительства о преобразовании Общего Учреждения Губернского. СПб. 1909; Россия. МВД. Совет по делам местного хозяйства. Доклад Совета по вопросу об изменении положения губернаторов согласно проекту правительства о преобразовании Общего Учреждения Губернского. СПб. 1912; РГИА, ф. 1276, оп. 3, д. 18; оп. 20, д. 18, л. 54—54об; д. 21, л. 12об; ф. 1282, оп. 2; д. 29; ф. 1288, оп. 1. 1908, д. 23, 30; Совещание губернаторов в 1916 году. — Красный архив. Исторический журнал. Т. 33. М.-Л. 1929, с. 145—169.
25. ЗИНОВЬЕВ Н.А. На современные темы. Министерский проект реформы местного управления. Положение о губернском управлении. Положение об уездных установлениях. Заключение. СПб. 1909; БЕРЕНДТС Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. (Записка, составленная в декабре 1903 года). СПб. 1913; СТРАХОВСКИЙ И.М. Ук. соч., с. 28—92; № 8, с. 70—120; № 9, с. 122—171; ЕГО ЖЕ. Губернское устройство (правительственные учреждения). Из Журнала Министерства Юстиции (сентябрь, октябрь и ноябрь 1913 г.). СПб. 1913.
26. РГИА, ф. 1276, оп. 20, д. 48, л. 73.
27. Там же, д. 61, л. 79—79об.

Положение национальных меньшинств в Болгарии во второй половине XX в.

Л.Д. Гусейнова

Формирование западноевропейских наций обычно проходило в условиях централизованных национальных государств, а большинство народов Восточной Европы складывалось в нации в рамках многонациональных Австро-Венгерской и Османской империй в ходе национально-освободительной борьбы.

Несмотря на то, что с подписанием Версальского мира 1919 г. и образованием новых государств в Центральной и Восточной Европе ситуация стала меняться, проблема национальных меньшинств в регионе все же оставалась злободневной, а после окончания второй мировой войны в 1945 г. границы восточноевропейских государств вновь были пересмотрены.

Что касается Болгарии, то и на ее территории проживал ряд национальных меньшинств.

Турецкое меньшинство, именуемое также румелийскими, болгарскими или дунайскими турками, является второй по численности этнической, языковой и религиозной группой в составе населения современной Республики Болгария после собственно болгар. К 2002 г. их численность составила 1,3 млн человек. Основным местом сосредоточения румелийских турок являются южная Болгария и северо-восточная Греция, кроме того, небольшая группа румелийских турок проживает в восточной части Македонии, в Югославии и Албании. По данным турецкой статистики, численность румелийских турок на Балканах составляет 2 млн человек ¹.

Румелия — родина румелийских турок, расположена на юге Балканского полуострова, на дунайской равнине и в Родопских горах в Болгарии, Греции и Македонии. Главным местом расселения румелийских турок является Кырджалийский округ и соседние с ним территории Родопских гор в южной Болгарии, северо-восточной Греции и территории вдоль реки Дунай на севере Болгарии. Столицей и главным культурным центром румелийских турок в Болгарии является город Кырджали с населением 346 тыс. чел. (2002 г.). Численность румелийских турок в Болгарии составляет 950 тыс. человек ².

Несмотря на то, что современная история румелийских турок отделяет их от турок Турции, они являются частью турецкой нации. Определить точное

Гусейнова Лала Джавид кызы — кандидат исторических наук, заведующая отделом Архива политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики. Баку.

количество румелийских турок на Балканах не представляется возможным, так как в статистических отчетах не учитывается численность этнических меньшинств (как, например, в Греции), или сами румелийские турки, чтобы избежать дискриминации, часто регистрировали себя как христиане³. С 1970-х гг. у румелийских турок стал развиваться процесс урбанизации.

На Балканах говорят на 4-х диалектах турецкого языка — дунайском, разградском, динлерском и македонском. Румелийские турки говорят на османском диалекте турецкого языка (официальный язык Турции). Язык румелийских турок официально признан как в Болгарии, так и в Турции.

Как известно, турецкое завоевание Балкан началось в середине XIV века. Турки называли завоеванные балканские территории Румелией, или «землей римлян». Этот регион стал превращаться в центр османской исламской культуры с известными религиозными школами и мечетями в главных городах. Румелийские турки эмигрировали в Турцию из балканских государств, получивших независимость после первой мировой войны, и в 1925 г. число эмигрировавших составило около 1,5 млн человек. По общим подсчетам, в 1923—1949 гг. Болгарию покинуло 220 тыс. румелийских турок. В 1949—1951 гг. прошла следующая волна иммиграции, численностью в 155 тыс. человек. Численность иммигрантов могла быть и больше, если бы турецким властям дважды за весь этот период не пришлось закрывать международную границу⁴.

В феврале—марте 1951 г. в Болгарии находилась официальная делегация из Азербайджана в составе 14 чел., которая в своем отчете, переданном в ЦК ВКП(б), отмечала, что в округах с преобладающим турецко-мусульманским населением в партийно-государственных органах почти нет представителей этих меньшинств, а турок принимают только в Трудовую армию. «В ЦК Димитровского союза народной молодежи нет ни одного работника турка. То же самое в Совете профессиональных союзов. В аппарате ЦК компартии Болгарии работает только один турок Али Рафиев — инструктор отдела пропаганды... В радиокомитете работают только два диктора-турка, редакторов по турецкому вещанию нет...», — отмечалось в отчете⁵. Обучение в школах для турок тоже находилось в плачевном состоянии. Между болгарскими и турецкими школами имелись различия не только во внешнем виде школ, но и в содержании преподавания. Директорами и преподавателями в турецких школах (если таковые имелись) являлись болгары. Родной язык, литература, математика в этих школах преподавались на турецком языке, а остальные предметы — на болгарском⁶. Министерство просвещения не оказывало турецким школам никакой практической помощи. Коммунистическим режимом было запрещено мусульманское богослужение и издание мусульманской литературы. Румелийским туркам в Болгарии легче было достать труды Маркса и Сталина на турецком языке, чем Коран.

По договору 1968 г. была снова открыта болгаро-турецкая граница, облегчившая общение с родственниками населения приграничной зоны. Договор оставался в силе с 1968 по 1978 год. В 1970-х гг. серьезную озабоченность правительства стала вызывать низкая рождаемость среди болгарского населения. Ряд программ, направленных на повышение рождаемости, не дали желаемых результатов. Прирост румелийских турок составлял свыше 2%, в то время как у болгар она была чуть выше 0%⁷. В 1984 г. правительство начало программу болгаризации или ассимиляции румелийских турок. Было сделано заявление о том, что все мусульмане Болгарии ведут свое происхождение от этнических болгар, которые были насильственно исламизированы в османский период; следовательно, мусульмане должны «добровольно» вернуть свои славянские имена. Кампания включала насильственный отказ от публикаций и радиопередач на турецком языке, замену турецких названий городов и сел на болгарские.

Политика гонений в 1984—1989 гг. получила название «Процесс возрождения». Лидер Болгарской Коммунистической партии Т. Живков объяснял преследование мусульман «кипрским синдромом»: лидер Болгарии опасался, что страна пойдет по пути Кипра и будет расколота турками на две части.

В общественных столовых и магазинах Варненской области были установлены таблички, в которых указывалось, что лица, говорящие на турецком языке, не будут обслуживаться. Милицией и спецслужбами изымалась любая литература на турецком языке, причем изъятие происходило как из общественных библиотек и книжных лавок, так и у частных лиц. Более того, уничтожению подлежали мусульманские кладбища. Так, в 1985 г. в 11 селах возле Павел-Бани действовал «разрушительный отряд», который занимался уничтожением мусульманских захоронений. В общей сложности, отряду удалось избавиться от 2 тыс. турецких могил.

Румелийские турки стали оказывать сопротивление политике ассимиляции, в результате чего произошли столкновения с местными властями. Во время беспорядков большое количество турок было убито, некоторые отправлены в трудовые лагеря, а остальные были насильственно выселены. Весной и летом 1989 г. в районах компактного расселения турок в Болгарии проходили голодовки. Протестное движение достигло своего апогея в мае, когда в городах и селах страны начались массовые митинги и акции протеста. 29 мая 1989 г. Живков потребовал у Турции открыть свои границы для всех «болгарских мусульман», желающих покинуть страну. Свыше 360 тыс. румелийских турок бежали или пересекли границы до того, как Турция вновь ее закрыла в целях остановки наплыва желающих покинуть Болгарию. В 1987—1989 гг. турецкое правительство заявляло о том, что в Болгарии проживает 1,5 млн турок⁸, в то время, как коммунистическое правительство Болгарии утверждало, что в стране турок нет.

В ноябре 1989 г. Живков был смещен со своего поста, и в конце того же года коммунизм в Болгарии потерпел крах. Преемники Живкова на должности главы государства взяли курс на демократизацию страны и приостановили репрессии против румелийских турок. В течение 1990 г. 150 тыс. румелийских турок, покинувших страну в 1989 г., вернулись в Болгарию. По закону 1991 г. они могли в течении трех лет восстановить свои исконные имена. Были восстановлены уроки турецкого языка (по 4 час. в неделю) в школах в тех частях страны, где преобладающим было турецкое население⁹.

Турецкое население, насчитывавшее около 1 млн чел., составляло 11% населения Болгарии, и среди этнических болгар со стороны официальных властей формировалось мнение о турках, как о пятой колонне, благодаря которой Турция хочет вернуть себе Болгарию. После падения тоталитарного режима в Болгарии в 1990 г. права этнических турок были восстановлены. Им разрешилось вернуть свои турецкие имена, исповедовать ислам и открыто пользоваться турецким языком. В 1992 г. постановлением болгарского правительства была разрешена трансляция программ на турецком языке на радио (30 минут в день). С 1998 г. парламент Болгарии принял решение о неограниченном вещании на турецком языке. По окончании кампании, направленной против этнических турок в Болгарии, более половины из 360 тыс. турок, нашедших убежище в Турции в тоталитарный период, вернулось обратно¹⁰.

В феврале 1991 г. Министерство образования Болгарии разрешило проводить уроки турецкого языка в Кырджали, Шумене и Разграде. С 1992 г. преподаватели турецкого языка в Болгарии проходят обучение в Турции. На начальном этапе для преподавания турецкого языка использовались учебники, изданные в Турции, позже, с 1996 г., Министерство образования и науки Болгарии начало издавать учебники на турецком языке. Ряд газет и журналов

на турецком языке: «Мусульмане», «Право и свобода», «Доверие», «Сверчок», журнал для детей, «Исламская культура», «Балон».

Болгарская парламентская комиссия по правам человека и религиозным свободам в феврале 2010 г. одобрила, а в начале 2012 г. болгарский парламент принял Декларацию, в которой была осуждена кампания по ассимиляции турок в Болгарии в 1984—1989 гг., названная «формой этнической чистки, осуществленной тоталитарным режимом».

Распад социализма в Восточной Европе в начале 1990-х гг. дал толчок возрождению болгарского национализма. В мае 1994 г. экстремистские группировки, которые до сих пор не проявляли себя, стали устраивать сборища, выступая против турецкой общины Болгарии¹¹. Многие болгары негативно отреагировали на правительственную политику интегрирования румелийских турок в культурную и экономическую жизнь страны. Большое количество болгар, получивших выгоды от вынужденной эмиграции румелийских турок в Турцию в виде приобретения их домов, товаров, домашнего скота по искусственно заниженным ценам, агитировали против возвращения туркоязычного населения.

Политическая партия румелийских турок — Движение за права и свободы (ДПС) — в ноябре 1995 г. одержала победу на муниципальных выборах в 26 городах Болгарии, включая Кырджали. Лидер ДПС Ахмед Доган выразил протест президенту Болгарии по поводу умышленной задержки созыва Кырджалийским губернатором заседания муниципального совета. 5 февраля 1996 г. результаты выборов в Кырджали были аннулированы. Состоялись многотысячные демонстрации против решения Народного Собрания Болгарии, подтвердившего победу ДПС на выборах в Кырджали в 1995 году¹².

В ноябре 1996 г., при поддержке различных оппозиционных партий, включая ДПС, П. Стоянов одержал победу на президентских выборах. ДПС, как составная часть болгарской коалиции Объединенных демократических сил, вошла в состав правительства, и впервые в истории страны депутаты — румелийские турки — оказались членами болгарского правительства.

Эмиграция румелийских турок (по политическим и экономическим мотивам) в Турцию продолжалась с 1989 по 1993 г., пока турецкое правительство не ввело ограничения на въездные визы. Элементы экономической нестабильности были еще сильны в болгарском обществе, и румелийские турки продолжали покидать страну в поисках работы в экономически развитых регионах европейской Турции. С конца 1990-х гг., в то время как у молодых и работоспособных граждан (румелийских турок) не возникало никаких проблем с получением турецких виз, у турок среднего и пожилого возраста стали возникать трудности при получении въездных виз. В 1997 г. турецкое правительство стало возвращать обратно болгарских граждан, находящихся в Турции нелегально или с просроченными визами.

Разногласия между лидерами румелийских турок в Болгарии вспыхнули после решения ДПС войти в предвыборную коалицию с монархистами, аграриями и либералами. В конце 1998 г. произошел раскол в ДПС на Движение за права и свободы и Национальное движение за права и свободы¹³.

Несмотря на успехи, болгарское население опасалось исламского возрождения в тех частях Болгарии, где этнические болгары составляли меньшинство, и усиления влияния Турции на политическую жизнь Болгарии.

Помаки. Жителей другой национальной общины Болгарии называют помаки или помаци, а также болгарские мусульмане (болгарские магометане) и родопы. Родиной помаков считается южная часть Балканского полуострова, традиционно именуемая Западной Фракией. По данным 2002 г. в Юго-Восточной Европе их насчитывается около 385 тыс., в Болгарии (они концентри-

руются в Родопских горах, на юге Болгарии) численность помаков составляет около 285 тыс. человек. Столицей и главным культурным центром является город Разлог (22 тыс. чел.) в юго-восточной Болгарии, другой важный культурный центр — город Смолян (или как его называют сами помаки — Смилян, 32 тыс. чел.) в южной Болгарии ¹⁴.

Одни истолковывают название «помаки», как искаженное турецкое произношение слова «помощник» — «помагач», основываясь на том факте, что помаки сопровождали караваны, идущие через Родопские горы; другие дают свободный перевод названия «помаки», как «сотрудничающих с вооруженным отрядом, осуществляющих насильственное принятие ислама». Очень часто к ним относятся как к гражданам второго сорта, и в Болгарии, и в Греции (где насчитывается около 50 тыс. помаков) слово «помак» считается оскорбительным. Помаки никогда не эмигрировали в большом количестве и не считают эмиграцию актуальной проблемой в настоящее время ¹⁵.

Помаки говорят на архаичном диалекте болгарского языка, относящегося к болгарско-македонской группе южнославянских языков. На языке, называемом «родопским» или «помакчи», говорят лишь в отдельной географической зоне Родопских гор. Этот диалект включает в себя много слов, отличающихся от болгарского языка, это — смесь славянского, куманского и огузского турецких языков. Некоторые помаки используют турецкий язык, как второй и как язык религии. Первый греко-помакский словарь был издан в Афинах в 1996 г. и вызвал протесты со стороны болгарского правительства ¹⁶.

Находясь в пограничной зоне, между Македонией, Грецией и Турцией, помаки (особенно после второй балканской войны) постоянно являлись объектом дискриминации. Установление коммунистического режима в Болгарии принесло новую напряженность в этот пограничный регион и его населению — помакам. В 1948—1951 гг. целые деревни, находившиеся на границе с Грецией, численностью более 15 тыс. чел., были насильственно перемещены. Многие были заключены в тюрьмы и лагеря. В 1955 г. эта политика потерпела неудачу, и помаки были возвращены в пограничные села. В 1972—1973 гг. была проведена насильственная «болгаризация» всех помаков и осуществлена смена их имен ¹⁷. Помаки выступили против этих мер. Были запрещены мусульманские традиции и праздники. Помакская дилемма заключалась в попытке ассимилировать их в болгарское общество, либо в утрате ими национальной идентичности и в слиянии с мусульманским (в основном с турецким) меньшинством.

Растущее националистическое движение помешало расколу внутри помакской нации. Несмотря на то, что большинство помаков требовало признания их национальной принадлежности, часть помаков предпочитала идентифицировать себя с болгарам, а некоторые помаки — с румелийскими турками. Что касается болгар, то они считали помаков болгарам в те моменты, когда нужны были их голоса на выборах, но в обычное время помаки игнорировались. Турки также претендовали на голоса помаков, в особенности перед выборами ¹⁸.

На закате коммунистического режима в Болгарии Живков разыграл «турецкую карту»: в 1984—1989 гг. проводилась политика ассимиляции мусульманских меньшинств, включая помаков. Эта жестокая кампания вплоть до середины 1989 г. заставила более 300 тыс. чел. (помаков, турок и цыган) пересечь границу и продвинуться вглубь турецкой территории. Некоторая часть помаков меняла фамилии. Беспорядки вспыхнули, когда помакам из округа Гоце Делчев было отказано в выдаче паспортов, разрешающих эмигрировать. Местные власти запретили помакам собираться более трех, а также покидать свои села без распоряжения властей.

После распада коммунистического режима в Болгарии помаки смогли восстановить свою национальную принадлежность. Новому болгарскому прави-

тельству стало очевидно, что помаки не были полностью уничтожены, и их стали рассматривать, как источник новых проблем. С ростом демократизации в Болгарии усиливались требования предоставления помакам культурной, религиозной и экономической автономии. Движение раскололо помаков на сепаратистские национальные группировки как в Болгарии, так и в Греции, стремящиеся к самоуправлению¹⁹.

Перепись населения, проведенная в 1992 г. в Болгарии, не обнаружила наличия специфической помакской национальной группы: помаки идентифицировали себя или как болгары, или как турки. Официально помакская национальная группа в Болгарии считалась поделенной между болгарами и турками, но в то же самое время помакское политическое движение стало выдвигать требование о признании помаков одной из национальных групп Болгарии.

В июне 1994 г. официальные болгарские власти в принудительном порядке обязали помакских детей в возрасте от 8 до 14 лет сдать анализы крови для определения по ДНК их национальной принадлежности. Антропологические замеры (анализы крови, отпечатки пальцев, замеры черепа) проводились в Средних Родопах. Результаты эксперимента подтвердили утверждения официальных болгарских властей о том, что помаки относятся к славянской ветви индоевропейской группы. Вопреки утверждениям болгарского правительства, на выборах 1994 г. помакская политическая партия — Демократическая партия труда — получила более 100 тыс. голосов²⁰.

Болгарский премьер-министр Костов в декабре 1998 г. заявил о том, что в Болгарии нет помакской нации. Его официальное заявление было опубликовано в тот период, когда помакские националисты начали демонстративные передвижения вдоль болгарско-греческой границы и требовали создания условий для встреч со своими родственниками и для использования традиционных мест для выпаса скота по обеим сторонам границы²¹.

Распад тоталитарного режима в Болгарии привел к радикальным изменениям в отношении северных помаков, но греческие помаки продолжали испытывать дискриминацию. В 1999 г. греческое и болгарское правительства пришли к соглашению об открытии горных перевалов, устройстве дорог и сотрудничестве в экономической области в регионе. Проект включал организацию свободных въездных зон по обеим сторонам международной границы.

В июле 1997 г. президент Болгарии Петр Стоянов принес извинения помакам и другим мусульманским национальным группам за их регенерацию в период социализма.

В марте 1999 г. болгарское правительство ратифицировало Генеральную конвенцию по правам национальных меньшинств, которая допускала использование в Болгарии термина «национальное меньшинство» и констатировала, что страна обязывается обеспечить проведение политики защиты гражданских прав национальных меньшинств.

Следует отметить, что в Национальном собрании Болгарии нет помакских депутатов, участие помаков в политической жизни страны ограничивается местным уровнем.

Одна из причин такого отношения к турецкому и мусульманскому меньшинствам в Болгарии кроется в том, что их ассоциируют с Османской империей. Несмотря на принятие новых законов и предоставление прав национальным меньшинствам, отрицательное отношение болгар к туркам все еще сохраняется. Но Болгарии нужен новый внешнеполитический имидж, и она старается развивать дружеские отношения с Турцией, решая проблемы национальных меньшинств.

Примечания

1. KARPAT K.H. *The Turks of Bulgaria: The History, Culture and Political Fate of a Minority*. 1991.
2. MINAHAN J. *Encyclopedia of the Stateless Nations*. Westport-L. 2002, vol. III, p. 1611.
3. POULTON H. *Minorities in Southeast Europe: Inclusion and Exclusion*. 1998.
4. KARPAT K.H. *Op. cit.*
5. Докладная записка об итогах поездки делегации Азербайджанской ССР в Болгарскую Народную Республику. 14.03.1951. Архив Политических Документов Управления Делами Президента Азербайджанской Республики (АПД УДП АР), ф. 1, оп. 37, д. 214, л. 53.
6. Там же, л. 55.
7. POULTON H. *Op. cit.*
8. KARPAT K.H. *Op. cit.*
9. MINAHAN J. *Op. cit.*, p. 1614.
10. *Europe Since 1945*. N.Y.-L.-Garland. 2001, vol. I, p. 167.
11. POULTON H. *Op. cit.*
12. MINAHAN J. *Op. cit.*, p. 1615.
13. *Ibid.*
14. *Ibid.*, p. 1516.
15. *Encyclopedia of Eastern Europe: From the Congress of Vienna to The Fall of Communism*. N.Y. 2000, p. 631.
16. *Ibidem.*
17. ИЛИЕВА И. *Малцинствата на Балканите*. София. 1994.
18. KALINOSKI A. *The Pomak Dilemma*. 1993.
19. MINAHAN J. *Op. cit.*, p. 1519—1520.
20. *Muslim identity and the Balkan state*. N.Y. 1997.
21. MINAHAN J. *Op. cit.*, p. 1521.

Историография в античной школьной системе

В.М. Строгоцкий

История, если ее не рассматривать как науку, представляет собой временную последовательность событий или явлений, создающих определенную действительность, а также фиксацию этих событий или явлений в форме обычного временного следования одного события или явления за другим, то есть в форме хроники анналов или летописей.

История становится наукой только в процессе исследования, характеризующегося отбором из числа фиксированных во времени наиболее значимых событий или явлений, вскрытием существующих связей между ними и составлением с их помощью исторической научной картины.

Может показаться на первый взгляд парадоксальным то, что историческая наука возникает именно потому, что человек — существо конечное и несовершенное. Несовершенство человека и его историчность — это одно и то же. В силу этого создаваемая человеком научная картина не может считаться абсолютно объективной, так как человек не обладает способностью быть строго объективным. Напротив, в его познании, в высказываниях любого рода взаимодействует весь комплекс факторов, относящихся к телесному, душевному и духовному бытию индивида, включая и действующие в нем подсознательные импульсы и трансцендентные переживания. Поэтому подлинная объективность в области научной деятельности является всего лишь идеалом.

С понятием абсолютной объективности тесно связано и понятие подлинной истинности. Наиболее правильным считается мнение о том, что «суждение является истинным тогда, когда противоположное ему суждение с очевидностью невозможно». Из этого следует, что любая истина несовершенна и имеет только относительную ценность.

Проблема истины остается неразрешимой со времени выдающегося представителя старшей софистики Протагора из Абдер (481—411 гг. до н.э.), которому принадлежит высказывание, подтверждающее относительность истины: «Человек — мера всех вещей, существующих, что они существуют и не существующих, что они не существуют, поэтому какой мне кажется каждая вещь, такова она для меня и есть, а каковой тебе, такова же она есть в свою очередь и для тебя».

Строгоцкий Владимир Михайлович — доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Размышляя над этими суждениями, необходимо отметить, что история как гуманитарная наука предусматривает отношение человека к прошлому как диалог с прошлым. Но в отличие от естественных наук историческое прошлое отражено не в природных стихиях (огонь, вода, воздух, земля), а в событиях и поступках людей, которые запечатлены, главным образом, в письменных литературных памятниках. Сами же памятники, составленные древними авторами, писателями, мыслителями, историками, сохраняют в большей или меньшей мере элементы субъективизма.

Современные ученые, историки, ведущие диалог с прошлым, также не могут быть до конца объективными. Эту объективную данность надо признать и рассматривать историю как «зеркало, в которое смотрится современность». И каждый вправе смотреть в это зеркало своими глазами. Каждый из нас цитирует и обсуждает свидетельства древних авторов. И всегда кто-нибудь может истолковать эти свидетельства иначе. Но это, тем более интересно. В этом и заключается одна из движущих сил развития науки. Другой силой является время. Каждая эпоха, каждый исторический период создают вызовы, и исследователи пытаются дать на них ответы. Но поскольку исследователи — это люди разные, со своими представлениями, традициями и воспитанием, поэтому они в большей или меньшей мере отвечают требованиям времени.

И в данном случае не важно, идет ли речь о Пелопоннесской войне или войнах Нового и Новейшего времени. Именно поэтому история как самостоятельная дисциплина и предмет для изучения не появилась в античных школах. Тем не менее, интерес к историческому прошлому и знание его включались в различные области занятий всего курса обучения.

Чтение сочинений историков было востребовано на первом этапе в грамматических школах, и на втором — в риторических и философских.

Некоторые современные исследователи считают, что в этих школах преобладала нормативная или синхронистическая схема восприятия исторических событий в отличие от историко-эволюционной схемы современных школ, где история является конструктивной основой, с которой связано содержание многих предметов (литература, искусство, философия) ¹.

Но в связи с этим возникает проблема истоков античного историзма. Одной из наиболее дискуссионных тем стала тема историзма гомеровского эпоса. Представители скептического направления в исторической науке, делая акцент на его мифолого-поэтических особенностях, утверждают, что ни о каком историзме эпоса не может идти и речи, поскольку до появления исторической литературы не существовало и исторического мышления.

Сегодня благодаря исследованиям В. Шадевальдта, Г. Штрасбургера, М. Тронского, А.Ф. Лосева и др.², гомеровская творческая эпическая поэзия представляет собой воспоминание о ранее существовавших государствах. Поэтому многие исследователи рассматривают эпос как своего рода историю, которая рассказывается по эпическому канону ³. Таким образом, гомеровский эпос на ранних этапах развития греческого общества мог выполнять ту роль, которая позже досталась греческим историографам.

А.И. Немировский признал, что Гомер был первым критиком мифологического мышления, однако никакого исторического мышления и связанного с ним понятия развития он у Гомера не находил ⁴. Но признавая, что Гомер был критиком мифологического мышления, логика требует выявления у него, по крайней мере, какого-либо другого мышления, и этим мышлением могло быть только историческое. Это великолепно раскрыл Лосев, показав, что Гомер, несомненно, понимал существование прошлого, настоящего и будущего ⁵, детально их изображая, стараясь их соединить в одном художественном обозрении ⁶.

Свое стремление передать как можно более правдоподобно события прошлого Гомер подтверждает, используя образы певца Демадока и царя Одиссея, который с похвалой отозвался о содержании его пения.

«Все ты поешь по порядку, что было с ахейцами в Трое,
Что совершили они и какие беды претерпели;
Можно подумать, что сам был участник всему
Иль от верных все очевидцев узнал ты...» (Зпм. Od. VIII. 489).

В грамматических школах знакомство с греческой литературой начиналось, безусловно, с Гомера. Поэтому изначально в них утвердилась историко-эволюционная схема.

Главными принципами и основами обучения были имитация или подражание и использование примеров или образцов, почерпнутых из сочинений великих авторов, прежде всего, Гомера, трагиков и историков Геродота или Фукидида. Но у риториков-учителей были свои предпочтения. Так Дионисий Галикарнасский, появившийся в Риме во время Августа, занимаясь со своими учениками, считал, что наиболее достойным для подражания являлся Геродот. Многие образованные римляне предпочтение отдавали Фукидиду. Поэтому в ходе дискуссии Дионисию пришлось написать специальное сочинение «О Фукидиде», в котором он попытался доказать, почему считает Геродота наиболее достойным для чтения и подражания. Однако он не убедил своих коллег — римских риториков. В Риме с конца республики и в начале империи риторы и историки с большим пиететом относились к Фукидиду, потому что описанную им Пелопоннесскую войну, в которой греки объединились в два противостоящих друг другу военно-политических блока и воевали между собой, они уподобляли гражданской войне в Риме II — начала I в. до н.э.

Среди авторов, которые считались выдающимися и достойными подражания были также Платон, Исократ, Демосфен для греков. В Риме же таковыми считались Вергилий, Саллюстий, Терренций и Цицерон. Тексты этих авторов служили моделями для эпического содержания. Кроме того, они были богаты примерами из прошлого, используемыми в соответствующих описаниях.

Исторические сочинения также использовались в риторике как стилистические модели для ораторов либо из-за присутствия в этих сочинениях прямых речей, либо из-за того, что исторические трактаты относились к повествовательному или описательному жанру ⁷.

Итак, греческими и римскими историками были выходцы из грамматических и риторских школ, и образование историка было тем же самым, что и образование оратора. Специфической подготовки для того, чтобы стать историком и научиться писать исторические сочинения не существовало.

В грамматических и риторских школах учили, подражая лучшим образом, составлять рассказы, описания или изложения, панегирики ⁸. Поэтому связь с риторикой, безусловно, имела место. Но это не дает основания считать, что античная историография полностью подчинялась требованиям и технике риторики и ничем не отличалась от ораторской декламации на исторические темы.

Работы античных историков, как отмечает Р. Николаи, не должны рассматриваться как ненадежные свидетельства ⁹. Греки и римляне проводили ясное различие между речью оратора и историческим сочинением. Оратор, используя исторический сюжет, может уклониться от реального изложения исторических событий, предпочитая драматическую версию ¹⁰. Историк, стремящийся предать подлинность реальных событий, не может пренебречь историческим фактом.

Отношение историка к жанру риторики можно сравнить с отношением художника к природной среде. Историк использует жанр риторики как способ передачи подлинного исторического факта. Художник-реалист прибегает к сред-

ствам изобразительного искусства для реалистического воспроизведения мира людей и мира природы.

В эпоху эллинизма самостоятельной областью занятий была грамматика. В III—II вв. до Р.Х. Александрия, Пергам, Антиохия и другие города эллинского мира становились крупными культурными центрами. Здесь возникли филологические школы, среди которых наиболее известным был Александрийский Мусейон.

Одной из установленных задач грамматики являлось объяснение повествовательных текстов, среди которых немалое значение имело объяснение текстов исторических (*historiarum ennotatio*). В связи с этим стал меняться и взгляд на историю. Прошлое начало волновать писателей само по себе вне его связи с настоящим. Это объяснялось тем, что осевшие в Александрии, Пергаме и других городах Востока греки, стремились отразить в повествованиях и сохранить для потомков исторические события и обычаи своей родины¹¹.

Этих ученых филологов называли грамматиками или критиками. Выдающимся грамматиком, толкователем прозаических текстов историков, ораторов и философов был Аристарх из Самофракии¹² (215—143 гг. до н.э.). Он был издателем текстов и их комментатором. Известны его комментарии к текстам Геродота и Фукидида.

В комментариях Аристарх, как и другие грамматика, не касался метода и лишь изредка критиковал исторический подбор сюжетов. Необходимо отметить, что в грамматической теории уже появилась и классификация исторической части, что и происходило из риторической теории толкования рассказа или повествования. Но эта классификация основывалась на том же уровне, что и объяснение деяний богов, героев и знаменитых личностей¹³.

Выдающимся грамматиком II в. был Дионисий Фракийский, ученик Аристарха. Он был первым ученым, представившим грамматику в одном общем обзоре. До этого она была в раздельном состоянии. Он четко сформулировал также сущность деятельности грамматика или критика. Он считал, что суть этой деятельности в опытности, позволяющей объяснять то, о чем говорится у поэтов и писателей. В опытность он включал: выделение фонетики и морфологии; тщательное чтение согласно ударению, придыханию и количеству слогов; умение объяснять встречающиеся в тексте риторические фигуры; проведение изысканий в области этимологии; изложение грамматических соответствий и умение производить критический анализ текста.

Первые пять правил признаны малыми искусствами. Последнее правило считалось великим искусством.

В эллинистический период определился и круг знаний, усвоение которых требовалось от любого свободного человека. Они составили так называемую александрийскую энциклопедию, включавшую смесь свободных искусств, грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию и музыку.

В эллинистическое время сложилась и историческая хронология, развитие которой связано с именами раннегреческих историков или логографов Гекатея и Гелланика. Первый ввел счет по поколениям, выделив для каждого из них 40 лет. Гелланик за основу Хронологии взял список победителей на Карнейских играх в честь Аполлона. Для событий всей Эллады Галланик использовал летопись, в которой год обозначался именем Геры. Фукидид обвинил Гелланика в том, что он изложил кратко и с точки зрения хронологии неточно события 478—432 гг. до н.э. (Thuc. I. 97.2). Его хронология действительно была неточна. Она основалась на генеалогии, и он считал, что три поколения составляли 100 лет.

Наконец, Эратофен в III в. взял за основу общеэллинской хронологии список олимпийских победителей и усовершенствовал хронологию Тимея по олимпиадам, ставшую общепринятой для греческих историков¹⁴.

Во II в. Лукиан Самосатский написал трактат «Как нужно писать историю». Тем не менее, история как самостоятельная дисциплина в течение всего периода античности в школах не изучалась. Это объяснялось еще и тем, что содержание истории как области знания и предмета изучения формировалось и пополнялось в течение длительного времени. Кроме того, только в VI в. возникла датировка событий от «Рождества Христова», так называемая эра Дионисия Малого, римского монарха, вычислившего при составлении таблицы пасхалий, что 754 г. от основания Рима стал считаться первым годом эры Дионисия, согласно которому Иисус Христос родился через 754 года после основания Рима. Только с VII—VIII вв. датировка событий по этой эре распространилась в европейских странах.

С IV в. существовавшие школы находились во власти церкви. На Востоке они назывались приходскими, монастырскими и епископскими. В программах школ истории как специальной дисциплины еще не было. Эти программы опирались на александрийскую энциклопедию. С V в. в этой программе церковных школ стали различать два раздела: тривиум (грамматика, риторика и диалектика) и квадриум, включавший остальные четыре науки.

В эпоху Карла Великого (768—814) и связанного с его именем «Каролингского ренессанса» вырос интерес к светским знаниям и развитию образования. При Карле Великом кроме церковных школ появились народные школы, где обучали всех детей соответствующего возраста, что способствовало распространению грамотности в широких слоях населения Европы.

В период «Каролингского возрождения» получила развитие литература, формировались романские и германские языки. Пробудился интерес к истории; составлялись анналы, летописи и хроники. Выдающимся историческим произведением того времени была «История лангобардов» Павла Диакона, доведенная до 744 года. Появились также различные политические трактаты.

С конца XIII в. стало заметно стремление ревнителей образования к освобождению от влияния духовенства. В городах возникали свободные латинские школы. В это же время в Европе получило развитие и высшее образование. Возникли университеты в Болонье, Саламанке, Коимбре, Вене, Гейдельберге, Лейпциге.

Наконец, начиная с эпохи Возрождения в XV—XVI вв., в связи с притоком беженцев — греков из Византии, завоеванной в 1453 г. турками-османами, развитием гуманистических идей, латинские школы стали превращаться в классические гимназии, где кроме латинского языка изучали древнегреческий, романо-германские языки, математику, физику. Самостоятельными дисциплинами, появившимися в это время в гимназиях, были география и история.

Примечания

1. MONIGLEANO A. Onnavo contributo alla storia degli studi classici e del mondo antieo. Rome. 1987, p. 13—25; NICOLAI K. La storiografia nell'educazione antica. Pisa. 1992, p. 61—83.
2. SCHADEWALDT W. Von Homers Welt und Werk. Leipzig. 1965; EJUSD. Der Aufbau der Ilias. Frankfurt am Main. 1975; ТРОНСКИЙ И.М. Проблемы гомеровского эпоса. В кн.: ГОМЕР. Илиада. М. 1935, с. 23—87; ЕГО ЖЕ. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л. 1973, с. 103 и сл.; ЛОСЕВ А.Ф. Гомер М. 1966, с. 242—244.
3. BOWRA C.M. Heroic Poetry. L. 1952, p. 508ff; Homer and His Forerunners. Edinburgh. 1955; Homer. L. 1972; ПУТИЛОВ Б.Н. Типология фольклорного историзма. Типология народного эпоса. М. 1975; ГИНДИН Л.А., ЦЫМБУРГСКИЙ В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М. 1966, с. 19 и сл.

4. НЕМИРОВСКИЙ А.И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж. 1986.
5. ЛОСЕВ А.Ф. Ук. соч.
6. Достаточно вспомнить «плач Андромахи, жены Гектора, рассказывающей о трагических событиях прошлого, когда Ахилл со своими воинами захватил киликийские Фивы и убил отца и братьев Андромахи. Отвечая ей, Гектор предсказывает, что наступит день и погибнет священная Троя, вместе с ней погибнет Приам и народ копыеносца Приама (II. VI. 400—495).
7. NICOLAI K. La storiografia nell'educazione antica. Pisa. 1992, p. 86—87.
8. GIBSON C.A. Learning Greek History in the Ancient Classroom: the Evidence of the treatises on progymnasmata. Cl. Ph. 2004, vol. 99, p. 103—129, esp. 124—125.
9. NICOLAI K. Op. cit.
10. Ibidem.
11. ДЕРЕВИЦКИЙ А.Н. О начале историко-литературных занятий в Древней Греции. Харьков. 1891, с. 41—104; БОННАР А. Греческая цивилизация. Т. 3. М. 1962, с. 234—248; ЧИСТЯКОВ Г.П. Эллинистический Мусейон (Александрия, Пергам, Антиохия). В кн.: Эллинизм: восток и запад. М. 1892, с. 298—315. ФРОЛОВ Э.Д. Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб. 2004, с. 314—334.
12. КРАУЗЕ А, КРАУЗЕ М. История греческой литературы. Пг. 1916; LUSCHNAT O. Die Thukydidescholien. Zu ihrer handschriftlichen Grundlage, Herkunft und Geschichte. Philologus. 1954—1955, Bd. 99, S. 14—58.
13. NICOLAI K. Op. cit., p. 195—197.
14. БУЗЕСКУЛ В.П. Введение в историю Греции. СПб. 2005, с. 233—234.

Гражданская война и православное общество

А.Г. Поляков

С 1918 до середины 1920 г. в Вятской губернии имело место движение широких слоев верующих и части духовенства против реализации государственной религиозной политики и вызванной ею форсированной насильственной секуляризации многих сфер жизни человека. Вятский епархиальный совет по-прежнему продолжал выполнять некоторые установки церковного центра, саботируя, главным образом, требования государственной регистрации актов гражданского состояния.

С конца весны 1918 г. началась активная деятельность Вятского губернского революционного трибунала по массовому рассмотрению дел, касающихся антисоветских выступлений духовенства и верующих. К ответственности привлекались лица, замеченные в антиправительственной деятельности (начиная с конца 1917 г.). С инициативой привлечь к судебной ответственности то или иное лицо, кроме органов местной власти, зачастую выступала Вятская губернская чрезвычайная комиссия (ЧК). Ее структура начала формироваться весной 1918 года. До середины лета ЧК имела право только арестовывать граждан и документировать факты их контрреволюционной деятельности, после чего дела передавались в революционный трибунал, расстрелы на месте не допускались. После введения в Вятской губернии в начале августа 1918 г. военного положения ЧК получила право самостоятельно решать судьбу арестованных по подозрению в контрреволюции вплоть до расстрела ¹.

С усилением политических репрессий по отношению к священнослужителям определенная часть духовенства, обвиненная в антисоветских выступлениях, стала перекладывать всю ответственность на церковное руководство. Нередко организатором указывался непосредственно патриарх, который, в отличие от исполнителей, находился на свободе. Так, например, Орловский революционный уездный трибунал осудил 12 июня 1918 г. благочинного 3-го округа Орловского уезда священника Александра Головина за распространение в начале апреля 1918 г. «контрреволюционных воззваний патриарха Тихона». В его жалобе в кассационный отдел ВЦИК о несправедливости приговора

Поляков Алексей Геннадьевич — кандидат исторических наук, помощник директора Кировского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

приводится такой аргумент: осужденный священник являлся лишь подчиненным, передаточным звеном в распространении воззваний, причем в то время, когда патриарх Тихон — организатор этой деятельности, к тому же и автор документов, находится в «полнейшей безопасности».

14 сентября 1918 г. президиум ВЦИК, рассмотрев аналогичную кассационную жалобу протоиерея В. Осокина на приговор Орловского уездного ревтрибунала, нашел повод для привлечения патриарха Тихона к суду ревтрибунала при ВЦИК «по обвинению в составлении и распространении воззваний, призывающих население к контрреволюционным выступлениям»².

2 сентября 1918 г. Советская республика была объявлена единым военным лагерем. 5 сентября постановлением СНК в стране вводился «красный террор». Классовые враги подлежали изоляции в концентрационные лагеря, а лица, причастные к белогвардейским организациям, заговорам, мятежам, — расстрелу³. В эти же дни, 7 (20) сентября, закончил свою работу Поместный собор, его члены разъехались по местам, многие из них примкнули к белому движению.

С началом проведения на государственном уровне политики «красного террора» на первый план выдвинулась карательная функция органов ЧК. Расширились их полномочия, упростилась практика арестов, в широких масштабах стали применяться система заложничества и расстрел.

С осени 1918 г. расширился спектр обвинений духовенства в антиправительственной деятельности. К ответственности стали привлекаться за участие в контрреволюционных организациях, за сочувствие белым, выдаче белым сочувствующих советской власти, за участие в белогвардейском движении, Степановском мятеже и т.п. Мероприятия «красного террора» носили не только ответный, карательный, но и превентивный характер, жертвами политических репрессий становились потенциальные враги советской власти⁴. К ним относили людей с монархическими взглядами, членов буржуазных политических партий, дореволюционных государственных служащих и т.д. Так, например, 19 сентября 1918 г. были приговорены к расстрелу «как монархисты» бывший епископ Санкт-Петербурга Исидор Колоколов и иеромонах Фловиян. Интересен тот факт, что после ареста обвиняемые обратились в ЧК с заявлением об их коммунистическом мировоззрении и о том, что только принадлежность к духовному сану препятствует им быть членами партии⁵.

Нередко акции «красного террора» в «профилактических» целях применялись по отношению к лицам, ранее привлекавшимся к ответственности за антисоветские выступления. Например, 20 сентября 1918 г. ЧК был расстрелян священник г. Орлова М.П. Тихоницкий, уже осужденный ревтрибуналом 15 (28) февраля 1918 г. и отбывший наказание за прочтение 2 (15) февраля в церкви послания патриарха Тихона⁶.

В ряде случаев ревтрибунал передавал на рассмотрение дела, начатые весной-летом 1918 г., в ЧК для принятия по ним более жестких решений. Так, 23 сентября 1918 г. ревтрибунал отправил для рассмотрения в ЧК дело (начатое в апреле) священника А.С. Попова, который предавал анафеме представителей местной власти со следующим комментарием: «Есть дела, за которые не судят, а расстреливают»⁷. Вятская губернская ЧК 11 декабря приговорила Попова к высшей мере наказания (ВМН)⁸.

Рассмотрение дел в судебном порядке, то есть в ревтрибунале, давало возможность обвиняемым через кассационную жалобу в вышестоящие инстанции опротестовать приговор. Так, 23 сентября 1918 г. ревтрибунал приговорил священника Д.В. Модестова к расстрелу в течение 24-х часов. После обжалования приговора в кассационном порядке мера наказания была изменена. 28 ноября Модестову было назначено наказание в виде 6 месяцев тюрьмы с учетом предварительного заключения и лишения политических прав на один год⁹.

На основании данных «Книги памяти жертв политических репрессий Кировской области», а также имеющихся на сегодняшний день материалов местных государственных (кроме ведомственных) архивов, можно говорить о том, что всего в годы Гражданской войны по политическим мотивам в Вятской губернии было осуждено 77 священнослужителей. Данные источники содержат также сведения о политической реабилитации (в 1990-х гг.) прокурором Кировской области 42 лиц духовного звания ¹⁰.

В 1918 г. к ответственности было привлечено 43 служителя культа, среди которых были преподаватель духовного училища, учащийся духовной семинарии, церковный староста, причем с сентября по декабрь (в период «красного террора» и приближения армии Колчака к границе Вятской губернии) было осуждено 34 человека. В сентябре 1918 г. из 18 осужденных 13 приговорены к ВМН (один приговор опротестован). В октябре из 10 человек к ВМН приговорено 7. В ноябре к судебной ответственности было привлечено 2 чел., причем 1 из них, по причине прекращения дела, из-под стражи освобожден. В декабре было осуждено 4 чел., из них 2 приговорено к ВМН.

Кировские архивы, помимо вышеуказанного, дают дополнительную информацию о других случаях привлечения к ответственности священнослужителей вплоть до расстрелов. Однако эти незначительные в количественном и содержательном отношении данные либо связаны с уголовными преступлениями, либо не содержат сведений о причинах привлечения к ответственности священнослужителей, о результатах расследования, мере наказания, персональных данных, количестве лиц, привлеченных к ответственности ¹¹.

В 1919—1921 гг. количество осужденных священнослужителей по политическим мотивам уменьшилось: 15 человек в 1919 г., 11 — в 1920 и 8 — в 1921. При этом в 1919—1921 гг. в ряде случаев к ответственности были привлечены священнослужители за антисоветские действия, совершенные еще в 1918 году ¹². В «Книге памяти жертв политических репрессий Кировской области» имеется информация о двух случаях приговора к ВМН после 1918 г. (в конце 1919 г.) представителей духовенства. Один обвинялся в укрывательстве хлеба и белогвардейского офицера, а другой — в «контрреволюционной пропаганде» ¹³.

Для сравнения, особо следует отметить тот факт, что с 1918 г. по август 1921 г. только ревтрибуналом и народными судами были осуждены 205 членов и кандидатов в члены коммунистической партии, причем в большинстве случаев за преступления, связанные с исполнением должностных обязанностей на службе в органах власти ¹⁴. То есть, доступный на данный момент фактический материал свидетельствует о том, что представителей идеологически противоборствующего церкви лагеря в годы гражданской войны репрессии коснулись даже в значительно большей степени, чем священнослужителей.

В целом, помимо периода «красного террора», результаты расследования и, соответственно, варианты наказаний, предлагаемые ревтрибуналом и органами ЧК по одному и тому же делу, во многих случаях не совпадали. Ревтрибунал часто выносил более мягкие ¹⁵ или оправдательные приговоры ¹⁶ по сравнению с предлагаемыми органами ЧК — инициатора привлечения к ответственности священнослужителя. Меры наказания, применяемые ревтрибуналом по отношению к духовенству, зачастую носили более «профилактический», чем карательный характер. Например, применялись амнистии, штрафы, лишение свободы условно, незначительные сроки тюремного заключения (от 2-х недель до полугода), иногда считался достаточным срок предварительного заключения.

Представители духовенства довольно часто использовали возможность обжалования приговоров в вышестоящих инстанциях. Имел место случай, когда ревтрибунал после прекращения дела о привлечении к ответственности священнослужителей за отсутствием состава преступления выступил с ходатай-

ством о возбуждении дела против представителей власти, совершивших противоправное действие по отношению к церковникам¹⁷.

Жесткие акции «красного террора» 1918 г. сыграли важную роль в спаде антиправительственных выступлений духовенства в 1919—1921 гг., а также в разрядке политической обстановки в губернии в целом. Если в сводках Вятской губ. ЧК за 1919 г. из 29 случаев упоминаний о политических настроениях духовенства (и верующих) 28 охарактеризованы как антисоветские, то в 1920 г. — из 30 случаев 18, а в 1921 г. — из 13 случаев 11 трактовались как аполитичные или политически нейтральные¹⁸.

В качестве одного из признаков примирительного отношения духовенства к советской власти можно отметить факт возвращения в апреле 1920 г. на прежние места проживания части ранее ушедших с белыми священнослужителей Малмыжского уезда¹⁹. Примечательно, что доступные на данный момент архивные материалы не дают представлений о применении репрессивных мер к указанной категории духовенства.

Репрессивная деятельность органов ревтрибунала и ЧК в своей основе имела «политическую подоплеку» отношения к священнослужителям как представителям контрреволюционных сил. Органы ВЧК и революционного трибунала рассматривали акции духовенства как целенаправленную, планомерную антисоветскую деятельность реакционной по своей сущности (в их восприятии) РПЦ. В некоторых следственных делах революционного трибунала по обвинению священнослужителей в антисоветской деятельности в графе «цель и мотивы преступления» так и значилось — «борьба с властью Советов, как представитель духовенства»²⁰.

Такой взгляд считался правильным на протяжении всей Гражданской войны. В этом же ключе зачастую рассматривалась вообще активизация религиозной жизни населения, даже, несмотря на заявления представителей духовенства о необходимости лояльности к советской власти. В качестве наглядного примера приведем начало служения (в январе 1920 г.) vicария Вятской епархии епископа Уржумского Виктора (Островидова). Исходя из того факта, что население уезда пропитано религиозным чувством и к советской власти относится в большинстве своей массы недоброжелательно, Уржумская ЧК сочла нахождение епископа Виктора в г. Уржуме нежелательным. Во второй половине февраля на основании того, что по прибытии в Уржум епископ Виктор не явился в Отдел управления для регистрации своих документов, уездная ЧК посчитала оправданным провести у него обыск.

Во время эпидемии тифа в Уржумском уезде в своих проповедях епископ Виктор говорил, что Господь посылает болезни для вразумления и укрепления веры людей, и призвал верующих окроплять свои жилища святой водой. В мае 1920 г. епископ был осужден Вятским губернским рев. трибуналом по обвинению «в агитации против медицины» и приговорен к лишению свободы до ликвидации войны с Польшей.

2 июля 1920 г. в открытом письме в губернской газете «Вятская правда» епископ Виктор, опережая высшее церковное руководство, публично заявил о своей лояльности к Советской власти: «В мае, 27 дня, с 1920 г., я по постановлению Вятского губернского революционного трибунала был заключен в Вятский рабоче-исправительный дом до окончания войны с Польшей. На суде трибунала мне было предъявлено обвинение в агитации против Советской власти с церковного амвона.

Ввиду признания меня контрреволюционером, считаю нужным печатно заявить о своем отношении к советской власти.

По слову апостола Павла, “существующие власти от Бога установлены, почему противящийся власти противится Божию установлению”. (Римл. I, 13,

1—2). Между тем в настоящее время установившейся гражданской властью является рабоче-крестьянская власть... Поэтому, следуя словам св. апостола Павла, я должен признать, признавал и признаю Российской гражданской властью рабоче-крестьянское правительство, которому в делах мирских (гражданских) считаю нужным подчиняться и других призывать к тому же. Но вместе с тем считаю долгом заявить, что я по своему положению епископа православной церкви призван служить церкви Божьей, не вмешиваясь в жизнь государства и вообще в политику.

В заключение добавлю, что мой взгляд на Советскую власть не является вынужденным: я не враг трудового народа и не тюремное заключение побудило меня писать о признании Советской власти».

В начале двадцатых чисел ноября 1920 г. по распоряжению Вятского губернского революционного трибунала епископ Виктор в связи с амнистией от 7 ноября был освобожден от дальнейшего содержания под стражей.

При всех своих существенных перегибах и идеологической окраске по отношению к представителям церкви негативная позиция карательных органов, помимо реальных фактов антисоветских выступлений духовенства, основывалась на следующих явлениях.

На всем протяжении Гражданской войны отношение значительной части священнослужителей к коммунистам, чаще всего в связи с их антирелигиозной агитацией, оставалось негативным. Еще с конца 1917 — начала 1918 г. духовенство было озабочено распространением антиклерикальных настроений среди населения. Это явление зачастую увязывалось ими как с большевиками-«антихристами», так и с возвращением с войны солдат, «зараженных большевиками».

Часть духовенства проводила открытую антибольшевистскую пропаганду. Верующим предлагалось: «разогнать коммунистов», «сшибать башки коммунистам, не оказывать им никакой помощи», противодействовать коммунистическим мероприятиям и т.д. Духовенством распространялись всевозможные слухи, например, о том, что коммунисты «намереваются превратить церкви в школы и народные дома». В беседах с верующими священнослужители акцентировали внимание на том, что большевики — безбожники, не носят на груди креста, не посещают церковь, презирают православную веру и т.д.²¹

Дестабилизирующее влияние на обороноспособность страны оказывала и пропагандистская деятельность антисоветски настроенных слоев населения, использовавших религиозный вопрос в провокационных целях. Распространялись всевозможные листовки, слухи о «гонениях» на религию со стороны большевиков и т.д.²²

Исходя из вышеизложенного, в качестве превентивных мер, на наш взгляд, можно рассматривать некоторые мероприятия местных властей, противоречившие принципам свободы совести. Это — запрещение колокольного звона, провознесения проповедей, преподавания Закона Божьего, введение ограничений при проведении крестных ходов²³. Следует отметить, что и руководство «белого» движения прибегало к методам ограничения религиозной жизни верующих для стабилизации политической обстановки²⁴.

В условиях повсеместного протеста широких слоев верующих и духовенства, связанного с государственной политикой секуляризации всех сфер жизни человека, религиозно-политический нонконформизм не мог не вносить существенный вклад в обострение политической ситуации в губернии, тем более в чрезвычайных обстоятельствах 1918—1920 годов. В начале 1919 г. органы власти Глазовского уезда по причине возможных провокаций и сложившейся неблагоприятной политической обстановки в прифронтовой полосе на почве национализации церковного имущества даже вынуждены были временно приостановить практическую реализацию декрета об отделении церкви от государства²⁵.

Таким образом, в Вятской губернии в условиях Гражданской войны и слабости местной власти пресечение широкого влияния антиправительственной агитации духовенства на верующих для поддержания политической стабильности и укрепления тыла Красной армии считалось оправданным. В целом интенсивность и степень жесткости репрессивных мер, а также введение некоторых временных ограничений в религиозной жизни, как правило, зависели от политической обстановки.

Примечания

1. ГАВРИЛОВ Г.А. Роль чекистов в становлении советской власти на территории Вятской губернии в 1918 г. В кн.: Из истории вятских спецслужб и полиции (вторая половина XIX — первая половина XX вв.): Материалы докладов и документы научно-практической конференции. Киров. 25 мая 1996 г. Киров. 1997, с. 54.
2. АЛЕКСЕЕВ В.А. Иллюзии и догмы. М. 1991, с. 64; ОБУХОВ Л.А. Репрессии большевиков против церкви на Урале в годы Гражданской войны. В кн.: Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца). Материалы международной научной конференции. Т. 1. Киров. 1996, с. 350.
3. Декреты Советской власти. М. 1997, с. 291—292.
4. БАКУЛИН В.И. Деятельность Вятской ГубЧК в «красном» тылу Восточного фронта (1918 — середина 1919 гг.). В кн.: Из истории вятских спецслужб..., с. 80, 85.
5. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО), ф. 6799, оп. 9, д. Су-11572, л. 14, 25.
6. Там же, д. Су-10607, л. 10—21.
7. Государственный архив Кировской области (ГА КО), ф. Р-1322, оп. 3, д. 80ц., л. 149.
8. Книга памяти жертв политических репрессий Кировской области. Т. 1. Киров. 2000, с. 377.
9. ГА КО, ф. Р-1322, оп. 3, д. 10, л. 3, 44, 73—73об.
10. Книга памяти..., т. 1—4.
11. ГА КО, ф. 237, оп. 77, д. 280, л. 66об. — 67об.; ф. Р-1322, оп. 3, д. 80ц., л. 37—38об.
12. ГАСПИ КО, ф. 6799, оп. 9, д. Су-10965, л. 5—233; ГА КО, ф. Р-1322, оп. 1а., д. 842, л. 5—259.
13. Книга памяти..., т. 4, с. 361.
14. ГА КО, ф. Р-1137, оп. 1, д. 42, л. 147—155об.
15. Там же, ф. Р-1322, оп. 1а., д. 1163, л. 8—53
16. Там же, оп. 3, д. 12, л. 69—69об., 128—128об.
17. Там же, оп. 1, д. 31, л. 4—4об.
18. Там же, ф. Р-875, оп. 4, д. 1, л. 13об. — 14, 19, 21—22, 23об, 53; д. 2, л. 220, 225—225об., 230об., 236, 249—249об., 253, 349об., 264об. — 265об., 268об., 272—277об., 280об., 291, 293об., 298—298об., 303, 306об., 309об., 315—315об., 317, 354—354об.; ГАСПИ КО, ф. 1, оп. 1, д. 142, л. 15—16, 27, 57, 65об., 101, 122, 127, 134, 159—159об, 170, 174, 201, 253—253об., 254об., 264об.; Вятка православная глазами ЧК-ОГПУ. — Вятский епархиальный вестник. 2000, №1 (117), с. 7.
19. ГАКО, ф. Р-875, оп. 4, д. 2, л. 249—249об.
20. Там же, оп. 3, д. 4, л. 76; ф. Р-1322, оп. 3, д. 2, л. 2.
21. Там же, ф. Р-875, оп. 4, д. 2, л. 225об., 236, 253, 272, 315.
22. ГАКО, ф. Р-875, оп. 4, д. 2, л. 264об. — 265об., 315.
23. Там же, ф. 237, оп. 77, д. 277, л. 7; д. 280, л. 36.
24. ЦЫПИН В. Русская церковь 1917—1925 гг. М. 1996, с. 132.
25. ГАКО, ф. Р-382, оп. 1, д. 2, л. 31—31об.

Почитание Сергия Радонежского в русских монастырях XVI в.

А.Г. Мельник

В настоящее время преподобный Сергий Радонежский (умер в 1392 г.) считается наиболее значимым святым из тех, которые выдвинулись из среды русского монашества. Поэтому важно рассмотреть феномен его почитания именно в этой среде. В данном случае имеются в виду насельники не Троице-Сергиева монастыря, где покоятся мощи преподобного и осуществляется интенсивное отправление его культа, а монахи остальных русских обителей. К сожалению, документы XV в. содержат крайне мало сведений по рассматриваемому вопросу. Гораздо большей информативностью в этом отношении обладают источники XVI в., преимущественно жития святых, монастырские описи, писцовые книги и памятники культуры. На основании их комплексного анализа в предлагаемой работе предпринята попытка выяснить, сколь широко в монастырской среде России XVI в. утвердился интересующий нас культ, какова была социальная принадлежность тех, кто внедрил его в указанную среду.

Встает вопрос: какие признаки, содержащиеся в источниках, свидетельствуют о том, что почитание преп. Сергия Радонежского утвердилось в том или ином монастыре? Конечно, наиболее явным и значимым признаком устойчивого почитания любого святого в каких-либо центрах является строительство и функционирование посвященных ему храмов.

Второй по значению признак — его иконы, дошедшие до нас или зафиксированные документами в монастырских церквях. Действительно, любая икона предполагает молитвенное обращение людей к изображенному на ней святому и, значит, свидетельствует о развитости его культа в месте расположения этого образа.

Теперь обратимся непосредственно к истории почитания интересующего нас святого. Сначала выявим данные о посвященных ему храмах в русских монастырях.

Церкви во имя Сергия Радонежского, помимо Троице-Сергиевой обители, в которой храм с таким посвящением появился в 1512 — 1513 гг.¹, действовали в XVI в. в следующих монастырях: Антониевом Сийском², Арсениевском Комельском³, Благовещенском Киржачском⁴, Болдинском Дорогобуж-

Мельник Александр Гаврилович — кандидат исторических наук, заведующий отделом Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль».

ком ⁵, Великолуцком Троице-Сергиевом, Дубровском на Ушне ⁶, Кирилло-Белозерском ⁷, Коломенском Голутвинском ⁸, Липенском близ Новгорода ⁹, Павловом Обнорском ¹⁰, Шаровкином Успенском близ Калуги ¹¹, Ростовском Борисоглебском ¹², Рязанском Солотчинском ¹³, Саввино-Сторожевском ¹⁴, Свяжском Троицком ¹⁵, Сергиевском с Залужья в Пскове ¹⁶, Симеоновском Сплавском близ Новгорода ¹⁷, Спасо-Геннадиевом ¹⁸, Троицком близ Каширы ¹⁹, Троицком Жиздринском ²⁰, Троицком Зверинском ²¹, Угличском Покровском ²², Хлыновском Успенском ²³.

Как видим, Сергиевские церкви находились в многочисленных монастырях, расположенных в разных концах тогдашней России — и в ее центральной части, и на южных, северных, восточных и западных окраинах.

Состав монастырей, в которых почитался св. Сергий, не исчерпывается теми, в которых действовали посвященные ему церкви. О культе преподобного, как говорилось выше, свидетельствуют, пусть не столь явно, иконы с его изображением, находившиеся в обителях, не имевших таких церквей. Часть этих произведений дошла до нашего времени и ныне хранится в музеях, о других — вероятно, утраченных — мы узнаем из документов XVI века.

Можно утверждать, что иконы Сергия Радонежского находились в XVI в. в монастырях Антониевом Краснохолмском ²⁴, Великопустыньском близ Пскова ²⁵, Высоцком в Серпухове ²⁶, Иосифо-Волоколамском ²⁷, Кирилло-Новоезерском ²⁸, Костромском Ипатьевском ²⁹, Крыпецком близ Пскова ³⁰, Можайском Борисоглебском ³¹, Можайском Иоакима и Анны, Можайском Лужецком ³², Снеготорском близ Пскова ³³, Соловецком ³⁴, Спасо-Прилуцком ³⁵, Спасском Сойгинском близ Сольвычегодска ³⁶, Суздальском Покровском ³⁷, Чудовом в Москве ³⁸, Ярославском Спасском ³⁹. Как и названные выше, данные монастыри располагались во всех регионах тогдашней России. Что же касается происходящих из этих обителей икон Сергия Радонежского, то их подавляющее большинство датируется XVI веком.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что культ св. Сергия был широко распространен в среде русского монашества XVI века. Кто же преобладал тогда среди инициаторов внедрения культа св. Сергия в эту среду?

Одним из основных инициаторов являлся Троице-Сергиев монастырь. На его средства были созданы упомянутые монастыри Свяжский Троицкий ⁴⁰, Дубровский на Ушне ⁴¹ и содержался Благовещенский Киржачский ⁴², в каждом из которых имелась церковь Сергия Радонежского. О других проводниках культа данного святого выяснено следующее.

Как мы помним, в Антониевом Сийском монастыре существовала церковь во имя св. Сергия. Она возникла еще при жизни основателя и первого настоятеля этой обители преп. Антония ⁴³, что само по себе говорит о его непосредственной причастности к утверждению в ней культа св. Сергия. В данном отношении большой информативностью обладает духовная грамота Антония, составленная им незадолго перед своей кончиной в 1556 году.

В этом документе игумен Антоний назвал свой монастырь «домом» Живоначальной Троицы, Богоматери и преподобного Сергия. Перед смертью Антоний как бы передал свой монастырь и его насельников под покровительство Бога, Богоматери и Сергия Радонежского: «И ныне предаю монастырь свой и вась Богу и Пречистой Его Матери небесной Царице, и преподобному Чудотворцу Сергию...». Антоний также завещал монахам своего монастыря молиться Богу, Богоматери и Сергию Радонежскому: «А о всемъ убо вась детей своихъ, Строителя и священниковъ благословляю, и съ слезами молю, и вспоминаю вамъ, еже о Христе съ братиею, чтобъ есте моления моего не презрели къ себе, Господу Богу и Пресвятой Его Богоматери и преподобному чудотворцу Сергию въ соборе и по келиямъ молилися...» ⁴⁴. Таковы прямые свидетельства о том,

что культ св. Сергия утвердил в Антониевом Сийском монастыре его основатель преп. Антоний. Поскольку в этой духовной грамоте не упомянут больше ни один другой общехристианский и русский святой, а имя преп. Сергия следует сразу за именами Бога и Богоматери, то, значит, для Антония он являлся самым значимым небесным святым покровителем.

По сообщению Жития Арсения Комельского, этот подвижник в основном им в конце 1520 — начале 1530-х гг. Арсениевском Комельском монастыре воздвиг теплую церковь Сергия Радонежского⁴⁵. Преп. Арсений был пострижен в монахи в Троице-Сергиевом монастыре. Поэтому логично полагать, что Арсений совершенно сознательно утвердил культ св. Сергия в своей обители.

Судя по косвенным показаниям Жития Геннадия Костромского и Люблимоградского, в конце 1520-х гг. был основан Спасо-Геннадиевский монастырь. Сначала преп. Геннадий построил в нем соборную церковь во имя Преображения Иисуса Христа, а когда братия в обители умножилась, «паки вторую церковь воздвиже, теплую во имя преподобнаго Сергия Радонежского чудотворца, и украси ю, яко же и первую»⁴⁶. Значит, и в данной обители культ св. Сергия был укоренен ее основателем.

Житие Герасима Болдинского повествует о том, как этот подвижник основывал Болдин монастырь в 1530 г.: «И оттоле начат строити монастырь, и церковь постави во имя пресвятыя Живоначалныя Троицы да пределъ во имя преподобнаго отца нашего Сергия чюдотворца...». Тот же преп. Герасим основал Жиздринский монастырь «во имя пресвятыя и Живоначалныя Троица и пречистыя Богородицы, честного и славнаго ея Введения, и преподобнаго Сергия чюдотворца...». По версии Жития, перед смертью преп. Герасим созвал в Болдин монастырь монахов всех основанных им монастырей и завещал им: «И будет, господине, которыя скорби постигнут вас, — и вы бы есте о всем уповали на Бога и на Пречистую Богородицу, и на помощь бы естя призывали Сергия чюдотворца...»⁴⁷. Как видим, игумен Герасим в основанных им монастырях ввел особое почитание св. Сергия и перед своей смертью завещал братии обращаться в молитвах за помощью в первую очередь именно к нему. Выходит, в глазах преп. Герасима Сергей был не одним из многих, а самым значимым святым.

В Павловом Обнорском монастыре церковь Сергия Радонежского была построена в 1546 г. по инициативе тогдашнего настоятеля этой обители⁴⁸.

Приведенные примеры демонстрируют нам характерный феномен религиозности русского монашества XVI в.: культ Сергия Радонежского являлся тогда чем-то вроде знамени этого социального слоя, которое несли по стране его наиболее харизматичные представители. Вероятно, св. Сергей олицетворял для них идеал монашеского подвига и мыслился как близкий к Богу необыкновенно могущественный небесный покровитель.

Названные шесть монастырей находились в разных частях России XVI в.: Спасо-Геннадиев — в ее центральной части, Антониев Сийский — на севере, Болдинский и Жиздринский — на ее западе, Павлов Обнорский и Арсениевский Комельский — в Вологодской земле. Инициаторы укоренения почитания св. Сергия в этих обителях, скорее всего, действовали независимо друг от друга. Ничто в источниках не указывает на то, что перечисленные инициаторы, насаждая культ св. Сергия, поступали по чьему-то указанию. Значит, они следовали в этом собственным устремлениям. Очевидно и в большинстве других названных выше монастырей Сергиевские церкви возникли по инициативе их насельников.

В большинстве, но, очевидно, не во всех. Есть сведения о том, что к формированию облика Сергиевской церкви Ростовского Борисоглебского монастыря во второй половине XVI в. был причастен думный дворянин Роман

Михайлович Пивов ⁴⁹, а к сооружению около 1560 г. церкви с аналогичным посвящением Шаровкина Успенского монастыря — князь Александр Иванович Воротынский ⁵⁰. Правда, источники не позволяют установить, являлись ли они инициаторами создания этих храмов или только частично субсидировали их строительство. Тем не менее, можно полагать, что некоторую роль, впрочем, вряд ли значительную, во внедрении культа св. Сергия в монастырскую среду сыграла и русская знать.

Как мы видели, в перечисленных восьми монастырях Сергиевские церкви были построены между 1520 г. и второй половиной XVI века. По прямым и косвенным данным к XVI в. относится сооружение храмов с таким же посвящением в большинстве остальных названных выше монастырей. Более того, доньше не обнаружено ни одного свидетельства о создании церквей с подобным наименованием в русских обителях XV века. Конечно, в какой-то части монастырей почитание интересующего нас святого начало складываться еще в XV века. Так было, в частности, в Кирилло-Белозерском монастыре. Однако, судя по времени возникновения церквей и икон в большинстве названных обителей, культ преп. Сергия укоренился в среде отечественного монашества только в XVI веке. Вряд ли случайно, что этот процесс совпал с первым столетием существования единого Русского государства. Именно тогда сложились благоприятные условия для распространения по всей стране некоторых культов подвижников благочестия, имевших первоначально лишь местное значение.

Примечания

1. Краткий летописец Святотроицкия Сергиевы лавры. В кн.: ГОРСКИЙ А.В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры. Ч. 2. М. 1890, с. 177.
2. МАКАРИЙ, епископ. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре. Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). Кн. 3. М. 1878, с. 8; Отдел рукописей Библиотеки Академии наук, Архангельское собр., ед. хр. 375, л. 10об.
3. ШАМИНА. И.П. Житие преподобного Арсения Комельского. — Древняя Русь. Вопросы медиевистики (ДРВМ). 2005, № 2 (20), с. 117.
4. Писцовые книги Московского государства (ПКМГ). Отд. 1. СПб. 1872, с. 841.
5. Житие Герасима Болдинского. Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). Т. 13. СПб. 2005, с. 644.
6. Автобиографическая повесть Мартирия Зеленецкого. БЛДР. Т. 13. СПб. 2005, с. 836, 873.
7. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. СПб. 1998, с. 266.
8. Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М. 2002, с. 63—64.
9. МАКАРИЙ, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М. 1860, с. 268.
10. Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского. СПб. 2005, с. 30.
11. ЛЕОНИД, иером. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находившихся в пределах Калужской епархии. М. 1863, с. 3—4, 37.
12. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль. 1881, с. 15.
13. Писцовые книги Рязанского края. Т. 1. Рязань. 1898, с. 483.
14. ШЕЛЯПИНА Н.С. Археологическое изучение памятников архитектуры начала XVI в. в Саввино-Сторожевском монастыре. Средневековая Русь. М. 1976, с. 303.
15. Города России..., с. 365.
16. ЗВЕРИНСКИЙ В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Кн. 3. СПб. 2005, с. 154—155.
17. СЕКРЕТАРЬ Л.А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М. 2011, с. 561.

18. Житие преподобного Геннадия, Костромского и Любимоградского чудотворца, (еже списано бысть учеником его игуменом Алексеем). — Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц., 1873, № 23, с. 185.
19. ПКМГ. Отд. 2. СПб. 1877, с. 1516.
20. Там же, с. 654.
21. СЕЛИН А.А. Посвящение сельских церквей XVI — XVIII вв. Северо-Восточной и Северо-Западной Руси: Опыт исследования и сравнительного анализа. Уваровские чтения-V. Муром. 2003, с. 154.
22. АНТОНОВ А.В., БАРАНОВ К.В. Акты XV—XVI века из архивов русских монастырей и церквей. — Русский дипломатарий. Вып. 3. М. 1998, с. 27.
23. Дозорная книга Хлыновского Успенского монастыря, городского приказчика Федора Резанцева, 7109 (1601) году. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 год. Вятка. 1901, с. 11.
24. Описи Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря, относящиеся к XVI столетию. Историческая библиотека Тверской епархии. Т. 1. Тверь. 1879, с. 362, 384—385.
25. ФРАНЦУЗОВА Е.Б. Деисусные чины в храмах Псковской земли XVI в.: местные особенности и общенациональные тенденции (по письменным источникам). — Вестник церковной истории. 2006, № 4, с. 134—135.
26. АНТОНОВА В.И., МНЕВА Н.Е. Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII в. Т. 2. М. 1963, с. 71.
27. Опись Иосифова Волоколамского монастыря 1545—7053 года. В кн.: ГЕОРГИЕВСКИЙ В.Т. Фрески Феропонтова монастыря. СПб. 1911, с. 4—5.
28. Архив Санкт-Петербургского института истории, ф. 115, ед. хр. 633, л. 5.
29. Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. ЧОИДР. Кн. 3. М. 1890, с. 8, 11—12, 14, 35, 37.
30. ФРАНЦУЗОВА Е.Б. Ук. соч., с. 134.
31. Можайские акты. 1506—1775. СПб. 1892, с. 63.
32. Там же, с. 45, 47—48, 54.
33. ФРАНЦУЗОВА Е.Б. Ук. соч., с. 134.
34. Описи Соловецкого монастыря XVI века. СПб. 2003, с. 40, 71, 93, 100, 102, 105—106, 121, 132, 135, 137—138.
35. Переписные книги вологодских монастырей XVI—XVIII вв.: исследования и тексты. Вологда. 2011, с. 28.
36. Сольвычегодские сотницы 7094 года. ЧОИДР. Кн. 3. М. 1905. с. 18.
37. Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале 7105 (1597 года). В кн.: ГЕОРГИЕВСКИЙ В. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М. 1927, с. 44, 51, 53, 56.
38. ЗОЛОВА О.В. Вновь открытая икона «Сергий Радонежский» из Успенского собора Московского Кремля. В кн.: Искусство Москвы периода образования русского централизованного государства (Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля; 3). М. 1980, с. 46.
39. АНКУДИНОВА Е.А., МЕЛЬНИК А.Г. Спасо-Преображенский собор в Ярославле. М. 2002, с. 23, 47, 100.
40. Города России..., с. 365.
41. ПКМГ, отд. 1, с. 873.
42. Там же, с. 841.
43. МАКАРИЙ, епископ. Исторические сведения об Антониевом Сийском..., с. 8.
44. Там же, с. 3—4.
45. ШАМИНА И.П. Ук. соч., с. 117.
46. Житие преподобного Геннадия Костромского..., с. 185.
47. Житие Герасима Болдинского..., с. 644, 654, 664.
48. Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского, с. 30.
49. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского..., с. 15.
50. ЛЕОНИД, иером. Ук. соч., с. 3, 37.

Современные тенденции во французской историографии Революции XVIII в.

А.В. Чудинов

Бурное начало XXI столетия вновь пробудило в мировой историографии интерес к изучению революционного опыта прошлого и придало мощный импульс соответствующим исследованиям. Различные научные центры охотно организуют коллоквиумы, посвященные сравнительному изучению революций, а одной из четырех главных тем на предстоящем в 2015 г. XXII Международном конгрессе по историческим наукам в Цзинане (Китай) объявлена тема «Революции в мировой истории: сравнение и взаимосвязь».

Начался новый подъем и в мировой историографии Французской революции XVIII века. О каких бы революционных пертурбациях в наши дни не заходила речь, обязательно вспоминают и о Революции XVIII в., ведь именно ее традиционно принято считать «матерью» или, как теперь чаще говорят, «матрицей» всех революций современности. Французские издатели только что вышедшего коллективного труда «Народы в революциях» так, например, определяют ее непреходящую актуальность: «...Массовое участие мужчин и женщин Туниса, Египта и других стран в уличных манифестациях и в занятии ими общественного пространства ради осуществления своих политических и социальных требований напоминает о политических практиках Франции 1789 года и [последующего] революционного десятилетия. Сражения против тирании и построенного на неравенстве социального порядка свидетельствуют не только о жизнеспособности универсальных принципов свободы и равенства в специфических социально-политических условиях, но и о жизненной важности демократических требований для современного мира»¹.

О значении, которое сегодня придается изучению событий конца XVIII в. международным сообществом историков, говорит, в частности, тот факт, что организация вышеупомянутой «революционной» сессии МКИН поручена Международной комиссии Французской революции.

Впрочем, независимо от текущей конъюнктуры, на родине Французской революции ее изучению традиционно уделяется повышенное внимание, поскольку она считается основополагающим событием для формирования политической культуры современной Франции. При одном взгляде на занятые литературой по революционной истории полки парижского книоторгового гиганта «Жибер Жозеф», где теснятся многие десятки изданий, регулярно пополняемые все новыми наименованиями, или на ежегодно публикуемые в журнале «Annales historiques de la Révolution française» (далее — AHRF) библиографические списки сотен новых статей по револю-

Чудинов Александр Викторович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории.

ционной проблематике испытываешь трепет, как при виде безбрежного моря. Даже специалисту, не говоря уже о неискушенном читателе, непросто разобраться во всем этом множестве разнокалиберных и далеко не равноценных между собой работ.

Чтобы не утонуть в океане издаваемой сегодня во Франции литературы по истории Революции XVIII в., мы в своем обзоре ограничимся рассмотрением лишь ряда новейших тенденций в освещении французской историографией нескольких ключевых аспектов данной тематики. В этом путешествии по историографическому «морю» мы в качестве «лодчий» используем новейшие труды двух авторитетных французских историков, занимающих сегодня ведущие позиции в изучении данной темы, — Эрве Лёверса, нынешнего главного редактора AHRF, и Жана-Клема на Мартена, в 2000—2008 гг. возглавлявшего Институт истории Французской революции (ИФР), а ныне — почетного профессора университета Париж-1.

Обобщающая работа Лёверса о Революции и Наполеоновской империи написана, по признанию самого автора, именно для того, чтобы познакомить читателей с новейшими интерпретациями указанного периода в современной историографии². В свою очередь, труд Мартена, не без амбиции названный «Новая история Французской революции», также является, прежде всего, осмыслением историографических достижений последних лет³.

Традиционно ИФР и AHRF (наряду с издающим этот журнал Обществом робеспьеристских исследований) задают тон так называемой «классической» историографии Французской революции, которая занимает доминирующие позиции в изучении данной тематики со времен Третьей республики⁴. Соответственно, по работам руководителей указанных институтов можно с известной долей осторожности судить о новейших тенденциях в трактовке различных аспектов Революции историками данного направления в целом. Помимо названных трудов мы рассмотрим и оценки соответствующих аспектов революционной истории, высказанные в новейших работах представителей других историографических направлений.

Почему произошла Французская революция? Еще относительно недавно такой вопрос мог бы показаться наивным. С XIX в. историки, принадлежавшие к апологетической по отношению к Революции историографической школе — позднее именно ее А. Собуль назовет «классической» — принимали за аксиому то, что причиной Революции был системный кризис общества Старого порядка. Они считали, что социальное и политическое устройство дореволюционной Франции превратилось в тормоз для дальнейшего развития страны, экономика пришла в упадок, в результате недовольство широких слоев населения вылилось в революционный взрыв.

Однако обильный фактический материал по истории французской экономики, накопленный исследователями за вторую половину XX столетия и активно пополняемый до сих пор, заставил сначала усомниться в подобной интерпретации, а затем и вовсе от нее отказаться. Оказалось, что XVIII в. не только не был для Франции временем упадка, но, напротив, ознаменовался быстрым экономическим ростом.

И вот теперь мы можем воочию наблюдать, как аргументы специалистов по истории французской экономики побуждают и Ж.-К. Мартена отойти от традиционной для «классической» историографии трактовки предреволюционного периода: «Таким образом, следует поставить под сомнение “кризис” Старого порядка, поскольку признаки процветания [нации] неоспоримы, а общий уровень жизни может быть оценен в цифрах. В 1790 г. более 28 млн французов населяло страну против 23 млн пятьюдесятью годами ранее. Если для многочисленных групп населения смертность все еще оставалась высокой, условия жизни трудными, а нищета вполне реальной, то рост оптимистических ожиданий у большинства невозможно отрицать. Эпидемии в стране почти прекратились; в то время как циркуляция людей, имуществ и идей приобрела значительный размах, активизировав жизнь в большинстве сельских районов Севера и на прилегающих к морским портам территориях»⁵.

Вместе с тем, Мартен отмечает, что в течение нескольких лет, непосредственно предшествовавших Революции, во французской экономике, действительно, наметились определенные негативные явления: спад производства в промышленности, повышение уровня безработицы, рост цен на продовольствие и соответственно снижение уровня жизни значительной части

населения. Однако все эти сложности, по его мнению, носили кратковременный характер и были обусловлены колебаниями торговой конъюнктуры, погодными катаклизмами и рядом таких неудачных шагов правительства, как, например, заключение в 1786 г. торгового договора с Великобританией. Ни одна из этих проблем, по мнению Мартена, не была порождена обстоятельствами системного порядка и не представляла собой ничего экстраординарного: «Не преуменьшая ни депрессию 1778—1787 гг., ни рост стоимости жизни в 1788—1789 гг., заметим, что цены 1789 г. мало рознились с ценами 1770 года. До самого начала периода Империи зарплата парижских строительных рабочих не отличалась от зарплаты их лондонских коллег и оставалась на том же уровне, что и в самые лучшие для них годы монархии. Последствия торгового договора и кризиса виноградарства не одинаково затронули разные регионы страны, некоторые из них в те годы даже процветали»⁶. Экстраординарным для 1789 г. оказалось лишь то, что все эти вызванные различными факторами негативные явления произошли одновременно.

В столь неблагоприятной ситуации правительству пришлось принимать меры по совершенствованию финансовой системы государства. Впрочем, отмечает Мартен, проблема бюджетного дефицита приобрела критический характер, прежде всего, в силу субъективного фактора — авантюристической финансовой политики Ж. Неккера в период войны за независимость американских колоний, участие в которой стоило французской монархии 1 млрд ливров и не дало ей ни материальных, ни репутационных приобретений⁷. Предпринятая правительством попытка финансовых реформ столкнулась с сопротивлением традиционных элит, что в условиях экономической нестабильности вызвало губительный резонанс, повлекший за собой цепную реакцию разрушения. Таким образом, утверждает Мартен, «если говорить о причине, то Революция является результатом не “кризиса Старого порядка”, а серии совпадений»⁸.

Как видим, историк открыто отвергает привычные для «классической» традиции представления о том, «что “Революция” была неизбежна в силу “внутренних противоречий” общества (марксистская интерпретация) или противоречий между государством и обществом (согласно Токвилю)». В другом месте Мартен заявляет о необходимости дистанцироваться от «уроков фаталистической или марксистской школы», считавшей падение Старого порядка результатом «неразрешимых» противоречий⁹.

Мартен предлагает изучать собственную динамику Революции в рамках конкретного исторического контекста: «Совокупность исследований не дает оснований полагать, что события, особенно столь значительные, вызываются одной-единственной причинно-следственной связью или определяются некоей предначертанной программой»¹⁰.

Однако подобное прочтение революционной истории, наиболее полно учитывающее результаты новейших исследований о реальном состоянии Франции Старого порядка, способно вызвать затруднения иного, не вполне научного порядка. Трактовка Французской революции как исторического феномена, возникшего в результате более или менее случайного совпадения обстоятельств, во многом лишает ее образ того ореола «решающего события» в переходе всего человечества от одной стадии развития к другой, более высокой, который традиционно поддерживался «классической» историографией и который до сих пор обеспечивает Революции место в истории в качестве одного из ключевых элементов национальной идентичности французов.

Возможно, именно для того, чтобы избежать подобной коллизии между образом Революции, хранимым национальной исторической памятью, и новейшими научными представлениями о ней, часть современных историков «классического» направления вообще уходит от рассмотрения вопроса о причинах революционных потрясений, фактически ограничиваясь описанием событий, сопутствовавших ее началу, и рассматривая ход самой Революции, исходя уже из ее собственной динамики. Подобную тенденцию новейшей французской историографии отмечает Э. Лёверс: «На протяжении XX в. изучение “причин” (causes) все больше уступало место изучению “истоков” (origines), интерес к которым, впрочем, появился еще в предшествующем столетии»¹¹.

Понятия «cause» и «origine» во французском языке близки по смыслу; второе в некоторых случаях даже может быть переведено на русский язык как «первопричина». Однако они отнюдь не идентичны, и различие между ними как раз и определяет огромную разницу между двумя

подходами к изучению Революции. Выявить «причину» события означает дать ответ на вопрос «Почему оно произошло?», что предполагает наличие между первым и вторым детерминистической связи: событие оказывается неизбежным, необходимым следствием данной причины, при наличии которой оно не могло не произойти. Напротив, изучение «истоков» предполагает анализ обстоятельств, предшествовавших событию или сопутствовавших ему на его ранних стадиях, ситуации, в которой оно оказалось возможным, но которая отнюдь не предопределяла его с железной необходимостью. «Как бы то ни было, — пишет Лёверс, — поиск истоков позволяет понять момент возникновения (*surgissement*) события, условия его осуществления, его связь с прошлым, четко отмежевываясь при этом от детерминизма — наследия XVIII и XIX вв.»¹²

В свое время такой подход вызвал к жизни ряд интересных исследований по истории пред-революционного периода, некоторые из которых стали классикой мировой историографии¹³. Однако и он, по словам Лёверса, уже не удовлетворяет современных французских историков, оставшись в основном достоянием их англосаксонских коллег¹⁴.

Согласно Лёверсу, вопрос о происхождении Революции утратил прежнее значение для большинства французских историков. «Объяснение подобной недоверчивости [к данной тематике], — считает он, — надо, без сомнения, искать в повышении значимости проблем “динамики”, что, не отрицая полностью казуальность в истории и не отрицая целесообразность поиска ответов на вопросы об истоках, побуждает делать упор на специфике самого революционного процесса. Сейчас в ходу предпочтение вопросу “как?” перед “почему?” и отказ, явный или имплицитный, от того, чтобы озадачиваться предполагаемыми причинами ниспровержения [Старого порядка]. При подобном, доминирующем в современной французской историографии подходе Революция воспринимается как процесс, который, пусть и связан своими корнями с прошлым, но поступательно развивается под воздействием политических дебатов, социальных или культурных конфликтов и открывающихся возможностей для диковинных экспериментов»¹⁵.

Подобное изменение подхода к изучению Французской революции, предполагающее вычленение этого события из широкого хронологического контекста и рассмотрение его в качестве автономного феномена, развивающегося в силу специфической внутренней динамики, также, хотя и не столь явно, как в книге Ж.-К. Мартена, являет собой разрыв с традициями прежней «классической» историографии, которая всегда старалась вписать историю Революцию в один из «великих» исторических нарративов.

Изучение динамики Французской революции способствует пониманию внутренних механизмов развития революций и в последующие эпохи, вплоть до современной. Активно ведущиеся сейчас в мире сравнительные исследования революций разных времен и у разных народов¹⁶ дают основание констатировать значительное сходство их динамики, несмотря на различие исторических контекстов, в которых они протекали.

Еще совсем недавно, описывая характерные признаки «классической» историографии, ее тогдашний лидер А. Собуль относил к таковым признание ведущей роли революционной буржуазии в разрушении Старого порядка: «Со времен Реставрации историки либеральной школы, даже если они нисколько не интересовались экономическими истоками общественного развития, энергично подчеркивали одну из главных особенностей нашей национальной истории: появление, рост и конечную победу буржуазии; занимая промежуточное место между народом и аристократией, буржуазия постепенно создала кадры и выработала идеи нового общества, освящением которого стал 1789 год»¹⁷. Под «буржуазией» Собуль в соответствии с марксистской традицией понимал, прежде всего, капиталистических предпринимателей: банкиров, торговцев, промышленников. А попытки английского историка А. Коббена и его последователей — представителей «критической» или (как чаще называли их оппоненты) «ревизионистской» историографии — поставить под сомнение решающую роль представителей этого социального слоя в Революции Собуль считал одним из главных вызовов, с которым «классическая» историография столкнулась во второй половине XX века.

Атака историков «критического» направления на марксистскую трактовку понятия «буржуазия» и в самом деле показала, что оно отнюдь не столь однозначно, как это ранее считалось, и

что даже дефиниция его вызывает немалые сложности. Сегодня Лёверс это признает уже вполне открыто: «Понятие “буржуазия” традиционно трудно для исторического анализа. Приглашая развивать сугубо конкретные исследования, Эрнст Лабрус заметил: “Дать определение буржуа? Да мы никогда не пришли бы к согласию”...»¹⁸

Ж.-К. Мартен тоже считает, что сложный комплекс многообразных социальных и социокультурных противоречий, реально существовавших в предреволюционной Франции, не может быть сведен ни к антагонизму между «третьим сословием» и «привилегированными», как его представляли сами участники Революции, ни к классовой борьбе между «олицетворявшей прогресс буржуазией» и сторонниками прежнего иерархического общества. «Будет благоразумным, — пишет он, не ссылаясь прямо на «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, но фактически пересказывая изложенную там схему интерпретации истории, — избегать старого представления, как и вызванных им бесконечных и бесполезных споров, согласно которому, “буржуа” выступал в XVII в. союзником королевской власти против “благородного” (noble) фрондера, а в XVIII в. был одновременно соперником и пособником “благородного” придворного и спекулянта, пока во время Революции не занял его место, чтобы создать класс, который в XIX в. станет необходимо свергнуть»¹⁹.

Упоминая некогда начатый Коббенем спор между историками «классического» (преимущественно марксистами) и «критического» направлений о том, насколько правомерно понятие «революционная буржуазия» для событий конца XVIII в., Мартен не солидаризируется ни с одной из сторон, характеризуя эту дискуссию как бесполезный «диалог глухих» и считая, что она давно зашла в тупик «позиционной войны идеологий»²⁰.

Хотя автор и пытается таким образом встать над «схваткой», предлагая держаться подальше не только от марксистской трактовки Революции, но и от интерпретации этих событий «критической» («ревизионистской») историографией²¹, его отказ от использования тезиса о ведущей роли «буржуазии» в Революции свидетельствует о том, что он явно принял во внимание продолжавшуюся в течение нескольких десятилетий критику данного концепта «ревизионистами». Подобная позиция означает фактический отход Мартена и в этом аспекте от традиций «классической» историографии.

Лёверс, стремясь дать некую обобщающую картину трактовок современной историографией соответствующей проблематики, пытается показать весь спектр существующих точек зрения, а потому не разделяет категоричности Мартена, предлагающего дистанцироваться от марксистской трактовки Революции. Тем не менее, и Лёверс умалчивает о какой-либо активной роли предпринимательских слоев французского общества в Революции, а, подводя итог последних, осторожно замечает, что отнюдь не они оказались ее главными бенефициарами: «Новая элита не была сугубо буржуазной: она состояла из “нотаблей”, принадлежность к которым определялась наличием собственности и политическим весом и которые включали в себя также дворянство Старого порядка и Империи... В этой элите администраторов, лиц свободных профессий и, в меньшей мере, предпринимателей и негоциантов, доминировали богатые рантье, знатные и нет, которых документы называют “собственниками”»²².

То есть и такая составляющая некогда доминировавшей в «классической» историографии трактовки Французской революции, как представление о ведущей роли в ней капиталистической буржуазии, пришедшей к власти в результате революционных потрясений, фактически оказалась пересмотрена современными последователями этой историографической традиции.

Для историков-марксистов, до недавнего времени игравших ведущую роль в «классической» историографии, едва ли не аксиомой считалось то, что Французская революция, разрушив Старый порядок (а кто-то даже предпочитал использовать более отягощенное идеологически коннотациями понятие «феодальный строй»), «расчистила путь» для капиталистического развития Франции. Так, еще в 1980-е гг. видный французский историк-марксист М. Вовель, бесспорный лидер «классической» историографии после смерти Собоуля, утверждал: «В оригинальной форме Французская революция совершает переход от одного способа производства к другому, от того, что мы называем феодализмом, к капитализму и либеральному буржуазному

обществу»²³. А поскольку капиталистический строй расценивался как более прогрессивный, предполагалось, что Революция ускорила экономическое развитие Франции.

Однако проведенные в конце XX — начале XXI в. многочисленные исследования по истории французской экономики добавили темных тонов в столь оптимистичную картину постреволюционного развития страны. Причем, речь шла не о временном экономическом спаде, который обычно сопутствует социальным потрясениям, а о долгосрочном негативном влиянии Революции на развитие практически всех без исключения секторов французской экономики. Приведу несколько примеров, которые, конечно же, не исчерпывают всего спектра новейших работ по истории экономики того периода, но дают общее представление о характере выводов, получаемых в ходе таких исследований.

Дени Воронофф, изучавший историю французской индустрии, отмечает, что вопросу о влиянии Революции на промышленное развитие Франции нередко придается «излишне эмоциональное и даже политически ангажированное звучание. Однако все согласны, по меньшей мере, с тем, что на фоне *общего кризиса* имели место и более благоприятные отрезки времени, что некоторые регионы сумели из него выйти, а некоторые сектора не были им затронуты»²⁴. Особенно глубоким кризис оказался в старых отраслях промышленности, активно развивавшихся при Старом порядке. Так, с крушением заморской торговли, упал спрос на парусину, в результате чего ее производство сократилось на 5/6. В сукноделии производство в 1795 г. составляло лишь 49% от показателей 1790 г. и даже в 1810 г. — только 63%. В черной металлургии Франция, несмотря на аннексию областей, где располагались крупные центры производства железа, — Австрийских Нидерландов, Прирейнских земель Германии, ряда территорий Северной Италии — сумела выйти на дореволюционный объем производства только в 1800 году. И хотя при Империи устойчивый спрос на военную продукцию стимулировал рост производства железа, он достигался исключительно экстенсивным путем, что привело к утрате инноваций, появившихся во французской металлургии на исходе Старого порядка²⁵. Подобная технологическая стагнация имела особенно далеко идущие последствия, вызвав огромное отставание данной отрасли французской индустрии от британской в использовании новых технологий.

И даже в новых отраслях промышленности — химической и хлопчатобумажной, где рост производства во время Революции не прекращался, производительность труда была существенно ниже, чем по другую сторону Ла-Манша. Причем разница между соответствующими показателями в обеих странах не переставала увеличиваться в течение всего периода Революции и Империи. Так, накануне Французской революции потребление хлопка-сырца на душу населения (важный показатель эффективности производства) составляло во Франции 0,2 кг против 0,6 в Англии. К концу Империи это соотношение было уже 0,9 к 4²⁶. Именно во время Революции и образовался тот огромный разрыв в технологическом уровне между английской и французской промышленностью, который французам в дальнейшем пришлось преодолевать не одно десятилетие.

Еще одним сдерживающим фактором в развитии французской индустрии стало, согласно Д. Вороноффу, произошедшее в ходе Французской революции перераспределение земли в пользу крестьянства. Оно замедлило отток избыточного населения из сельской местности в города и способствовало возникновению дефицита рабочей силы в промышленной сфере²⁷.

Историки Бернар Бодинье и Эрик Тейсье, авторы фундаментального труда о ходе и последствиях распродажи национальных имуществ во время Революции, тоже осторожно заключают, что перераспределение земельной собственности затормозило утверждение капиталистических отношений в аграрной сфере: «...Реализация на рынке одной десятой части земельного фонда страны радикально изменила в течение нескольких лет социально-профессиональный состав собственников, привязала к земле множество мелких приобретателей и способствовала тем самым сохранению значительной доли населения в сельской местности, что могло стать причиной экономической отсталости сельского хозяйства Франции»²⁸.

В сфере внешней торговли последствия Революции оказались еще более печальными. Выдающийся специалист по истории французской экономики Франсуа Крузе (1922—2010), ав-

тор ряда фундаментальных исследований по данной тематике, посвятил одну из своих последних книг англо-французскому торговому соперничеству в XVIII столетии. Сравнив темпы роста экспорта двух стран, он пришел к выводу, что по этому показателю Франция на протяжении «короткого XVIII века» — с 1715 по 1789 г. — существенно обгоняла Великобританию. В среднем ежегодные темпы роста английской торговли за этот период составляли лишь 63% от французских в абсолютных показателях и 57% в текущих ценах. Если к моменту смерти Людовика XIV Франция по объемам торговли находилась далеко позади Великобритании, то, благодаря опережающим темпам роста французского экспорта, к 1750-м гг. две страны практически сравнялись. Затем Семилетняя война и утрата колониальной империи вновь отбросили Францию назад, но уже к концу 1780-х гг. она вновь догнала Великобританию. Все изменила Революция. Восстание рабов на Сан-Доминго, где производилась большая часть кофе и сахара, составлявших главный предмет французского экспорта, и начавшаяся в 1792 г. «Двадцатитрехлетняя война» (так автор называет Революционные и Наполеоновские войны) разрушили «большую торговлю» Франции: в 1818—1819 гг. французский экспорт составлял лишь треть от английского²⁹. Франция опять отстала от Великобритании в сфере международной торговли и теперь уже навсегда.

Долговременное пагубное влияние Революции на экономику Франции выглядит в свете современных исторических исследований вполне доказанным. В результате, некогда распространенное в исторической литературе мнение о благотворности революционных перемен для экономического развития страны не находит сегодня защитников даже среди историков «классического» направления. Последние лишь стараются не слишком акцентировать внимание на вопросе о «цене революции», существенно омрачающему тот ее идеализированный образ, на котором строится политическая традиция современной Франции. Ж.-К. Мартен, например, вообще не затрагивает тему результатов Революции, ограничиваясь рассмотрением ее динамики и завершая книгу рассказом об установлении Консулата.

Для Лёверса же такая фигура умолчания, разумеется, невозможна, поскольку он взялся познакомить читателя с разными современными подходами к освещению Революции. Существующую в современной историографии ситуацию автор характеризует следующим образом: «Уже давно картина экономического положения революционной Франции изображается, исходя из двух вопросов: была ли Революция экономической катастрофой? Являлась ли она причиной отставания Франции от Англии?»³⁰

На второй из этих вопросов французская историография, согласно Лёверсу, нашла довольно изящный «асимметричный» ответ: «Не отвергая сравнительного подхода, [историки] больше не рассматривают пример Британии как “модель” развития, как эталон в любом исследовании перехода той или иной западной страны к индустриальной эпохе»³¹. Иными словами, хотя сама по себе ценность компаративного метода не отрицается, в данном конкретном случае его предпочитают не применять. Действительно, негативное влияние Революции на экономическое развитие Франции становится особенно заметным именно при таком сравнении: если в конце 1780-х гг. экономики двух стран были близки по многим показателям, то четверть века спустя между ними уже пропасть — пока французская находилась в тяжелейшем кризисе и боролась со спадом, британская переживала стремительный подъем. В самом деле, лучше уж не сравнивать...

Что же касается первого вопроса, то, задав его, автор дает понять, в каком примерно направлении будет искать ответ: «Исследование перемен, произошедших в промышленности и торговле, строится отныне на основе новых знаний о второй половине XVIII в. и выходит за рамки изучения только драматических последствий конфликтов, особенно военных»³². Может показаться, что, обещая не ограничиваться анализом только негативного воздействия социальных потрясений и войн на экономику, автор покажет: в более отдаленной перспективе благотворные последствия Революции все же имели место. Однако на деле все ограничивается лишь констатацией того, что некоторые сектора французской экономики сумели избежать кризиса во время Революции. Опираясь на уже упомянутую работу Вороноффа по истории промышленности, Лёверс воспроизводит его данные о том, что химическая и хлопчатобумажная

отрасли промышленности развивались даже во время Революции, а черная металлургия в период Империи существенно увеличила объемы производства. Характерно, что внимание акцентируется, прежде всего, на «благополучных» отраслях промышленности³³. Для данных же Воронофа о спаде в других областях места в книге Лёверса не нашлось.

Вместе с тем, Лёверс, пусть и с некоторыми оговорками, все же признает, что Революция «виновата» в замедлении (а точнее было бы сказать «практически полной остановке») технического прогресса во французской промышленности: «Ограниченность технических достижений, если не объяснять ее исключительно политическими и военными событиями, может быть также обусловлена состоянием духа предпринимателей в связи с уничтожением машин в 1789—1791 гг. (Руан, Сент-Этьен, Труа и др.), за двадцать лет до волны луддизма в Англии (1811—1812)»³⁴. Без сравнения с Англией, как видим, все-таки не обошлось. Однако на сей раз оно, напротив, призвано смягчить негативное впечатление от событий революционной истории: ломали станки не только во Франции, но и на родине промышленной революции — в «самой» Англии. Правда, как раз тут подобное сравнение существенно хромает: если в Англии на подавление луддитского движения была брошена вся мощь государства, то во Франции подобного рода «эксцессы» провоцировались именно вакуумом власти. Кроме того, на «состояние духа предпринимателей» во Франции 1792—1794 гг., помимо конфликтов с рабочими, удручающе влияла и проводимая революционным государством политика репрессий, от которой пострадали многие представители торгово-промышленных слоев общества.

Впрочем, надо отдать должное Лёверсу: если, говоря о промышленности, он еще пытается как-то смягчить впечатление от тяжелых последствий Революции, не упоминая всех отраслей, пораженных кризисом, то в отношении сферы обмена он честно признает, что «большая атлантическая торговля» Франции в те годы пережила настоящий крах³⁵.

Таким образом, мы можем констатировать определенный прогресс в интерпретации и этого аспекта Революции современными наследниками «классической» историографии. Остались в прошлом некогда аксиоматические утверждения о благотворном влиянии Французской революции на последующее экономическое развитие страны. Историки Революции приняли во внимание, хотя, похоже, и не слишком охотно, новейшие труды специалистов по экономической истории Франции, показавших, что негативные последствия социальных и политических потрясений продолжали сказываться на французской экономике еще не одно десятилетие.

Любой автор, пишущий о Французской революции, не может обойти молчанием такую ее печальную страницу как Террор. Для апологетической историографии этот кульминационный момент развития Революции всегда являл собой камень преткновения. Трудно объяснить, как под сенью благого лозунга о всеобщих свободах, равенстве и братстве сформировалась невиданная до той поры машина государственных репрессий, жертвами которой стали не только многие противники перемен, но и тысячи далеких от политики людей, а также немалая часть самих творцов Революции. Уже современниками революционных событий выдвигались различные объяснения феномена Террора, которые в дальнейшем были подхвачены историками. Из всех этих трактовок наиболее подходящей для того, чтобы, если не полностью стереть, то хотя бы подретушировать кровавое пятно на сакральном образе Революции, считалась так называемая «теория обстоятельств». Она была сформулирована еще в термидорианский период, когда в Конвенте встал вопрос об ответственности за Террор тех членов Комитета общественного спасения, которые хоть и участвовали в свержении Робеспьера, но ранее вместе с ним управляли Францией. В свое оправдание обвиняемые заявили, что проводить политику Террора их вынуждала «сила обстоятельств» — необходимость защищать Республику от внешних и внутренних врагов. Позднее эта концепция получила развитие в воспоминаниях целого ряда участников Революции, а затем и в трудах сторонников «классического» направления историографии. И, судя по рассматриваемым здесь трудам современных французских историков, она и ныне пользуется спросом.

В 2014 г. исполнилось уже 220 лет со времени Термидорианского переворота, тем не менее, объяснение причин Террора, предложенное в книге Лёверса, мало отличается от того, что было сформулировано вскоре после падения Робеспьера. Вот несколько цитат:

«Чтобы покончить с восстанием [в Вандее], находившийся в миссии представитель Конвента Каррье организовал в Нанте смертоносные судебные репрессалии, а колонны генерала Тюрро, прозванные “адскими колоннами”, осуществляли политику выжженной земли в Може, регионе Нанта...»

«В департаментах, наиболее затронутых действием чрезвычайной юстиции, — на юге Нормандии, в Бордо, в Южной Франции, Лионе и Нор-Па-де-Кале — правосудие обрушилось теперь на “мятежников”, “федералистов”, вернувшихся в страну эмигрантов и других деятелей сопротивления Революции».

«Весной 1794 г. началась новая фаза [Террора]: теперь многие из чрезвычайных судов в провинции ликвидировались, а наказание контрреволюционеров все больше сосредотачивалось в Париже...»³⁶

Как видим, автор последовательно проводит мысль о том, что Террор был средством внутривнутриполитической борьбы, направленным против врагов Революции и обусловленным исключительно их сопротивлением.

Ж.-К. Мартен, говоря о Терроре, использует, правда, не столь «политкорректные» формулировки, как его коллега, и не пытается за счет обтекаемых фраз сгладить то удручающее впечатление, которое способны произвести на читателя масштабы происходивших тогда репрессий. Тем не менее, объясняет их он точно так же — «силой обстоятельств», потребностями ведения внешней и внутренней борьбы против врагов Республики: «...Лишь регионы “гражданской войны”, где эти люди [представители Конвента в миссиях и их окружение] могли действовать без каких-либо сдержек, испытали неконтролируемый всплеск репрессий в периоды наиболее ожесточенных боев».

«Однако наихудшие репрессии произойдут, когда война вместе с соперничеством и внутренней борьбой политических “фракций” дадут основание для массовых убийств и казней».

«Положение представителей в миссиях... также служит объяснением насилия. Приоритетом для них были защита и снабжение продовольствием городов и армий; они проводили реквизиции, облагали налогами наиболее богатых, наказывали “предателей” и противников, начиная с неприягнувших священников и дворян, и опирались в этом до февраля-марта 1794 г. на местных санкюлотов... Эти люди надежно оберегали Францию от вторжения и контрреволюции, но крайне высокой ценой»³⁷.

Особый интерес представляет объяснение Ж.-К. Мартемом размаха репрессий в Вандее, поскольку сам он долгие годы специализировался именно на изучении Вандейского восстания³⁸:

«Вандея имела те же черты, что и другие регионы, подвергшиеся репрессиям, начиная с того, что ее сельское население, не говорившее по-французски, вызывало к себе такое же презрение, как бретонцы, эльзасцы, баски и корсиканцы. Там была проявлена обычная беззащитность в ликвидации групп дезертиров, когда на кону стояла победа в войне... Ничего не известно о том, к каким методам прибегали здесь, как и в других местах, представители государства, если они не вступали при этом в конфликт с [правительственными] комитетами. Особенность войны в Вандее состоит лишь в ее размахе и ее сложности. Угроза была ужасна, контрреволюция могла захватить Нант, одним ударом изменив историю страны! Страх, лежавший в основе политических решений революционеров с 1789 г., сыграл против Вандеи — боялись, что она прорастет повсюду»³⁹.

Таким образом, мы вновь видим все ту же «теорию обстоятельств»: террор в Вандее объясняется исключительно необходимостью борьбы с контрреволюционерами. Интересно, что Мартен отрицает специфический характер того, что происходило в Вандее и настойчиво стремится поставить те события в один ряд с иными проявлениями массового насилия, как в самой Франции, так и за ее пределами:

«Вандея представляла собою пароксизм в ситуации, к сожалению, обычной и повторившейся вновь, когда Бонапарт и Талейран поручили Тюрро “терроризировать” Вале [швейцарский кантон] после 1801 г. Вспомним также, что аналогичные бесчинства солдатни, опустошения, насилие, грабежи и даже похищение женщин и девушек практиковалось в ту же эпоху русскими

войсками в Польше, турками в Южной Европе и особенно английскими войсками в Ирландии некоторое время спустя»⁴⁰.

Подобные параллели выглядят, по меньшей мере, странными, если принять во внимание сообщение самого Мартена о том, что в ходе проводившейся Тюрро карательной операции погибла большая часть из тех 170 тыс. человек, что стали жертвами войны в Вандее: «В некоторых районах деревни потеряли от трети до половины своего населения» и т.д.⁴¹. Ни одна из упомянутых им «аналогичных» ситуаций в других странах не может и близко сравниться с Вандеей по размаху репрессий против мирного населения, тем более, ни в одной из них речь не шла об истреблении соотечественников (англо-ирландский конфликт носил все же скорее межнациональный характер). Очевидно, автор, таким образом, предпринял не очень удачную попытку хоть как-то сгладить отталкивающее впечатление от этой печальной страницы революционной истории.

Между тем, само по себе обращение к «теории обстоятельств» для объяснения феномена Террора выглядит сегодня откровенным анахронизмом. Еще в XIX в. от нее буквально камня на камне не оставил известный французский историк Эдгар Кинэ. Он обратил внимание на то, что сторонники подобного объяснения постоянно совершают хронологическую инверсию, ведь ни один из актов Террора не был непосредственной причиной или условием последующих военных успехов. Напротив, наиболее жестокие репрессии начинались уже после одержанных побед. Восставший против Конвента Лион пал 9 октября 1793 года. Массовый же террор в этом городе начался только месяц спустя, после прибытия туда Колло д'Эрбуа и Фуше. Вандейцы потерпели поражение под Нантом еще в июне 1793 г., а тысячи пленных и арестованных были утоплены в Нанте по приказу представителя Конвента Ж.Б. Каррье лишь в конце того же года. Главные силы вандейских повстанцев были разгромлены в декабре 1793 г. при Ле Мане, и только после этого, в январе 1794 г., «адские колонны» Тюрро вторглись в уже беззащитную Вандею для массового истребления ее жителей. Чудовищный декрет от 22 прериаля II года Республики (10 июня 1794 г.), положивший начало «Великому террору», и вовсе был принят в тот момент, когда французские армии повсюду вели успешное наступление уже на территории неприятеля. «Станем ли мы утверждать, — резюмировал Кинэ, — что в нашей системе следствие предшествует причине? Нам придется это сделать, если мы по-прежнему будем утверждать, что Террор был необходим для обеспечения республиканских побед, которые ему предшествовали»⁴².

В наши дни «теория обстоятельств» активно критикуется в работах Патриса Генифе, наиболее яркого из действующих представителей «ревизионистской» историографии. Еще в своей монографии 2000 г.⁴³ (переведенной на русский язык четыре года спустя) он отмечал: «...Робеспьер, Колло д'Эрбуа или Барер проводили политику террора, исходя из идеологических, политических или партийных соображений без какой-либо реальной связи с действительным положением Республики. На протяжении двух веков многие поколения историков довольствовались воспроизведением того, что обвиняемые террористы говорили в свое оправдание. Их защита, несомненно, определила первые вехи в истории Французской революции и Террора, поскольку дала им первое объяснение по горячим следам; тем не менее, она практически никоим образом не способствует, и не без оснований, пониманию того феномена, который она, как предполагалось, должна объяснить»⁴⁴.

В недавней своей работе Генифе продолжил критику «теории обстоятельств», подчеркнув, что истоки Террора надо искать не во внешней ситуации, а в состоянии умов революционеров, в том, как они эту ситуацию воспринимали: «Именно представление о реальности, сколь бы фантазмагоричным оно ни было, подпитывает эгалитарные настроения, которые составляют сердцевину Революции и очень быстро станут одним из побудительных мотивов насилия. Происхождение Террора не связано, таким образом, с идеями, пусть даже амбивалентными, или с объективно неблагоприятной ситуацией; он порожден, прежде всего, коллективными настроениями, которые ретроспективно понять очень трудно»⁴⁵.

Ища истоки Террора, Генифе рассматривает этот феномен в контексте истории политической культуры с применением методов, привнесенных в историографию «лингвистическим пово-

ротом» конца XX века. Трактуют политику как «деятельность, посредством которой индивиды и группы формулируют, согласовывают, применяют и заставляют уважать взаимные претензии и требования, предъявляемые друг другу и всем вместе», а политическую культуру как «совокупность дискурсов или символических практик, через которые эти требования выражаются», он показывает, что во время революции вместе со старой властью рушится и общественный консенсус относительно норм, определявших в обычное время содержание политического дискурса. В результате, с началом революции происходит стремительное и бесконтрольное распространение новых идей, конкурирующих друг с другом в своей радикальности⁴⁶. Соответственно, чтобы удержаться на гребне революционной волны и выглядеть в глазах общественного мнения выразителями революционной легитимности, отдельные политики и политические группы соревнуются между собой в радикальности выдвигаемых требований: «Радикализация Революции, обрекая на неудачу любые попытки умерить ее или даже остановить, это — не следствие какого-либо заговора, а результат самой динамики революции, которую можно выразить так: сегодняшний радикализм завтра неизбежно оборачивается умеренностью; в революциях кто-то всегда оказываешься умеренным по сравнению с кем-то другим»⁴⁷.

А когда революционная волна поднимала тех или иных политических деятелей на вершины власти, им ничего не оставалось, как воплощать сказанные ими ранее слова в политику, либо уступать свое место носителям иного, еще более радикального дискурса, которые тоже были обязаны реализовывать на практике то, о чем они ранее говорили, поскольку снизу их подпирали еще более радикальные конкуренты. Если противоречивая политическая культура Французской революции, сочетавшая в себе как демократические, так и авторитарные начала, была, по образному выражению Генифе, необходимым «топливом» для того, чтобы машина Террора заработала, то воспламеняющей «искрой» стала динамика Революции⁴⁸.

Кому-то интерпретация Террора, предложенная Генифе, может показаться вполне убедительной, кто-то с ней может не согласиться, однако в любом случае нельзя не приветствовать стремление этого историка уйти с протоптанных и, как свидетельствует опыт двух столетий, тупиковых путей объяснения данного феномена, вроде «теории обстоятельств». «Огромный недостаток исторических исследований, проводимых сторонниками теории обстоятельств, — отмечает Генифе, — состоит в желании показать, что ответ (революционеров. — А. Ч.) был соразмерен угрозе, ибо в таком случае им (историкам. — А. Ч.) приходится манипулировать фактами или утрировать таковые, становясь на точку зрения самих революционеров, определявшуюся то страхом, то политическими интересами»⁴⁹.

Разумеется, рассмотренные работы не исчерпывают всего богатства современных французских исследований по истории Революции XVIII в., что заставляет нас воздерживаться от далеко идущих выводов, однако некоторые наблюдения все же напрашиваются. Анализ обобщающих трудов двух авторитетных французских исследователей, принадлежащих сегодня к числу наиболее видных наследников «классического» направления историографии, показывает, что за последние десятилетия некогда традиционная для этого направления трактовка Революции подверглась существенной эрозии. Сегодня авторы этих работ уже не разделяют когда-то аксиоматические положения о «кризисе Старого порядка», о «буржуазном» характере революции или об ее стимулирующем влиянии на капиталистическое развитие французской экономики. Похоже, продолжавшаяся практически всю вторую половину XX в. полемика между представителями «классического» и «критического» направлений в историографии Революции принесла плоды, и некогда почти диаметрально противоположные позиции оппонентов сегодня, если и не полностью совпадают, то различаются, пожалуй, лишь интонацией, с которой произносятся практически одни и те же утверждения.

Вместе с тем, среди потока перемен, коснувшихся освещения истории Французской революции, мы видим и реликтовый островок «незабытого старого», а именно — стремление объяснить феномен Террора древней «теорией обстоятельств», ровесницей самой Революции. Хотя сегодня эта трактовка, предполагающая фактически отождествление историком себя с объектом исследования, выглядит безнадежно устаревшим анахронизмом, научная несостоятель-

ность которого была продемонстрирована еще полтора столетия тому назад, отказаться от нее сторонники «классической» историографии Французской революции, похоже, пока не в силах. Чтобы попытаться найти новое, более убедительное объяснение этой, далеко не самой привлекательной стороне революционной истории, им пришлось бы рассматривать Революцию всего лишь как предмет изучения и ничего более, «забыв» о том сакральном месте, которое ее образ занимает в политической культуре современной Франции, и об унаследованной ими от своих учителей «миссии» его хранения. Впрочем, хотя на этом участке историографического поля заметных подвижек пока не наблюдается, отмеченные нами новшества в трактовке других аспектов Французской революции позволяют надеяться, что рано или поздно ветер перемен придет и сюда.

Примечания

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 14-18-01116.

1. *Peuples en Révolution. D'aujourd'hui à 1789*. P. 2014, p. 5.
2. LEUWERS H. *La Révolution française et l'Empire. Une France révolutionnée (1787—1815)*. P. 2011.
3. MARTIN J.-C. *Nouvelle histoire de la Révolution française*. P. 1912, p. 9.
4. Подробнее см.: СОБУЛЬ А. Классическая историография Французской революции о нынешних спорах. — Французский ежегодник. 1976. М. 1978, с. 155—170.
5. MARTIN J.-C. *Op. cit.*, p. 70.
6. *Ibid.*, p. 70.
7. *Ibid.*, p. 31—32, 120—122.
8. *Ibid.*, p. 71.
9. *Ibid.*, p. 67—68, 151.
10. *Ibid.*, p. 15.
11. LEUWERS H. *Op. cit.*, p. 21.
12. *Ibid.*, p. 21—22.
13. См., например, неоднократно переиздававшиеся работы: MORNET D. *Les origines intellectuelles de la Révolution française: 1715—1787*. P. 1933; CHARTIER R. *Les Origines culturelles de la Révolution française*. P. 1990.
14. LEUWERS H. *Op. cit.*, p. 22. Говоря об интересе англосаксонских историков к истокам (*origines*) Французской революции, автор, возможно, имел в виду нашумевшую книгу американского исследователя Д.К. Ван Клея, вышедшую на английском языке в 1996 г., а шесть лет спустя переведенную во Франции: VAN KLEY D.K. *Les origines religieuses de la Révolution française : 1560—1791*. P. 2002.
15. LEUWERS H. *Op. cit.*, p. 21.
16. См., например: *Révolution(s) à l'est de l'Europe*. — *Siècles*. 2008, N 7; *D'une Révolution à l'autre. Histoire des circulations révolutionnaires (XVIIIe — XXIe siècles)*. P. 2013.
17. СОБУЛЬ А. Ук. соч., с. 155.
18. LEUWERS H. *Op. cit.*, p. 245.
19. MARTIN J.-C. *Op. cit.*, p. 78.
20. *Ibidem*.
21. *Ibid.*, p. 151.
22. LEUWERS H. *Op. cit.*, p. 246.
23. VOVELLE M. *Ruptures et continuités dans l'histoire de la France contemporaine (1789—1981)* In: *La France contemporaine, identité et mutations de 1789 à nos jours*. P. 1982, p. 11.
24. WORONOFF D. *Histoire de l'industrie en France du XVIe siècle à nos jours*. P. 1994, p. 191.
25. *Ibid.*, p. 191, 193—194.
26. *Ibid.*, p. 196.
27. *Ibid.*, p. 201—202.
28. BODINIER B., TEYSSIER É. *L'événement le plus important de la Révolution: la vente des biens nationaux en France et dans les territoires annexés: 1789—1867*. P. 2000, p. 440.
29. CROUZET F. *La guerre économique franco-anglaise au XVIIIe siècle*. P. 2008, p. 374—375, 388.
30. LEUWERS H. *Op. cit.*, p. 241.
31. *Ibidem*.

32. Ibidem.
33. Ibid., p. 242—243.
34. Ibid., p. 243.
35. LEUWERS H. Op. cit., p. 243—244.
36. Ibid., p. 119—121.
37. MARTIN J.-C. Op. cit., p. 398; 410; 418.
38. См., например: MARTIN J.-C. Une Guerre interminable, la Vendée deux cents ans après. Nantes. 1985 ; EJUSD. Blancs et Bleus dans la Vendée déchirée. P. 1986 ; EJUSD. Une région nommée Vendée: entre politique et mémoire, XVIIIe siècle-XXe siècle. Mugon. 1996 ; EJUSD. La Vendée et la Révolution: accepter la mémoire pour écrire l'histoire. P. 2007.
39. MARTIN J.-C. Nouvelle histoire de la Révolution, p. 416—417.
40. Ibid., p. 417.
41. Ibid., p. 416.
42. QUINET E. Critique de «La Révolution» In: QUINET E. La Révolution [1865]. P. 1987, p. 55.
43. GUENIFFEY P. La politique de la Terreur: essai sur la violence révolutionnaire, 1789—1794. P. 2000.
44. ГЕНИФЕ П. Политика революционного террора 1789—1794. М. 2003, с. 116.
45. GUENIFFEY P. Violence et Terreur dans la Révolution française. In: GUENIFFEY P. Histoires de la Révolution et de l'Empire. P. 2011, p. 169.
46. Ibid., p. 184—187.
47. Ibid., p. 188.
48. Ibid., p. 189.
49. Ibid., p. 174.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века.

Т. VII. Китайская Республика (1912—1949).

М. Наука — Восточная литература. 2013, 864 с.

Несколько лет назад академик Сергей Леонидович Тихвинский задумал десяти томную историю Китая с древнейших времен до начала XXI века. В ней предполагается отразить основные события истории Китая — от палеолитических стоянок до современной жизни КНР.

Рецензируемый том представляет собой первое в российской научной литературе коллективное монографическое исследование, посвященное истории Китайской Республики.

Уже во Введении авторы четко определяют свои методологические позиции: «Конечно, влияние традиций и устойчивых прежних стереотипов, свойственных китайскому менталитету, сохранялись и в республиканский период. Вместе с тем, его характеризует более явный разрыв с предыдущей историей и идеологией, что обусловило значительные трудности в государственном строительстве в области развития политических и идеологических процессов, в формировании международной, экономической и социальной политики».

Действительно, без правильного понимания дихотомии «прошлое-настоящее», «традиции-современность» невозможна выработка принципов и методов государственной политики в любой стране, не только в Китае. При осуществлении модернизации общества неизменно встает вопрос о том, от каких традиций следует отказаться и какие следует сохранить, допустимо ли полное забвение исторического опыта предыдущих поколений, их культуры и стереотипов мышления или нет, как сопрягаются национальное, культурное и политическое наследие с элементами инонациональных социально-исторических идей и где критерий определения того, что из них следует заимствовать, а что нет. В конце 1930-х гг. в своей работе «О новой демократии» Мао Цзэдун высказал здравые мысли о необходимости заимствования лучших элементов древней национальной культуры — ее «демократического зерна». Что касается иностранной культуры, то Мао Цзэдун выступал против «сплошной европеизации». К сожалению, во

времена республиканского Китая обе стороны политического процесса — и гоминьдановцы, и коммунисты — не всегда придерживались правила «золотой середины». Как показывает история, подобный подход тиражировался во многих странах.

7-й том «Истории Китая» состоит из четырех частей: «Китайская республика в 1912—1928 гг.», «Нанкинское десятилетие (1928—1937 гг.)», «Отражение японской агрессии (1937—1945 гг.)», «Гражданская война и победа демократической революции (1945—1949 гг.)». Первая часть посвящена Синьхайской революции, ее последствиям — появлению новых общественно-политических движений, деятельности Китайской национальной партии — Гоминьдана и ее руководителя Сунь Ятсена, распространению марксистских идей и первому периоду истории Коммунистической партии Китая. Естественно, что авторы подробно останавливаются на всех перипетиях Синьхайской революции и последовавших за ней событий. Пожалуй, впервые в российской научной литературе, наряду с заслуженной критикой действий Юань Шикая по подрыву завоеваний Синьхайской революции, признаются его заслуги в деле формирования в Китае нового общественно-политического строя. По словам главного редактора тома Н.Л. Мамаевой, «Значительную роль в переходе от традиционного к новому Китаю сыграл Юань Шикай, воплотивший все противоречия и сложности переходного периода... Поддержав Синьхайскую революцию, он проявил понимание необходимости обновления Китая и его адаптации к современным реалиям... Сильной стороной Юань Шикая являлось знание им политических процессов старого Китая и особенностей системы управления» (с. 44). Он, в частности, вновь ввел в практику запрет на занятие руководящих постов в провинции их уроженцами, в какой-то степени ослабив тенденции к сепаратизму. В то же время Мамаева справедливо отмечает, что рациональный подход к политике сочетался у Юань Шикая с честолюбивыми планами по реставрации монархии, что, в конечном счете, привело к появлению широкой антимонархической коалиции — от сторонников Сунь Ятсена до умеренных традиционалистов во главе с Лян Цичао.

Нельзя не отметить содержащийся в томе подробный анализ регионального милитаризма и характеристику деятельности руководителей различных милитаристских клик — Цао Куня, Дуань Цижуня, У Пэйфу, Чжан Цзолиня, Фэн Юйсяна и других. Именно их взаимоотношения во многом определяли политический ландшафт Китая в 1916—1928 годах. Справедливо отмечается, что «главной движущей силой милитаристских режимов выступали не стремление достичь неких политических или экономических целей, но примитивная жажда власти, желание расширить контролируемые территории, поиск покровителей среди иностранных держав. Такая ситуация имела своим следствием обнищание населения и дальнейшее ослабление позиций Китайской Республики на международной арене» (с. 48).

Большое внимание в этой части исследования справедливо уделено характеристике патриотического движения, направленного против выдвинутых Японией так называемых 21 требования, осуществление которых фактически вело к утрате Китаем национального суверенитета (с. 38—43).

Конечно, ни сам ход Синьхайской революции, ни последовавшие за ней события невозможно представить без Гоминьдана и ее руководителей — вначале Сунь Ятсена, а затем Чан Кайши. Именно Гоминьдан и Сунь Ятсен сыграли значительную, а во многих случаях решающую роль в объединении Китая под властью центрального правительства. Здесь следует указать на теоретическую и политическую деятельность Сунь Ятсена, создание им народно-революционной армии, ее успешный поход на Север. Особенностью Сунь Ятсена как мыслителя и практика была его способность адаптировать свои идеологические и политические принципы к меняющимся условиям революционной ситуации. Как справедливо отмечается в книге, «яркое тому подтверждение — развитие учения о “трех народных принципах”»: от антиманьчжурской борьбы, основного содержания принципа национализма, к слиянию его с принципом народовластия в годы Синьхайской революции, и далее — к обновленной антиимпериалистической интерпретации “трех народных принципов”, разработанной им уже в 1920-е годы» (с. 84).

Большую роль в эволюции социальных взглядов Сунь Ятсена сыграло его знакомство с советскими представителями, а через них — с организационными и идеологическими принципами, лежавшими тогда в основе деятельности российских коммунистов. В книге подробно рассказывается о влиянии этих принципов на Манифест I съезда Гоминьдана, состоявшегося в январе 1924 г. (с. 124—127). Вместе с тем, авторы обращают внимание на то, что Сунь Ятсен стремился учитывать специфику Китая, выступал как против политической системы капиталистических государств, так и против диктатуры пролетариата, ибо обе они были в равной степени неприемлемы для будущего развития китайского общества.

Значительное место в первой части тома справедливо уделено политике Коммунистической партии Китая в 1920-е гг., ибо ее деятельность сыграла в тот период позитивную роль в развертывании революционного движения, организации Народно-революционной армии, Северном подходе, борьбе с милитаристскими группировками. Однако сотрудничество КПК и ГМД встретило серьезное сопротивление правых гоминьдановцев, в частности, их идеолога Дай Цзитао. В конечном счете, весной и летом 1927 г. Чан Кайши и Гоминьдан разорвали союз с коммунистами. Как подчеркивается в книге, «трагически закончившееся сотрудничество между Гоминьданом и китайскими коммунистами на долгие годы деформировало отношение Гоминьдана к проблемам социальной политики» (с. 153). Конечно, вину за подобный исход событий несет не только Гоминьдан, «свою лепту» в него внесли и китайские коммунисты. Они руководствовались положениями резолюции VII пленума Исполкома Коминтерна (конец 1926 г.), который «ориентировал на быстрое перерастание буржуазно-демократической революции в революцию некапиталистическую или социалистическую по типу Октябрьской революции в России со всеми их атрибутами, включая усиление роли рабочего и крестьянского движения в революционном процессе, выдвигание КПК на ведущую роль в национально-революционном движении» (с. 145). Но объективных условий для совершения подобного поворота в Китае тогда не существовало.

После Синьхайской революции заметные изменения происходили в общественно-политической жизни страны. Причем большие возможности для появления и развития новых идеологических течений создавала слабая управляемость милитаристами контролируемых ими территорий. Здесь, прежде всего, следует назвать «движение за новую культуру», появление социалистических, анархистских, либеральных идей, выразителями которых были лица, ставшие впоследствии известными политиками и учеными — Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Мао Цзэдун, Ху Ши, Чжан Дунсунь.

После окончания первой мировой войны встал вопрос об улучшении международного положения Китая и восстановления его суверенных прав, нарушенных договорами, заключенными в XIX веке. В этой связи в книге подробно рассказывается о борьбе китайской делегации на Парижской мирной конференции в 1919 г. и Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. за право Китая быть равноправным партнером других государств в системе международных отношений. Большую роль в отстаивании национальных интересов Китая не только на этих двух конференциях, но и впоследствии, на протяжении 20—40-х гг. прошлого столетия сыграл видный китайский дипломат Гу Вэйцзюнь, более известный под своей английской фамилией Веллингтон Ку. Заслуга авторов книги состоит в том, что подробно описывая деятельность Веллингтона Ку на различных международных конференциях, в Лиге Наций и при создании ООН, они как бы возвращают из политического небытия этого незаурядного человека, патриота своей страны. В этой связи следует заметить, что выступления Гу Вэйцзюня на международных форумах всегда находили одобрение представителей Советского Союза, которые поддерживали позицию правительства Китайской Республики, выступавшего в защиту своего национального суверенитета.

Во второй части 7-го тома авторы рассматривают политическое и вооруженное противостояние двух основных политических сил тогдашнего Китая — Гоминьдана и Компартии. После завершения Северного похода и объединения страны Гоминьдан постепенно создавал систему власти, которую можно охарактеризовать термином «партия-государ-

ство». Это объяснялось тем, что либеральные модели политического устройства уже не пользовались той популярностью, какую они имели во второй половине десятых — первой половине двадцатых годов. Как показала практика общественно-политической жизни, парламентские институты продемонстрировали свою неприменимость к китайским условиям. К тому же в самом Гоминьдане существовали различные группировки, разногласия между которыми не способствовали укреплению его власти.

Важной составной частью системы административного управления, введенной Гоминьданом, являлась реформа деревенского управления, что было обусловлено проживанием в сельской местности большей части населения страны. В этой связи в книге подробно рассказывается о так называемой «шаньсийской модели» Янь Сишаня. Она содержала интересные детали — широкий набор мероприятий, начиная с пропаганды в управлении моральных ценностей и кончая нововведениями организационно-технического характера в сфере ирригации, агрономии и бытовой сфере (в последнем случае речь шла о запрещении «вредных обычаев» — опиумокурения, азартных игр, бинтования ног, ношения мужчинами кос). Как отмечается в книге, «насаждались и различные культурно-идеологические церемониалы. Для работников сферы образования и административных служащих стало обязательным посещение отделений “общества очищения сердца”, где раз в неделю проводился обряд медитации, за которым следовало чтение лекций об основах учения Конфуция» (с. 248).

Попытки преобразования аграрного сектора и системы административного управления свидетельствовали о том, что нанкинский режим обладал определенным реформаторским потенциалом. Однако он не был реализован по целому ряду причин: живучесть традиционных структур китайской деревни, японская агрессия и, конечно, гражданская война между ГМД и КПК. Серьезным политическим просчетом Чан Кайши и его окружения было ведение гражданской войны с коммунистами. Неприятие марксистской идеологии, враждебное отношение к ней перевесило в его политическом курсе в 1930-е гг. национальные

интересы страны. Вместо того, чтобы организовать в союзе с коммунистами отпор японским агрессорам, Чан Кайши осуществлял карательные походы против советских районов. Неудивительно, что среди политиков и военных деятелей росло недовольство политикой Чан Кайши, которого стали обвинять в пассивном отношении к агрессору; «курс Гоминьдана на ликвидацию советских районов как предварительное условие перехода к активным действиям против японского агрессора, сопровождавшийся отвлечением вооруженных сил на борьбу с Красной Армией в ущерб национальным интересам, все чаще характеризовали как недальновидный, по меньшей мере несвоевременный» (с. 319).

Недовольство, в сущности, соглашательской по отношению к японским агрессорам политикой Чан Кайши в конечном счете привело к известным Сианьским событиям 1936 г., которые, по справедливому замечанию авторов книги, стали поворотным пунктом в политическом развитии страны: и ГМД и КПК постепенно пришли к пониманию необходимости компромисса в целях организации единого фронта перед лицом японской агрессии (с. 336).

В заключительных разделах второй части книги рассказывается о советском движении, организационно-политическом выражении которого являлась Китайская Советская Республика, поражении этого движения и «Великом походе» Компартии Китая на северо-запад, борьбе КПК за единый национальный фронт.

Третья часть книги посвящена китайско-японской войне 1937—1945 годов. С ее началом происходило постепенное оформление единого патриотического, антияпонского фронта между КПК и ГМД, при этом немаловажную роль в его создании сыграл Советский Союз, оказавший политическую поддержку правительству Китайской Республики в отражении японской агрессии. Как отмечается в книге, «немаловажную роль в подталкивании Чан Кайши к дальнейшим практическим шагам в создании единого фронта, равно как и в укреплении его решимости к сопротивлению Японии, имела политика Советского Союза в отношении Китая. Договор о ненападении между СССР и Китайской Республикой от 21 авгу-

ста 1937 г. фактически вывел Китай из международной изоляции и гарантировал КР столь необходимую помощь в условиях практически полного отказа западных держав поддержать Китай в какой-либо форме» (с. 344).

Значительный интерес представляют те главы третьей части, в которых подробно говорится об основных этапах китайско-японской войны, в том числе о попытках Японии расколоть единый антияпонский фронт путем создания марионеточных правительств в оккупированных районах Китая; здесь главное внимание уделяется фигуре Ван Цзиньвэя. В главе о внутривластной и экономической ситуации в Китае содержится много конкретных свидетельств деятельности гоминьдановского правительства по государственному регулированию экономической жизни страны, аграрной и налоговой политики в деревне. На состоявшемся весной 1938 г. в Ухани Чрезвычайном съезде Гоминьдана было принято решение о концентрации власти как необходимым условием отражения японской агрессии. Тем более, что центральному правительству приходилось работать на юго-западе страны — в отсталом в промышленном отношении районе. Поэтому «ключевую роль в экономических программах Центр отводил реформе финансовой системы и денежного обращения» (с. 423).

Единственным государством, с самого начала антияпонской войны решительно выступившим в поддержку Китая, был Советский Союз. Это отчетливо проявилось на Брюссельской конференции в ноябре 1938 г., где выступление китайского представителя Гу Вэйцзюня, призвавшего остановить японскую агрессию, поддержал только глава советской делегации М.М. Литвинов. Советско-китайские отношения развивались по трем направлениям: доставка в Китай советской военной техники и направление советских специалистов, в том числе военных, прежде всего летчиков; политическая поддержка Китая на международных конференциях и в организациях; содействие в укреплении внутривластного единства в стране.

В главе «КПК в период антияпонской войны» рассматриваются вопросы политической и теоретической деятельности КПК и ее руководителя Мао Цзэдуна в Яньани, в частности,

в ней изложены тезисы его выступления на VI расширенном пленуме ЦК КПК 6-го созыва (сентябрь 1938 г.). В них Мао Цзэдун недвусмысленно изложил курс на китаизацию марксизма. По его словам, «абстрактного марксизма не существует, есть только марксизм конкретный. Конкретный марксизм — это марксизм, который применяется в конкретной борьбе, в конкретных условиях китайской действительности, а не марксизм, который применяется абстрактно» (с. 480).

Четвертая часть тома посвящена гражданской войне между ГМД и КПК. Сразу после победы Китая в антияпонской войне начались переговоры между двумя основными политическими партиями Китая относительно определения дальнейшего пути развития страны и ее политического устройства. Следует сказать, что Чан Кайши и его окружение демонстрировали курс на сохранение диктатуры Гоминьдана. Несмотря на заключенное 10 октября 1945 г. Соглашение о перемирии, последующие действия руководства ГМД свидетельствовали о том, что оно выступает против демократизации режима власти в Китайской Республике. В этих условиях советское правительство решило поддерживать китайских коммунистов: во-первых, ими было передано имущество и вооружение японской армии; во-вторых, оно «по мере возможности препятствовало проникновению в Дунбэй переброшенных в Северный Китай гоминьдановских войск»; в-третьих, интенсивно развивался товарооборот между этим регионом Китая и Советским Союзом. Власти Северо-Восточного Китая рассчитывались с советскими торговыми организациями в основном сельскохозяйственной продукцией. В то же время военные поставки по линии советских ведомств направлялись, как правило, безвозмездно, в качестве дара китайским коммунистам. «В достижении победы КПК в Дунбэе, подчеркивается в томе, существенную роль сыграла и помощь советских специалистов — железнодорожников, работавших на КВЖД» (с. 593). Именно благодаря военной, политической и экономической помощи была создана Маньчжурская революционная база, которая послужила плацдармом для успешного наступления Народно-Освободительной армии на другие районы страны и ее победы в гражданской войне.

Победа КПК во многом объясняется тем, что она проводила в целом «новодемократическую политику». «Будущее государство объявлялось “республикой объединенной диктатуры нескольких революционных классов”; в экономике предполагалось сосуществование государственной, кооперативной, частнокапиталистической собственности» (с. 602).

Большое внимание руководство КПК уделяло положению крестьянских масс, ибо именно они являлись одним из решающих факторов обеспечения НОА людскими и материальными ресурсами. Начав со снижения арендной платы и ссудного процента КПК перешла затем к ликвидации феодально-эксплуататорской системы землепользования. Тем самым была обеспечена поддержка коммунистов со стороны большинства крестьянского населения. В процессе осуществления аграрной реформы на местах появлялась тенденция «левизны» — перегибы в отношении середняка и уравнительный передел земли. В 1947 г. ошибки в проведении аграрной реформы были подвергнуты критике; в этой связи следует отметить, что новодемократическая политика КПК предусматривала защиту национальной промышленности и торговли от проявления уравнительных тенденций, характерных для крестьянского социализма; в программных документах компартии второй половины 1940-х гг. подчеркивалась роль частнокапиталистического сектора в развитии экономики страны, более того, предусматривалось широкое привлечение иностранного капитала.

Реалистический курс компартии, учитывавший конкретно-исторические условия Китая, позволил ей привлечь на свою сторону не только крестьян и рабочих, но и интеллигенцию, национальную буржуазию, был создан единый фронт всех патриотических сил, всех демократических партий во главе с КПК. Победоносная гражданская война завершилась образованием 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики.

Вместе с тем, давая общую оценку историческому периоду Китайской Республики, авторы тома указывают, что в то время были достигнуты определенные успехи в поступательном развитии страны (с.626). Это выражалось в стремлении осуществить реформы в сфере экономики, системе налогообложе-

ния, банковском деле, правовой сфере, делались попытки решения традиционной проблемы соотношения полномочий власти в центре и на местах. Нельзя не отметить и определенный рост международного авторитета Китайской Республики, о чем свидетельствует и отмена неравноправных договоров с иностранными государствами, и ликвидация их экстерриториальности на территории страны, и получение Китаем наряду с другими великими державами места постоянного члена Совета Безопасности ООН. В то же время успехи Компартии Китая, обеспечившие ей победу в гражданской войне, объясняются тем, что в отличие от Гоминьдана она «изучала потребности населения изнутри, находясь рядом с народом, методом проб и ошибок развивала теорию и “нащупывала” правильную тактику практических действий» (с. 625—627).

Достоинство 7-го тома «Истории Китая» заключается в том, что в нем наряду с рассмотрением политической и экономической истории республиканского Китая освещаются различные стороны культурной жизни, науки и образования страны в тот период. Здесь следует отметить разделы о положении различных религиозных организаций, состоянии философской мысли. С интересом читаются два раздела об экономической мысли, в которых представлен обзор экономических исследований китайских ученых, перечислены их работы. Как отмечается в томе, «важным наследием республиканского периода стал опыт обсуждения применимости для Китая иностранных теорий. Практика заимствования западных рыночных институтов показала, что в силу различий в уровне экономического развития, несходства исторических и культурных традиций их эффективность в китайских условиях ограничена». Вместе с тем подчеркивается, что «систематизированное изложение на китайском языке западных экономических теорий открывало перед исследователями новые перспективы в изучении экономики страны и разработке стратегии модернизации. Ученые впервые заимствовали строгие профессиональные стандарты экономической науки, знакомились с современными исследовательскими методами» (с. 641). В разделах, посвященных литературе, театру, архитектуре, живописи и кино мы нахо-

дим содержательный анализ и новые материалы о творческих поисках китайских деятелей искусства.

Вполне обоснованным является включение в том главы «Повседневная жизнь», в которой рассказывается о народных верованиях и праздниках, об эволюции традиционных ценностей и норм. Читатель как бы совершает увлекательное путешествие в мир китайских традиций, преданий, примет, предсказаний, которые определяли моральные нормы, представления об окружающем мире всех китайцев — от простолюдинов до богачей. То, что описано в этой главе, во многом сохранилось и в современном Китае.

Седьмой том «Истории Китая» снабжен солидным справочным разделом — пятью приложениями, включающими сведения об административно-территориальном делении и населении периода республиканского Китая, хронологическую таблицу, биографии известных деятелей, список сокращений и китайских мер; указатели имен и географических названий, а также библиографию.

Конечно, авторам книги можно предъявить претензии по поводу неполноты изложения тех или иных событий, отсутствия в биографической части некоторых важных имен, например, Лю Шаоци, Линь Бяо, Не Жунчжэня (командовавшего парадом 1 октября 1949 г.), Гао Гана, Чэнь Гунбо, Ян Хучэна и др.

Следовало бы также более подробно изложить содержание «движения за новую жизнь», задуманного как идеологическое обоснование гоминьдановского режима. Непонятно, почему обойдена вниманием важная для понимания мировоззрения Чан Кайши его книга «Судьбы Китая» (1943 г.), в которой он делает прозрачные намеки на территориальные претензии к Советскому Союзу. В список библиографии, пусть даже избранной, следовало бы включить работы Л.И. Делюсина об истории социалистических идей в Китае, Е.Ю. Станбуровой об анархизме, О.Борисова и Б. Колоскова о маньчжурской революционной базе, П.П. Владимирова «Особый район Китая». В книге несколько раз используется термин «шэньши», но не разъясняется его содержание, а ведь книга, рассчитана не только на китайстов; встречаются повторы (см. с. 400—401 и 467).

Однако в целом, седьмой том «Истории Китая» является фундаментальным трудом, это серьезный вклад отечественных ученых в российское и мировое китаеведение. В нем присутствует взвешенная оценка политической, экономической, идеологической и культурной истории периода Китайской Республики, при этом авторскому коллективу удалось отойти от существующих в нашей литературе штампов и предубеждений.

В.Г. БУРОВ

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 1, 2015

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25. 12. 2014. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1800. Заказ 6. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

ИВИ
ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ